

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ и право

№ 3 (49) · 2020

ISSN 2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 3 (49) · 2020
ISSN 2219-6242

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 3 (49) • 2020

Главный редактор

СМЕШКО О. Г. — ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

КОСТИН Г. А. — проректор по научной работе, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

РЫБКИНА М. В. — доктор юридических наук, профессор
ПОКРОВСКАЯ Н. Н. — доктор социологических наук, профессор

Редакционный совет

АГАЕВ Г. А. о. — профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор

БЕРГМАНН В. — вице-президент Европейской академии наук и искусств, член правления форума «Петербургский диалог», доктор юридических наук, профессор

БОЕР В. М. — проректор по учебно-воспитательной работе Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

БРАЗЕВИЧ С. С. — профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

БУГЕЛЬ Н. В. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Е. В. — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

ЕЛИСЕЕВА И. И. — руководитель сектора Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

ЖИЛЬСКИЙ Н. Н. — заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

КОСАРЕВ С. Ю. — заведующий кафедрой криминалистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор

КОСТИН Р. А. — заведующий кафедрой социологии и социальной работы Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

МАЛЬКО А. В. — директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

МАРГУЛЯН Я. А. — профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

МАРКОВ А. А. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В. — профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор

ОГАНЕСЯН С. М. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

СИЛИНА Е. В. — заведующий кафедрой предпринимательского права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент

ЦЫПЛЯЕВ С. А. — декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат физико-математических наук

Адрес редакции:
190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2020
© Санкт-Петербургский университет
технологий управления
и экономики, 2020

SOCIOLOGY AND LAW № 3 (49) • 2020

Chief Editor

SMESHKO O. G. — Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Editor

KOSTIN G. A. — Vice Rector for Scientific Affairs, Associate Professor, Correspondent Member of the International Higher Education Academy of Sciences and Russian Academy of Military Sciences

The Editorial Department

RYBKINA M. V. — Doctor of Law, Professor
POKROVSKAYA N. N. — Doctor of Social Sciences, Professor

The Editorial Team

AGAIEV G. A. o. — Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

BERGMANN B. — Vice-President of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Member of the Board of the Forum "Petersburg dialogue", Doctor of Law, Professor

BOER V. M. — Vice-Rector for Teaching and Educational Work of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

BRAZEVICH S. S. — Professor of St. Petersburg State University, Doctor of Social Sciences, Professor

BUGEL' N. V. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor

VOSKRESENSKAYA E. V. — Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

ELISEEVA I. I. — Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

ZHIL'SKIY N. N. — Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KOSAREV S. Yu. — Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

KOSTIN R. A. — Head of Department of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MAL'KO A. V. — Director of the Institute of State and Law of RAS, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

MARGULYAN Ya. A. — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MARKOV A. A. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MISHAL'CHENKO Yu. V. — Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

OGANESYAN S. M. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

SILINA E. V. — Head of Department of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Associate Professor

TSYPLYAEV S. A. — Head of Department of Law of the North-West Institute of Management (branch of RANEPa), Ph. D. in Physical and Mathematical Science

Editorial Office:

44/a Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, 190103, Russia
Phone Number: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@spbume.ru, izdat-ime@yandex.ru

© Team of Authors, 2020
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Гневашева В. А.</i> Модели миграции	6
<i>Гелих О. Я., Левицкая А. Н., Покровская Н. Н.</i> Социологический анализ социальных установок профессионального и карьерного роста в контексте цифровой экономики и общества знаний	12
<i>Бабич Н. С., Батыков И. В.</i> Интернет-опросы общественного мнения как инструмент сбора данных для принятия правовых решений: анализ контекста и оснований использования	25
<i>Пронина З. Ю.</i> Коммуникативные барьеры и пути их преодоления в антикризисном управлении организацией	34
<i>Ходжаев С. Д.</i> Динамика формирования предпринимательства среди молодежи в контексте модернизации общества в Узбекистане	39
<i>Ахтырский А. А.</i> Мотивационные смыслы педагогических работников сиротских учреждений	48

Право в жизни государства и личности

<i>Бородин В. В., Сиракян А. Р.</i> Экспертизы по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности: теория и практика	58
<i>Смирнов С. Н.</i> К вопросу о типизации моделей социальной стратификации стран мира (краткий обзор некоторых концепций и авторский комментарий)	65
<i>Уткин Г. Н.</i> Формы реализации права в аспекте соотношения безусловного и условного	76
<i>Чабукиани О. А., Зорина Е. А., Солодовник В. В.</i> Способы противодействия киберпреступности	84
<i>Аксенова М. С., Черных А. Б.</i> Актуальные проблемы переселения соотечественников — иностранных граждан на территорию России	94
<i>Краснова Н. Е.</i> Правовая характеристика нормативных актов и исторические аспекты развития процесса привлечения несовершеннолетних к административной ответственности в СССР	100
<i>Левин В. В.</i> Суды присяжных заседателей в российской судебной системе: правовые особенности и проблемы	105
<i>Чангли И. Д.</i> Идеологические и исторические предпосылки возникновения советской государственно-правовой системы, ее основные черты и принципы .	112

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Gnevasheva V. A.</i> Models of Migration	6
<i>Gelikh O. Ya., Levitskaya A. N., Pokrovskaya N. N.</i> Sociological Analysis of Attitudes of Professional Growth and Career in the Context of Digital Economy and Knowledge Society	12
<i>Babich N. S., Batykov I. V.</i> Internet Public Opinion Surveys as a Data Collecting Tool for Making Legal Decisions: Analysis of the Context and Reasons for Using	25
<i>Pronina Z. Yu.</i> Communicative Barriers and the Ways to Overcome Them on Crisis Management Organization	34
<i>Khodzhaev S. D.</i> Dynamics of the Formation of Entrepreneurship among Youth in the Context of Modernization of Society in Uzbekistan	39
<i>Akhlyrskiy A. A.</i> Labor Motivation of Pedagogical Workers of Institutions for Orphans	48

The Law in a State and Person Life

<i>Borodin V. V., Sirakanyan A. R.</i> Grounds for the Appointment of Expertise in Cases of Crimes Related to Violation of Labor Protection and Safety Regulations	58
<i>Smirnov S. N.</i> To the Question of the Classification Patterns of Social Stratification in the Countries of the World (Brief Overview of Some Concepts and Author's Comment)	65
<i>Utkin G. N.</i> Forms of Realization of the Law in the Aspect Relations of Unconditional and Conditional	76
<i>Chabukiani O. A., Zorina E. A., Solodovnik V. V.</i> Ways of Counteraction to Cybercrime	84
<i>Aksenova M. S., Chernykh A. B.</i> Current Problems of Relocation of Compatriots-Foreign Citizens to the Territory of Russia	94
<i>Krasnova N. E.</i> Legal Characteristics of Regulatory Acts and Historical Aspects of the Development of Attracting Minors to Administrative Liability in the USSR	100
<i>Levin V. V.</i> Jury Trials in the Russian Judicial System, Legal Features and Problems	105
<i>Changli I. D.</i> Ideological and Historical Prerequisites for the Establishment of the Soviet State-Legal System, Its Essence and Principles	112

Гневашева В. А.

ORCID: 0000-0002-3596-661X

Модели миграции

Gnevasheva V. A. Models of Migration

В статье раскрыты положения о том, что мировое социально-экономическое пространство характеризуется усилением миграционных потоков в сопряженности с ростом численности населения в целом. Утверждается, что на протяжении последних десятилетий основной причиной миграции населения остается причина экономическая. В стремлении улучшить качество собственной жизни и своих семей мигранты осуществляют переезды на территорию, отличную от их привычного места пребывания, неся с собой собственную культуру, свое мировоззрение, свои взгляды на жизнь и общество. В этой связи предпринята попытка определить ключевые теоретические осмысления миграционных потоков, выявить научно-практическую значимость для современных оценок миграции.

Ключевые слова: модели миграции, дуальность рынка, неоклассическая модель, микроэкономическая модель, эконометрическая модель, концепция «мир — система», возвратная миграция.

Контактные данные: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; (499) 530-28-84; e-mail: vera_cos@rambler.ru.

The world socio-economic space is characterized by an increase in migration flows coupled with an increase in the population as a whole. Over the past decades, the main reason for population migration has been economic. In an effort to improve the quality of life for their own and their families, migrants move to territories other than their usual place of residence, carrying with them their own culture, their worldview, their views on life and society. In this regard, it is important to define the key theoretical understanding of migration flows, revealing the scientific and practical significance for modern estimates of migration.

Keywords: migration models, market duality, neoclassical model, microeconomic model, econometric model, world-systems, return migration.

Contact Details: Fotiyevoy Str. 6/1, Moscow, 119333, Russia; (499) 530-28-84; e-mail: vera_cos@rambler.ru.

Гневашева Вера Анатольевна — руководитель Отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра (ИДИ ФНИСЦ РАН), доктор экономических наук, доцент.

© Гневашева В. А., 2020

Общие аспекты современной теории

Современные исследования миграционных процессов, в частности внутренней миграции, характеризуются некоторыми схожими направлениями, что отражено в общих целях и задачах государственного управления миграционными потоками, заданными в том числе и Концепцией миграционной политики Российской Федерации (РФ) до 2025 г.

Общие особенности современного состояния внутренней миграции рабочей силы в России рассматриваются в публикациях Т. Ф. Вышеславовой [1]. Миграционные потоки определяются в соответствии с социально-экономическими закономерностями, а детерминанты внутренней миграции современной России выявляются как схожие с другими странами рыночной экономикой. Общие вопросы внутренней трудовой миграции, терминологические аспекты проблем внутренней миграции детерминированы в работах С. М. Аллагулиевой [2], Е. А. Андриюшковой [3], А. А. Андреевой [4]. Вопросы региональной специфики внутренней миграции регионов и государств проанализированы в исследованиях А. Г. Томаска [5], О. С. Гайфутдиновой [6], Г. Т. Маткеримовой [7], В. А. Казанцевой [8] и др. Внутренняя миграция также обосновывается и в контексте вопросов национальной безопасности в работах А. А. Моисеенкова [9], где представлены оценки объемов внутренней миграции с учетом особенностей их изменений. Экономический аспект миграции, а также социально-экономическое влияние внутренней миграции на развитие регионов освещается в работах А. А. Черных [10], Е. С. Вакуленко [11], Н. А. Эльдяевой [12] и др. Социальный аспект миграции, в том числе вопросы национальной идентификации в контексте внутренних потоков миграции, описаны А. А. Илюхиным [13], С. В. Мажинским [14].

Представленный перечень исследований позволяет говорить о многоаспектности в рассмотрении проблем миграционных процессов, как с социально-экономической стороны, так и с позиции демографической, политической и юридической, что формирует предпосылки систематизации подходов оценки миграции в рамках отдельных модельных направлений с включением набора взаимозначимых факторов.

Статистические оценки современной миграции

Международная организация миграции (МОМ) определяет мигранта как любое лицо, которое осуществляет перемещение через международную границу или в пределах государства от его/ее обычного места жительства, независимо от таких факторов, как (1) правовой статус лица; (2) установления того, является ли движение добровольным или недобровольным; (3) причин перемещения; (4) продолжительности пребывания в месте перемещения.

Представим ряд общих характеристик международной миграции на современном рынке труда. На глобальном уровне количество международных мигрантов увеличилось, но их доля среди населения мира осталась сравнительно стабильной. По современным оценкам, в мире насчитывается 244 миллиона международных мигрантов (или 3,3 % населения мира). Хотя основная масса населения в мире продолжает жить в стране, в которой они родились, все больше людей мигрируют в другие страны, особенно в пределах своего региона. Большинство мигрирует в страны с более высоким уровнем дохода, даже если они расположены территориально дальше.

Работа является главной причиной, по которой люди мигрируют на международном уровне, и трудящиеся-мигранты составляют подавляющее большинство международных мигрантов в мире, занятых, как правило, в секторе услуг. Глобальное перемещение населения находится на рекордно высоком уровне: числен-

ность внутренней миграции превышает 40 млн чел., а число беженцев составляет более 22 млн чел.

Параллельно с процессом разрастания миграционных потоков начинает оформляться и теоретическое обоснование подобных явлений, образуя ряд модельных подходов. Среди них — эконометрическая модель Э. Ли, неоклассическая теория миграции (М. Фридман, П. Самуэльсон), модель индивидуального выбора М. Тодаро, теория дуальности рынка труда М. Пиоре, теория мир-системной парадигмы (И. Валлерстайн), теория возвратной миграции (О. Старк).

Модельное обоснование миграции

С середины XX в. особенно активно ведутся разработки методологических обоснований миграционных процессов. Так, одной из так называемых классических моделей оценки миграционных процессов выступает *эконометрическая модель Э. Ли* [15], разработанная в 1960-е гг.

Согласно данной модели, на каждой территории действуют различные группы факторов миграции: удерживающие (или притягивающие) и выталкивающие, которые и определяют степень склонности к прибытию и выбытию миграционных потоков. Важно учитывать, что степень воздействия данных факторов неодинакова, некоторые могут оказывать влияние на выбор большого количества участников миграции, другие действуют индивидуально. В модели Э. Ли существует и группа промежуточных факторов, имеющих тенденцию возрастания в своем воздействии на выбор мигрантов при факторах увеличения расстояния между территориями перемещения, и в этой связи являются некоторыми ограничителями миграции. К таким факторам в модели относятся расходы, связанные с перемещением мигрантов, вероятность получения полной и достоверной информации о месте назначения и условиях труда, особенности законодательного регулирования миграции на территории въезда.

Таким образом, с учетом модели Э. Ли мигрант выступает активным субъектом миграционного процесса, индивидуально принимающим решение в соответствии с рациональным выбором. Принятие решения о миграции обусловлено оценкой простого финансового потока ожидаемых выгод и издержек, сопряженных с миграционными ожиданиями индивида. По сути, концентрируя внимание на экономических факторах миграции, модель Э. Ли упускает из виду неэкономические. Вместе с тем именно неэкономические причины подчас оказывают решающее влияние на результат выбора.

Другая модель — *неоклассическая теория миграции*, авторами которой выступает группа известных экономистов в области макроэкономики: М. Фридман, П. Самуэльсон и др. Данная теория разработана в 1960–1970-е гг., исходит из определения в качестве доминантной переменной процесса миграции наличия свободной конкуренции, которая, в свою очередь, предполагает формирование механизма совершенного рынка факторов производства.

Ввиду этого основные положения модели субъектно направлены на трудовую миграцию, поведение которой обусловлено экономическим целеполаганием. С экономической точки зрения в модели предполагается описание поведения субъекта миграционных процессов. В рассматриваемой теории миграция обусловлена географическими различиями в спросе и предложении труда, сигналом для перемещений выступает разность в ожидаемых доходах, при этом уровень ожидаемого дохода должен быть достаточными для покрытия издержек перемещения.

Итак, с позиции государственного управления вопросы территориального перемещения мигрантов сопряжены с вопросами эффективного размещения ресурсов. Данная идея воспринята руководством отдельных стран, в частности

СССР, для усиления процесса выравнивания экономического развития территорий за счет перераспределения трудовых ресурсов.

Следующая модель — модель микроэкономическая — *модель индивидуального выбора* М. Тодаро [16], определяющая индивида как рационального субъекта, принимающего решение о миграции на основании оценки ожидаемых издержек, сопряженных с перемещением и ожидаемых выгод, преимущественно дохода.

В этой связи подход индивидуального выбора в отношении миграционных перемещений обусловлен, по сути, отдачей от некоторого инвестиционного потока, которая в модели определяется как форма инвестиций в человеческий капитал. Уровень ожидаемых доходов субъектов — участников миграционного процесса — коррелирует с уровнем их продуктивности, т. е. учитывает и уровень их квалификации. Следовательно, перемещение на территории, позволяющее получить больший уровень дохода, сопряжено с возможностью большей компенсации соответствующего уровня продуктивности работника. Поэтому можно предопределить направленность миграционных потоков. При принятии решения об иммиграции важно учитывать и разность в доходах в принимающей стране. Так, например, в странах с низким уровнем трудовых доходов разрыв в оплате труда между неквалифицированными и квалифицированными работниками может составлять около 20 %, тогда как в странах с высокими доходами этот разрыв может быть в 10–30 раз.

Подобная рассогласованность в уровнях дохода в соответствии с уровнем продуктивности работников также обоснована и в теории *дуальности рынка труда* (1979) М. Пиоре [17]. Согласно теории М. Пиоре, экономически развитые страны сталкиваются с возрастающим спросом на трудовую миграцию в соответствии с законами развития общества при смене формаций и переходе к постиндустриальному обществу с разрастанием сферы услуг. Такой процесс формирует предпосылки для развития дуальности, или, как предполагается теорией М. Пиоре, двойственности рынка труда и связанного с этим явлением структурной инфляции.

В объяснении миграционных потоков М. Пиоре определяет два взаимообусловленных процесса: структурную инфляцию и дуальность рынка труда. Структурная инфляция при дуальности рынка труда обусловлена социальными переменными, вносящими вклад в процесс формирования уровня заработной платы работников, включенных в разные по социальному статусу сегменты рынка труда [18]. При недостатке национального предложения рабочей силы привлечение неквалифицированной внешней рабочей силы для работодателя путем увеличения заработной платы приводит к необходимости ее повышения по всей должностной иерархии. Это, в свою очередь, ведет к росту издержек, а следовательно, и цен. Самым рациональным решением, в том числе и социально ориентированным, будет привлечение к труду мигрантов, согласных работать за более низкую заработную плату.

Необычна теория мир-системной парадигмы, представленной в работах И. Валлерстайна [19]. В соответствии с его теорией происходит разделение мира на центр и периферию. Процесс глобализации, несомненно, ведет к ускорению миграционных процессов. Динамично разрастающиеся города увеличивают спрос на труд, преимущественно мигрантов, а по мере формирования данного запроса периферия (развивающиеся страны), отвечая на запрос мировой экономики, в частности центра, формирует предложение труда, тем самым обеспечивая мобильность трудовых ресурсов.

В своем исследовании «Существует ли в действительности Индия?» [19] И. Валлерстайн размышляет о значимости центров для развития периферии и пишет об Индии как о колонии (в свое время) и особенностях развития этой территории в соответствии с концепцией «мир — система»: «Давайте на секунду вообразим, что произошло, если бы в период 1750–1850 гг. англичане колонизировали преимущественно территорию старой Империи Великих Моголов, назвав ее Хиндустаном, а

французы одновременно заняли бы южные (преимущественно населенные дравидами) регионы нынешней Республики Индия, дав им наименование Дравидия. Считали бы мы сегодня после этого, что Мадрас являлся исконной «исторической» частью Индии? Использовали бы мы вообще это слово Индия? Я думаю, что нет. Вместо этого ученые со всего мира, вероятно, строчили бы пухлые тома, доказывающие, что с незапамятных времен Хиндустан и Дравидия были двумя принципиально различными культурами, народами, цивилизациями, нациями или как-то иначе отличались каким-нибудь другим образом» [20].

Современные неоколониальные правительства, равно как и транснациональные корпорации, усиливают идею власти национальных элит, которые и включены в процесс перераспределения глобальных ресурсов, в том числе трудовых. Интересна и более современная теория — *теория возвратной миграции*. Это, по сути, новая экономическая теория миграции, формирующаяся в 1980–1990-е гг. в контексте некоторого усовершенствования, в том числе и теории рационального выбора. О. Старк [21], основоположник данной теории, предлагает разработанную на основе неоклассической традиции теорию с акцентом на роли домохозяйства, а не просто отдельного индивида, в процессе принятия решения о миграционной мобильности [22].

Основные положения теории О. Старка детерминируют особенности развития возвратной миграции, обуславливая их не столько различиями в трудовых доходах, сколько различиями в их использовании. Ввиду этого важным введенным в теории понятием выступает понятие сбережений как части трудового дохода мигрантов, рефинансируемого на территорию выезда, которая, в свою очередь, приводит к усилению покупательной способности населения страны-донора [21].

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что научные взгляды теоретиков в области миграции формируют основу для понимания причин и факторов не только прошлых, но и современных процессов международной миграции. Каждая из описанных теорий должна быть рассмотрена в контексте времени ее разработки. В последовательности изложения теорий в статье прослеживается теоретическое развитие рассматриваемых возможностей оценки и управления миграционными процессами. Возникновение во времени все новых теорий миграции позволяет аргументированно обосновывать вызовы изменяющегося социально-экономического пространства, разрабатывать решения по управлению миграционными потоками в изменяющейся социально-экономической среде.

Изучение теоретических подходов помогает понять закономерности и последствия миграционных процессов, строить прогнозы, проводить более взвешенную и рациональную миграционную политику. Теории миграции созданы для осмысления влияния миграционных процессов на население и рынки труда, на экономики и общества разных государств. При этом процесс теоретического переосмысления миграции как явления неразрывно связан с тенденциями развития и трансформации глобального общества.

Литература

1. Вышеславова Т. Ф. Современное состояние внутренней миграции рабочей силы в РФ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-2 (56). С. 50–53.
2. Аллагулиева С. М. К вопросу о внутренней трудовой миграции в Российской Федерации // Высшая школа. 2016. № 9-1. С. 68–70.

3. Андрюшкова Е. А. К вопросу о понятийном аппарате в рамках исследования проблем внутренней миграции // Юридический мир. 2015. № 15. С. 60–64.
4. Андреева А. А. Определение понятий «внешняя трудовая миграция» и «внутренняя трудовая миграция» в рамках социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 18–20.
5. Томаска А. Г. Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия) и социальный портрет сельского мигранта в городских поселениях // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия): сб. науч. ст. Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2015. С. 23–43.
6. Гайфутдинова О. С. Внутренняя миграция как фактор инновационного развития территории (на примере Пермского края) // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10-1 (63). С. 398–401.
7. Маткеримова Г. Т. К вопросу о внутренней миграции на рынке труда Кыргызской Республики // Известия вузов (Кыргызстан). 2014. № 11. С. 86–88.
8. Казанцева В. А., Ли А. М. Внутренняя трудовая миграция на Дальний Восток России // Студенческая наука XXI века. 2015. № 2 (5). С. 318–320.
9. Моисеенков А. А. Миграция и внутренняя безопасность страны // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 204–205.
10. Черных А. А. Влияние внутренней и внешней миграции на региональную экономику // Регулирование инновационных и интеграционных процессов в российской экономике: проблемы, механизмы, перспективы: III Всерос. науч.-практ. конф.: сб. ст. Пенза: МНИЦ Пензенской государственной сельскохозяйственной академии, 2015. С. 78–82.
11. Вакуленко Е. С. Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России // Региональные исследования. 2015. № 4 (50). С. 83–95.
12. Эльдяева Н. А., Кованова Е. С. Оценка влияния внутренней трудовой миграции населения на социально-экономическое развитие региона // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 6. С. 106–111.
13. Илюхин А. А., Илюхина С. В. Социальная инфраструктура и внутренняя трудовая миграция // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 3 (93). С. 20–24.
14. Мажинский С. В. Влияние ханьской миграции на национальную идентичность монголов автономного района внутренняя Монголия в середине XX в. // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика исследования: Междунар. науч. конф. Томск, 2015. С. 240–242.
15. Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. No. 3 (1). P. 47–57.
16. Todaro M. Economics for a developing world: an introduction to principles, problems. Longman, 1983. 517 p.
17. Piore M. Unemployment and Inflation: Institutional and Structuralist Views. Sharpe Press, 1979. 256 p.
18. The Dual Labor Market: Theory and Implications, in The State and the Poor / ed. by Samuel H. Beer and Richard Barringer. Cambridge, Mass: Winthrop Publishers. P. 55–59.
19. Wallerstein I. Does India Exist? Q Wallerstein I. Unthinking Social Science. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 130–134.
20. Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? [Электронный ресурс] // Proshloe. 2019. 3 октября. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/wallerstain_3-9_logos.pdf (дата обращения: 04.03.2020).
21. Stark O. Tales of Migration without Wage Differentials: Individual, Family and Community Contexts: ZEF Discussion Paper on Development Policy No. 73. University of Bonn: Center for Development research, 2003. 15 p.
22. Stark O. The migration of Labour. Oxford: Blackwell, 1991. 406 p.

Гелих О. Я., Левицкая А. Н., Покровская Н. Н.

**Социологический анализ социальных установок
профессионального и карьерного роста
в контексте цифровой экономики и общества знаний**

*Gelikh O. Ya., Levitskaya A. N., Pokrovskaya N. N. Sociological Analysis
of Attitudes of Professional Growth and Career in the Context
of Digital Economy and Knowledge Society*

Социологический анализ факторов интеграции представителей молодых поколений в экономически активную жизнедеятельность опирается на исследование ценностных установок молодежи в отношении трудоустройства и профессионального роста. Информационное общество сформировало два ключевых параметра, оказывающих влияние на построение траектории образовательной, профессиональной, трудовой или предпринимательской активности — роль знаний в создании ценности и цифровую среду как пространство поиска информации, самореализации индивидов в обществе и социопрофессиональном сообществе. Теоретический анализ трудовой социализации позволяет перейти к результатам проведенных с участием авторов эмпирических исследований в 2017, 2019–2020 гг. Полученные данные носят оценочный характер и позволяют сделать выводы о влиянии медиапространства на принятие молодыми людьми, вступающими в трудоспособный возраст, решений о выборе профессии, выборе формы экономической активности, трудоустройстве и карьерном росте.

A sociological analysis of the factors of integration of young generations into active economic life is based on a study of the values of young people in relation to employment and professional growth. The information society has two key parameters that influence the construction of the trajectory of educational, professional, labor or entrepreneurial activity — the significant role of knowledge in creating value and the digital space as a source of information and the place for individuals to fulfill themselves in society and the social and professional community. A theoretical analysis of labor socialization allows researchers to move on to the results of empirical studies carried out with the participation of authors in 2017 and 2019–2020. The data obtained are evaluative in nature and allow authors to draw conclusions about the influence of the media space on young people entering working age taking decisions on choosing a profession and a form of economic activity, planning employment and career growth.

Гелих Олег Яковлевич — профессор кафедры управления образованием и кадрового менеджмента Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель Герценовского междисциплинарного методологического семинара исследований современных проблем управления, доктор философских наук, профессор.

Левицкая Александра Николаевна — аспирант кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Покровская Надежда Николаевна — профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор социологических наук, профессор.

© Гелих О. Я., Левицкая А. Н., Покровская Н. Н., 2020

Ключевые слова: человеческий капитал, социализация, цифровизация, информационное общество, факторы выбора вуза, рынок труда.

Контактные данные: Гелих О. Я.: 191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки, д. 48; (812) 312-44-92; e-mail: ogelich@yandex.ru | Левицкая А. Н.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 575-11-30; e-mail: alexandra_levitskaya@mail.ru | Покровская Н. Н.: 197046, Санкт-Петербург, Малая Посадская ул., д. 26; 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29; (812) 294-09-01; e-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru.

Keywords: human capital, socialization, digitalization, information society, factors of choice of higher education institution, labor market.

Contact Details: Gelikh O. Ya.: Moyka Emb. 48, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: ogelich@yandex.ru | Levitskaya A. N.: Lermontovskiy Ave 44; St. Petersburg, 190103, Russia; e-mail: alexandra_levitskaya@mail.ru | Pokrovskaya N. N.: Malaya Posadskaya Str. 26, St. Petersburg, 197046, Russia; Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, 195251, Russia; (812) 294-09-01; e-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru.

Проблемы пандемии и введенных мер социальной изоляции, которые весной 2020 г. затронули практически все страны, вновь поставили вопрос изучения социально-трудовых отношений. Для общества и бизнеса проявилась ключевая роль трудовой деятельности как компонента социальной интеграции. Наряду с экономико-управленческим анализом трудовой мотивации и организационной адаптации сотрудников очевидной стала актуальность социологического анализа трудовой социализации, социальных установок, ценностных ориентаций и ожиданий в сфере трудового поведения.

Карантинная изоляция государств и граждан показала значимость традиционных регулятивных механизмов и социальных институтов, национальной социально-экономической политики и корпоративного социального управления. Так, Евросоюз смог выработать внятные меры наднационального регулирования лишь через четыре месяца после объявления об эпидемии COVID-19. 23 апреля 2020 г. принято первое решение о поддержке стран ЕС, пострадавших от пандемии, из бюджета Союза [1].

Ранее ключевыми факторами интереса к регулированию социально-трудовых отношений выступали обострение глобальной конкуренции и рынка труда, влияние информационного общества, построение постиндустриальных хозяйственных связей и цифровой экономики знаний, высокой мобильности населения на выбор профессии и построение стратегии карьерного роста. Сегодня среди факторов эффективности инвестирования в человеческий капитал выделяются национальные и региональные системы профессиональной ориентации и организационные программы адаптации, выработанные обществом и локальными (в пределах отраслевых кластеров) сообществами механизмы трудовой социализации. Большая часть указанных институциональных функций возложена на учреждения высшего образования. Развитие технологий и хозяйственных практик, гуманизация общественного развития и инновационного экономического роста, основанного на постоянном обновлении, ставят новые задачи к пониманию и социальному управлению трудовым поведением. Непрерывное обучение позволяет на любой стадии карьеры перейти к освоению новых компетенций, выбору новой позиции в социально-организационной иерархической системе, изменению социально-экономического положения индивида вплоть до дауншифтинга, отказа от должностного роста и смены профессии. Государство и работодатель инвестируют в развитие человеческих ресурсов и одновременно потребляют воплощенный в человеке капитал компетенций и навыков, резерв физического и эмоционального здоровья, которые определяют способность к производству продуктов и знаний и их включению в бизнес-модели.

В этой ситуации общество в целом и субъекты социально-экономических отношений в частности заинтересованы в развитии системы трудовой социализации и ценностно-нормативного регулирования трудового поведения для повышения эффективности экономико-управленческих действий по организационной адаптации человеческих ресурсов и для создания более благоприятной среды реализации человеческого потенциала.

Наряду с широко обсуждаемой проблематикой социальных причин [2; 3] и последствий [4, с. 100–108] прекаризации труда [5, с. 95–97] первоочередной характер приобрели прагматические социально-управленческие вопросы корпоративного управления. В аспекте управления предприятий актуальность исследования социальных установок и ценностных ориентаций трудового поведения обусловлена тем, что сегодня рынок труда России столкнулся с приходом представителей новых поколений, родившихся в постсоветский период. Мировоззренческие установки, оценочные суждения, поведенческие модели, ожидания молодежи существенно отличаются от логики выстраивания системы ценностей и представлений, сформулированных предыдущими поколениями. Это стало особенно заметно в последние десятилетия, начиная с 2000-х гг., когда возраста экономической активности достигли первые «дети перестройки», прошедшие социализацию в постсоветской среде, что потребовало изучения взглядов представителей молодого поколения на их профессиональное будущее.

Трудовое поведение выступает объектом междисциплинарного анализа [6, с. 47–79]. В научной литературе можно выделить экономический [7], педагогический, социологический подходы [8] к анализу трудовой адаптации и социальной интеграции нового сотрудника в трудовую деятельность.

Педагогический подход направлен на выявление склонностей [9; 10] и оценку навыков индивида, вступающего в возраст социально-экономической активности, обучение знаниям и умениям, необходимым для эффективной адаптации к рынку труда, воспитание ценностных суждений и представлений о труде в картине мира индивида [11; 12], на формирование компетенций, которые будут использоваться работником в рамках его вида деятельности [13].

Экономический подход к трудовой социализации нацелен на изучение экономической целесообразности [14; 15] применения человеческого капитала в той или иной сфере (инвестирование в человека рассматривается как с точки зрения индивида и домохозяйства, семьи, так и организации, государства, региона), а также на разработку организационно-административных действий, которые на микроуровне организации, а также на мезо- и макроуровне региона и государства позволяют максимально рационально [16] и эффективно вовлечь трудовой ресурс в деятельность по созданию добавленной стоимости, включить индивида в действующие цепочки создания ценности и бизнес-модели. Наряду с изучением «отношения предмета к предмету и человека к предмету» центральным вопросом управления выступает «отношение людей друг к другу в производственном процессе» [17, с. 40].

Социально-управленческий подход ориентирован на анализ глобального, национального и локального воздействия разнообразных факторов на трудовую социализацию граждан как свободных индивидов (в либеральной концепции рыночной экономики и методологии крайнего индивидуализма) и как членов общества (в рамках социально-рыночных моделей рейнского, скандинавского, средиземноморского и континентально-европейского капитализма) [18], на формирование стратегии личностного роста и социально-экономического позиционирования, выбор сферы профессиональной самореализации, анализ соотношения

внешних и внутренних факторов, интринсивной и экстринсивной мотивации, на выбор вида деятельности, построение образовательной траектории и планирование карьеры.

Социология управления рассматривает трудовую социализацию с точки зрения анализа социальных структур, отвечающих за социальную интеграцию и включение трудовых ресурсов в созидательную общественную деятельность, социальных функций, выполняемых подсистемами общества (институтами образования и бизнеса, в первую очередь) и с позиций различных субъектов социально-экономических отношений, реализующих свои интересы в рамках формирования и функционирования процессов трудовой социализации.

Теоретико-концептуальные разработки в сфере управления, в частности менеджмента человеческих ресурсов в условиях экономики знаний [19; 20], рассматривают профессиональную ориентацию, трудовую социализацию и мотивацию к трудовой деятельности как важнейший фактор эффективности участия человеческого капитала в цепочке создания ценности. Социальный институт образования выступает как функциональная подсистема общества, осуществляющая подготовку к трудовой деятельности в общем смысле, с позиций конкретной социокультурной модели (например, индивидуалистской в западных обществах, коллективистской в восточноазиатских цивилизациях) отношения к труду в целом и к организации-работодателю в частности, и в отраслевом смысле, с точки зрения формирования типичных для выбранного вида деятельности социальных установок и ценностных ориентаций (цеховой культуры) и передачи специальных знаний, формирования профессиональных компетенций в пределах выбранного профиля трудовой деятельности.

Система профессиональной и карьерной ориентации рассматривается не только с позиций максимизации рентабельности вложения в человеческий капитал (в физическое и интеллектуальное здоровье, знания и навыки творческого применения полученных знаний для решения своего круга задач), но и социальной эффективности, формирования благополучного общества, где наряду с экономическим ростом обеспечивается удовлетворенность жизнью.

С этих позиций работодатель и государство выполняют задачи как экономической природы, эффективного преобразования ресурсов природной среды для удовлетворения потребностей гражданина и члена общества, так и социальной, общественной природы [21, с. 120], воплощая цели гуманизации и личностного развития. Если первая группа задач нацелена на повышение эффективности вовлечения трудовых ресурсов в процессы и цепочки создания добавленной стоимости (*profit-driven business*) в ее финансовом выражении (извлечение прибыли от вложений в человеческий капитал), то вторая группа задач носит комплексный характер, включая возможности индивида и домохозяйства занять искомое положение в социальной иерархии общества и в социопрофессиональном сообществе, в частности, на основе образовательной миграции [22]. Самореализация личности позволяет эффективно раскрыть генетически заложенные в человеке способности и таланты, но и ставит границы воплощения свободы воли, выбора между тем, что люди могут делать хорошо, и тем, что они хотят делать. Анализ социальных практик и моделей трудовой социализации молодежи направлен на выявление ценностных установок профессионального и карьерного роста с учетом динамики общества, цифровизации экономики и построения общества знаний.

Проблема исследования состоит в недостаточной осведомленности представителей молодого поколения о рынке труда, что порождает противоречия при выборе образовательной и профессиональной траектории, при дальнейшей

социальной интеграции в структуре конкретной организации и в рамках реализуемой экономической активности. Предмет исследования включает в себя предпосылки и мотивы выбора образовательной траектории и профессионального будущего представителями молодого поколения. Объект исследования — молодые люди, вступающие в трудовую деятельность, прежде всего, студенты заочного обучения и выпускных курсов бакалавриата и магистратуры, которые уже начали трудовую деятельность или активно вовлечены в процесс поиска трудоустройства, имеют опыт взаимодействия с реальными или потенциальными работодателями.

Социологическое знание рассматривает индивида как члена общества, его социальные связи и всю ткань отношений в группах, сообществах и обществе, в которой проходит жизнедеятельность, повседневное решение задач выживания и реализации поставленных целей [23], стратегическая адаптация к социально-экономическим изменениям [24, с. 21], с учетом влияния общества на процесс и содержание целеполагания и построения ценностных суждений индивида.

Изучение социализации носит междисциплинарный характер, отражая его разнообразную природу [25]. М. С. Каган пишет: «Социализация делает человека исполнителем определенных социальных ролей, которые отвечают потребностям... конкретной национально-своеобразной модификации буржуазного, феодального, исламского, социалистического общества» [26, с. 178]. Эффективная социальная интеграция при трудоустройстве включает в себя профессиональные компетенции в сфере отраслевых знаний и навыков, понимание особенностей среды, в которой выпускнику вуза, молодому специалисту, предстоит реализовать свой трудовой потенциал. Понятие инкультурации отражает усвоение смыслов, «освоение миропонимания и поведения, которые присущи носителям данной культуры» [27], что важно в пределах перспектив трудоустройства в конкретной организации и усвоения организационной культуры предприятия-работодателя, освоения социокультурного пространства трудовой деятельности региона или кластера отраслевого развития. Ряд исследователей считают инкультурацию более широким цивилизационным концептом, отражающим адаптацию к природной среде: «Культурация несет индивиду ценности, порожденные всеми народами во все времена, ибо они опредмечены в памятниках культуры» [26, с. 178–179].

Содержательно социализация направлена на «преимущественно утилитарные, прагматические задачи», компетентность в трактовке контекста и ситуационном выборе форм поведения, а инкультурация — на задачи, «детерминированные эмоционально-ценностными установками, характерными для данной социальной среды, историческими традициями, ментальными особенностями» [28, с. 99]. Оба понятия отражают ориентирование в социальном пространстве [29] как процесс формирования общекультурных компетенций (инкультурация) и готовности к решению задач в рамках определенной социально-управленческой среды (социализация). Понятие аккультурации можно сравнить с вторичной социализацией, освоением индивидом картины мира и норм поведения в объеме, достаточном для эффективного функционирования, когда индивид становится «принятым и уважаемым членом нового окружения, но, по сути, обладает двойственной идентичностью» [30]. Организации должны учитывать аккультурацию при разработке программ адаптации сотрудников.

Б. Д. Парыгин выделяет социальное познание как способ овладения навыками деятельности в предметном мире и встраивания индивида в статусно-ролевую структуру общества [31, с. 165]. И. С. Кон изучает социально-психологические осознанные, контролируемые, целенаправленные и стихийные, спонтанные про-

цессы усвоения системы знаний, норм и ценностей [32, с. 19]. Молодежь становится с трудовой социализацией в 16–20 лет. В теории психосоциального развития Э. Эриксона [33] социализация происходит на 5-й стадии [34] и состоит в осмыслении индивидом своей социальной роли, самоопределении, выборе эго-идентичности, поиске места в жизни.

Принятая в отраслевой, локальной, кластерной или организационной культуре система ценностных установок в большой мере определяет содержание трудовой мотивации индивида. Мотив как «опредмеченная потребность» [35] отражает восприятие и оценку образа будущего объекта или обстоятельства как привлекательного (или отталкивающего, при демотивации) в сравнении с имеющейся ситуацией. Эта оценочная разница порождает психическую энергию, силу, запускающую активность по выбору модели поведения и действия [36], которые требуются для получения целевого результата с учетом контекста и специфики среды.

Потребность отражает осознанное стремление устранить дискомфорт и эмоциональную напряженность, мотив — выбор объекта или обстоятельства внешнего мира, который воспринимается как способный устранить дисбаланс, позволяя перейти от целеполагания к запуску достижения цели. Дискомфорт (дефицитарная, инструментальная, функциональная потребность) может быть физическим (ощущение голода, недостатка сна) и когнитивным (нереализованные амбиции, несовпадение притязаний и ситуации). Психическую энергию могут порождать и трансцендентные мета-мотивы [37], связанные с самоактуализацией. Самореализация выступает как мотив [38] и как процесс активизации, воплощения способностей личности (*“striving to actualize, maintain, and enhance the experiencing organism”*) [39]. А. Маслоу приводит цитату Лао-цзы: «... ты будешь движим своим собственным позывом и даже не будешь знать об этом» [40, с. 204], что близко к концепции потока М. Чиксентмихайи [41; 42], в котором происходит самораскрытие и реализация личностных возможностей. Самоактуализация и самосознание опираются на волю человека, его дисциплину и самоорганизацию, определяющие в совокупности его признание как компетентного профессионала своего дела [43].

В социальном управлении изучается поиск оптимального баланса между мотивами и шкалой ценностей индивида, существующими в организации и обществе социальными установками и системой ценностных ориентаций. Побуждение индивида к достижению целей организации, установленных извне, может происходить путем экономического принуждения в форме трудового договора, социально-психологического воздействия для формирования у индивида тех же целей, что и у управляющей подсистемы в организационной структуре, в частности, путем манипулирования [44]. Анализ ценностных установок сотрудников позволяет минимизировать усилия по давлению на субъекта за счет максимального отождествления целей индивида, входящего в организационные процессы, и задач управления. Г. П. Бессокирная считает, что «мотивы труда представляют собой ценностные представления обыденного сознания и являются социальными фактами, обусловленными в конечном счете социально-экономическими условиями трудовой деятельности» [45, с. 94]. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают роль передачи знаний в ходе социализации, многообразие становится социально признанным в качестве «реальности» повседневной жизни [46]. Образование служит основным инструментом передачи знаний в отраслевом разрезе выбранной профессии и трансмиссии культуры, передачи и освоения социальных регуляторов труда.

Переход к информационному обществу определяет смену ценностных установок и изменение роли образования как института социализации [47], подготовки личностей «новой формации», открытых к изменениям и разнообразию, ценящих время и скорость, с преобладанием внутреннего локуса контроля и верой в регу-

лируемость жизни [48, с. 104]. Непрерывное образование в течение жизни обеспечивает гибкость выбора жизненного пути.

В молодом возрасте значимы задачи самоопределения, самостоятельности, молодые люди стремятся показать, что уже созрели для принятия решений и независимости от родителей. Если раньше самоидентификацию обеспечивали социальные институты, семья, школа, социокультурная среда и локальное сообщество, то сегодня большое влияние на формирование личности оказывает интернет-среда, социальные сети, медиапространство как место хранения и производства символов и норм [49, с. 399–403], место поиска отзывов о престиже профессии, имидже деятельности в отрасли, рейтингов работодателей.

В 2018 г. в исследовании ориентации молодежи в сфере занятости выявлены основные факторы выбора профессии: возможность профессионального роста (59 %), уровень предполагаемого заработка (57 %), сфера деятельности (46 %), получение практического опыта (41 %), любовь к профессии (27 %), способность к данной профессиональной деятельности (20 %), престижность (18 %) [50]. Выбор учебного заведения является ключевым моментом в начале карьеры. В 2011 г. в Нижнем Новгороде в исследовании мотивации абитуриентов при выборе вуза лидировали известность и престиж вуза (67 %), перспективы трудоустройства после его окончания (45 %), получение инновационного и перспективного образования (44 %), выбор направлений подготовки (37 %), обучение на современном оборудовании (33 %) [51, с. 62].

В 2012 г. в Национальном исследовательском ядерном университете «МИ-ФИ» получено распределение важнейших факторов выбора вуза студентами: местонахождение вуза (93 %), возможность бесплатного обучения (90 %), интересная специальность (90 %), является ли вуз государственным (84 %), предоставление общежития (67 %), изучение более одного иностранного языка (47 %), высокая квалификация преподавателей (42 %), родители учились в этом вузе (40 %), есть военная кафедра (37 %), у вуза хорошая техническая база (32 %), мнение о вузе друзей (20 %) [52, с. 527]. В 2013 г. в Красноярском государственном аграрном университете среди ключевых причин выбора Института менеджмента и информатики указаны доступная оплата обучения, наличие общежития, привлекательная специальность, перспективы трудоустройства, престиж вуза, участие в учебном процессе специалистов данной области [53, с. 97].

Осенью 2017 г. на базе Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ) по заказу Комитета по науке и высшей школе администрации Санкт-Петербурга с участием авторов статьи было проведено исследование качества высшего образования и перспектив его использования в дальнейшей профессиональной карьере (опрошено 1 557 студентов) [54]. В опросе студентов выявлена следующая иерархия факторов выбора вуза: рекомендации родителей, друзей, знакомых (41,7 %); рейтинги вуза в СМИ (25,4 %), востребованность выпускников вуза ведущими предприятиями (20,1 %), знакомство с вузами на PR-мероприятиях, выставках (19,0 %), «легче поступить и учиться, чем в других вузах» (17,8 %), расположение вуза (рядом с домом или транспортными узлами) или наличие общежития (16,5 %), гарантии трудоустройства после окончания вуза (13,6 %), «прошел по конкурсу только в этот вуз» (11,2 %), «главное получить высшее образование, неважно, в каком вузе» (10,7 %), наименьшая цена за обучение (8,7 %) [55].

Иерархии причин выбора учебного заведения различаются по уровням подготовки. Больше магистрантов опирались на мнение друзей, знакомых и

родственников (64,6 %), а вариант «главное получить высшее образование, неважно в каком вузе» — не был выбран ни одним из магистрантов. Вариант «легче поступить и учиться, чем в других вузах» указали 6,3 % магистрантов и 19,3 % бакалавров; удобное расположение вуза выбрали 6,7 % магистрантов и 18,3 % бакалавров; критерий цены обучения важен лишь для 0,4 % магистрантов и 10,3 % бакалавров. Это свидетельствует о существенном уровне осознанности магистрантов и о доминировании содержательных требований к высшему образованию, в отличие от бакалаврского уровня, в большей мере ориентированного на условия обучения и получение диплома, как показано в таблице 1.

Таблица 1

**Факторы выбора вуза учащимися бакалаврского и магистерского уровней вузов
Санкт-Петербурга, 2017 [59], %**

Критерий выбора	Бакалавры	Магистранты	Всего
По рекомендации родителей/друзей/знакомых	37,6	64,6	41,7
Рейтинги вуза в СМИ	26,3	20,0	25,4
Посещал дни открытых дверей учебных заведений, образовательные выставки, выбрал это учреждение как наиболее понравившееся	18,9	19,6	19,0
Возможность получить двойной диплом	9,9	7,1	9,5
Выпускники данного вуза востребованы ведущими предприятиями	20,5	17,9	20,1
Живу рядом/удобно добираться/учебное заведение предоставляет общежитие	18,3	6,7	16,5
Легче поступить и учиться, чем в других вузах	19,3	6,3	17,3
Прошел по конкурсу только в этот вуз	12,6	3,8	11,2
В этом вузе наименьшая цена за обучение	10,3	0,4	8,7
Главное получить высшее образование, неважно в каком вузе	12,7	0,0	10,7
Есть гарантии трудоустройства после окончания вуза	13,7	12,9	13,6

Источник: составлено авторами на основе данных Отчета исследования 2017 г. [56].

Большую роль играет значимость доверия как механизма социальной регуляции. В урбанизированном информационном обществе с учетом доступности цифровых технологий, киберпространства и изобилия данных остро стоит проблема оценки источника и критического осмысления информации, анализа отзывов и просеивания PR-коммуникаций [57]. При выборе стратегии применения своего человеческого капитала студенты опираются на поддержку и информацию, полученную от наиболее близких людей, с которыми сложились длительные, долгосрочные отношения [58] и имеются общие долговременные интересы.

В ходе проведения анкетирования учащихся старших курсов вузов Санкт-Петербурга с сентября 2019 по январь 2020 г. ($N = 384$) получены ответы на вопрос о причинах, повлиявших на выбор учебного заведения (респондент мог выбрать несколько вариантов), как видно из таблицы 2.

Таблица 2

**Факторы выбора вуза студентами высших учебных заведений Санкт-Петербурга,
2019–2020, %**

Критерий выбора	Доля респондентов
По рекомендации родителей, друзей, знакомых	46,1
Легче поступить и учиться, чем в других вузах	28,9
Рейтинги вуза в СМИ	25,9
Наименьшая цена за обучение	23,0
Гарантии трудоустройства после окончания вуза	22,6
PR вуза на выставках, днях открытых дверей	20,5
Возможность получить двойной диплом	15,5
Наличие общежития, возможность удобно добираться до вуза	12,1
Главное получить высшее образование, неважно в каком вузе	11,3
Востребованность выпускников на предприятиях города после окончания вуза	7,1
Прошел по конкурсу только в этот вуз	7,1

Источник: составлено авторами на основе данных собственного исследования, выполненного в октябре 2019 — марте 2020 г.

В авторском исследовании лидирующим фактором выбора вуза вновь являются рекомендации родителей, друзей и знакомых (46,1 % респондентов). Опора на чужой опыт свидетельствует как о значимости влияния социальной ткани, в которую вплетена жизнь конкретного индивида, на совершаемый им выбор, так и о сложности предмета осведомленности. Оценка перспектив получения образования представляет собой многокритериальную задачу, несоразмерность высоких затрат и низкой вероятности надежного результата анализа делаю рациональным обращение к чужим советам. Следует различать интерпретации в случае выбора ответа на вопрос о том, является ли фактор мотивирующим при построении карьеры: ориентируется ли респондент на опыт окружения, семьи и друзей, выделяя среди них успешных людей с карьерными достижениями, или пытается переложить принятие решения и ответственность за его последствия на чужие плечи, следуя советам без критического их анализа.

Второе место в рейтинге факторов выбора учебного заведения занимает критерий «легче поступить и учиться, чем в других вузах» (28,8 %), который можно трактовать как «гигиенический» фактор, дающий студенту снижение риска, моральных и умственных затрат на поступление и учебу. Но практика нередко показывает, что данный фактор может отражать и стремление студента начать трудовую деятельность одновременно с учебой, затратить высвободившийся временной ресурс на работу ради дохода и освоения практической части выбранной специальности. Наконец, остаются важными факторы рейтинга вуза, оплаты обучения, стоимости проезда и проживания.

Для анализа целеполагания представителей молодого поколения в анкете задан такой вопрос: «Планируете ли Вы работать по специальности после окончания вуза?». 81,6 % респондентов подтвердили свои планы по построению карьеры в выбранной сфере деятельности, 4,6 % дали неопределенные ответы («не знаю», «еще не решил» и т. п.), 13,8 % ответили «нет». Аргументировать свое решение смогли 90 % из тех, кто выбрал для себя отрицательный ответ, и лишь

60 % ответивших «да» (вопрос формулировался со словами: «Аргументируйте свой выбор тремя тезисами»). В группе респондентов, выбравших ответ «нет», 40,8 % планируют развивать свой бизнес в другой сфере, почти четверть указали неактуальность профессии (24,6 %) и еще четверть утратили интерес к выбранной специальности (24,1 %). Из числа респондентов, объяснивших, почему они считают свой выбор профессии верным, лишь 20 % привели три аргумента. Можно судить о том, что у представителей молодого поколения на начальном этапе формирования образовательной траектории и выбора профессии, когда они обучаются в вузах, не сформировано полноценное целеполагание, необходимое для долгосрочного планирования.

Для уточнения ориентации в системе человеческого капитала на практике респондентам задан закрытый вопрос, без указания временного интервала: «Какова цель Вашего трудоустройства?». Ответы распределились так, как показано в таблице 3 (можно было выбирать несколько вариантов).

Таблица 3

Цель трудоустройства, выявленная при опросе студентов старших курсов, 2019–2020, %

Цель	Доля респондентов
Построить карьеру	61,9
Материальная независимость	53,1
Реализовать полученные в вузе знания на практике	17,6
Самореализация	2,9
Родители настаивают на трудоустройстве	2,1
Иные причины	3,4

Источник: составлено авторами на основе данных собственного исследования, выполненного в октябре 2019 — марте 2020 г.

Большинство респондентов (61,9 %) в качестве цели указали «построить карьеру». В ходе интервью обнаружено, что представители молодого поколения чаще рассматривают карьеру с позиции продвижения по службе в организационной иерархии, чтобы занять более престижные должности, и повышения личного благосостояния [58, с. 324]. Профессиональный аспект интересует их в меньшей мере, поскольку не несет быстрых привилегий. Направленность на тактическое достижение карьерных целей может мотивировать к получению знаний в вузе и их практическому применению в трудовой деятельности. Но скорость получения высокой должности с достойной оплатой труда не всегда приводит к тому, что специалист зарабатывает необходимые для этой должности профессиональные навыки, что впоследствии сказывается на качестве его работы и функционировании структуры, его нанявшей.

53,1 % респондентов акцентировали внимание на материальной независимости как цели своего трудоустройства. В ходе интервью более 80 % опрошенных отметили, что быть независимым — это самостоятельно себя содержать, зарабатывать деньги на удовлетворение всех своих потребностей. Но никто из респондентов не отметил, что официальное трудоустройство основано на зависимости работника от работодателя, который определяет размер заработной платы и условия труда. Аналогичная ситуация складывается при ведении собственного бизнеса. Любой бизнес материально зависим от различных экономических факторов — колебаний спроса, конкуренции, курса валют, экономической стабильности государства, налогообложения и др.

Можно сделать вывод о том, что поколенческая проблема российского рынка труда связана, прежде всего, с общественными трансформациями периода перестройки. Описание глобальных идеал-типов «миллениалов» и «цифровых аборигенов» в России дополняется разрывом в базовых ценностно-нормативных основаниях социальной регуляции поведения, состоянием скачка от патернализма к попыткам рыночного индивидуализма и самостоятельности, которые парадоксальным образом привели не к росту ответственности населения за свой жизненный путь, а к развитию манипулятивных технологий во всех сферах и на всех уровнях. Рассмотренные социальные установки молодежи определяют необходимость модернизации системы профессиональной ориентации, включая адаптацию регулирования рынка труда и научно-образовательной деятельности к новой цифровой среде общества знаний.

Литература

1. *Саможнев А.* Евросоюз отказался от практики соблюдения дефицита бюджета // Российская газета. 2020. 21 мая.
2. *Bernstein J.* All Together Now. Common Sense for a Fair Economy. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2006. 157 p.
3. *Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class. London, New York: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
4. *Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
5. *Бурова Н. В., Покровская Н. Н., Конопляник Т. М.* Формы занятости высококвалифицированных специалистов промышленности: влияние прекаризации на интеллектуальный капитал // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», 2019. Т. 1. С. 95–98.
6. *Грановеттер М.* Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд (перевод М. С. Добряковой) // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 2. С. 49–79.
7. *Слободской А. Л.* Влияние понятийного аппарата на адекватность подхода к управлению наемным трудом // Управление персоналом: сб. тр. конф. СПб.: Инфо-да, 2015. С. 30–34.
8. *Покровская Н. Н.* Регулятивные механизмы в условиях плюрализма социально-экономических моделей // Вестник Ереванского университета. Общественные науки. 2009. № 3 (129). С. 35–47.
9. *Ушинский К. Д.* Труд в его психическом и воспитательном значении // Собр. соч. в 11 т. Т. 2. Педагогические статьи. 1857–1861. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948. 655 с.
10. *Сухомлинский В. А.* Труд основа всестороннего развития личности // Вопросы философии. 1963. № 4. С. 54–63.
11. *Сухомлинский В. А.* Человек неповторим // Кировоградская правда. 1960. 31 мая.
12. *Покровская Н. Н.* Дискурсивно-регуляторные механизмы выстраивания поведенческого выбора и социопрофессиональный нарратив // Вестник Балтийской педагогической академии. 2013. Вып. 111. С. 25–29.
13. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2012. 352 с.
14. *Абчук А. В., Гелих О. Я., Тульчинский Г. Л.* [и др.]. Управление персоналом и человеческий капитал современной России: монография / под ред. О. Я. Гелиха, В. П. Соколова, Г. Л. Тульчинского. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 416 с.
15. *Покровская Н. Н.* Рациональность экономического поведения // Известия РГПУ: Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 12. С. 128–137.
16. *Гелих О. Я.* Управленческая мысль: к проблеме ее генезиса, развития и современного состояния // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2016. № 17 (22). С. 164–175.

17. Витке Н. А. Организация управления и индустриальное развитие. М.: Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции СССР, 1925. 320 с.
18. Solow R. M. The Labour Market as a Social Institution. Cambridge, MA: Blackwell, 1990. 90 p.
19. Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. New York: Oxford University Press, 1995. 304 p.
20. Клейнер Г. Б. Управление корпоративными предприятиями и экономика знаний // Мир России. 2005. № 4. С. 30–48.
21. Гелих О. Я. Управление в социально-философском и социологическом понимании // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 119–126.
22. Бесчасная А. А., Покровская Н. Н. Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // Регионоведение. 2018. Т. 26. № 4. С. 742–763.
23. Андреева Г. М. Психология социального познания: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
24. Покровская Н. Н. Новая экономическая архитектура в посткризисном мире: развитие регулятивных моделей // Социология и право. 2012. № 1. С. 20–33.
25. Марцинковская Т. Д., Киселева Е. А. Социализация и аккультурация в транзитивном пространстве // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 62. С. 10.
26. Кэган М. С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
27. Янутиш О. А. «Инкультурация»: проблемы определения объема и содержания понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 173–175.
28. Флиер А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. XV. № 1 (77). С. 88–103.
29. Strangio D., Pokrovskaja N. N., D'Ascenzo F. History, creativity and innovation of the 'Italia' network. The case of Russia // Annali del Dipartimento di Metodi e Modelli per l'Economia, Il Territorio e la Finanza 2018 (Annals of the Department of Methods and Models for Economics, Territory and Finance 2018). Rome: la Sapienza Università di Roma, 2018. P. 143–153.
30. Гелих О. Я. К проблеме рационального интеллекта ребенка как его культурного восхождения // Тинэйджеры в современном социуме: инвариантность и лабиринты: сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2014. С. 266–276.
31. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
32. Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.
33. Erikson E. H. Identity and the Life Cycle. New York: International Universities Press, 1959. 171 p.
34. Элкин Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни. М.: Когито-центр, 1996. 16 с.
35. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.
36. Гелих О. Я. Проблема насилия в менеджменте // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2002. Т. 2. № 2. С. 183–200.
37. Maslow A. H. Motivation and Personality (2nd ed.). New York: Harper & Row, 1970. 302 p.
38. Goldstein K. The Organism. New York: American Book, 1939. 533 p.
39. Rogers C. Client-centered Therapy: Its Current Practice, Implications and Theory. London: Constable, 1951. 487 p.
40. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. 352 с.
41. Csikszentmihalyi M. Beyond Boredom and Anxiety: Experiencing Flow in Work and Play. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. 256 p.
42. Csikszentmihalyi M. Intrinsic Rewards and Emergent Motivation // The Hidden Costs of Reward: New Perspectives on the Psychology of Human Motivation / eds. Lepper M.R., Greene D. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Assoc., 1978. P. 205–216.
43. Морозова А. В. Волевой компонент в процессе социализации личности // Известия Орловского государственного технического университета. Социально-экономические и гуманитарные науки. 2000. № 1 (16). С. 33–36.

44. Гелих О. Я. Язык как средство управления и насилия: проблема образования // Образование и насилие: материалы конференции. Серия: Социальная аналитика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 168–179.
45. Бессокирная Г. П. Изменились ли мотивы труда рабочих в постсоветской России? // Социс. 2017. № 1. С. 94–105.
46. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
47. Гелих О. Я. К проблеме успешности управления институтом современного образования // Менеджмент XXI в.: управление экономикой знаний: сб. науч. ст. по материалам XIV Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2014. С. 28–34.
48. Штомпка П. Социология социальных изменений / под. ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 496 с.
49. Левицкая А. Н., Каппелли Л., Голохвастов Д. В. Влияние средств массовой информации на трудовую социализацию молодежи // Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста. СПб.: Астерион, 2019. 662 с.
50. Абрамов А. П. Рынок труда, профессий и занятости в России в социологическом измерении // Гуманитарные проблемы современности: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 79–85.
51. Ефимова И. Н. Анализ мотивации абитуриентов при выборе вуза // Управление внеучебной деятельностью. 2011. № 2. С. 60–68.
52. Рыченков М. В., Рыченкова И. В., Киреев В. С. Исследование факторов, оказывающих влияние на выбор вуза абитуриентами на различных этапах процесса поступления // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 527–536.
53. Семина А. О., Давыдова А. А., Вольных И. И., Черных А. И. Исследования причин выбора вуза // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2013. Т. 2. № 9. С. 97–98.
54. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н., Кузнецов А. А. Социологический анализ образования как системы формирования интеллектуального капитала в информационном обществе // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2. С. 123–130.
55. Снисаренко С. О., Покровская Н. Н. Анализ результатов изучения мнения субъектов образовательного процесса о качестве образования в вузах Санкт-Петербурга // Прикладная социология в системе управления обществом: сб. науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 37–44.
56. Оценка студентами, ректорами, профессорско-преподавательским составом вузов и руководителями предприятий и организаций Санкт-Петербурга, принимающих на работу выпускников вузов, качества получаемого в Санкт-Петербурге высшего профессионального образования и перспектив его использования в дальнейшей профессиональной карьере: отчет о проведении социологического исследования / под науч. ред. Н. Н. Покровской. СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2017.
57. Bruneel J., Spithoven A., Maesen A. Building trust: a matter of proximity? // Frontiers of Entrepreneurship Research. 2007. Vol. 27. No. 15. P. 1–12.
58. Покровская Н. Н. Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Серия: Экономика. Вып. 2 (69). 2014. С. 100–108.
59. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука: Сиб. отделение, 1991. 442 с.

Бабич Н. С., Батыков И. В.

Интернет-опросы общественного мнения как инструмент сбора данных для принятия правовых решений: анализ контекста и оснований использования

Babich N. S., Batykov I. V. Internet Public Opinion Surveys as a Data Collecting Tool for Making Legal Decisions: Analysis of the Context and Reasons for Using

Статья посвящена обоснованию надежности такого инструмента сбора данных, как интернет-опросы. Последовательно изложены аргументы за и против использования онлайн-опросов. В научном сообществе аргумент против нередко выдвигается с учетом идеальных стандартов проведения исследования, зачастую неосуществимых, даже в апробированных методах сбора данных (переписи, телефонных опросах и др.). Исходя из этого, в настоящей статье каждый аргумент против помещается в сравнительную плоскость. Путем рассмотрения обвинений интернет-опросов в недостаточной репрезентативности, смещении выборки и при прочих недостатках совместно с аналогичными аргументами против признанных методик сбора данных выявляется недостаточная теоретическая и методическая фундированность указанных обвинений. Неактуальность аргумента против также выявляется с помощью анализа глобальных и российских тенденций распространения интернета и компьютерной грамотности. Аргументы за изложены в статье с целью показать особенности генерализации выводов, которые получены с помощью онлайн-опросов и с учетом специфики этого вида сбора данных. Представленные авторами доказательства валидности данных, получаемых в рамках онлайн-опросов, являются подтверждением возможности их использования, в том числе для принятия правовых и государственно-управленческих решений при условии учета специфики получаемых данных.

The article is dedicated to finding reasons for the reliability of such a data collection tool as Internet surveys. The article consistently presents the arguments “pro” and “contra” using online surveys. In the scientific community, “contra” arguments are often put forward considering ideal research standards, which are often not feasible even in proven methods of data collection, such as censuses, phone surveys, etc. Based on this, in the article each argument “contra” is placed into the comparative plane — by examining the Internet surveys’ accusations of insufficient representativeness, sampling bias, and other disadvantages along with similar arguments against accepted methods of data collection, the lack of theoretical and methodological foundation of these charges is revealed. The irrelevance of “contra” arguments is also shown by analyzing global and Russian trends in the spread of the Internet and computer literacy. The “pro” arguments presented in the article are intended to demonstrate the features of generalization of findings obtained using online surveys, considering the specifics of this type of data collection. The evidence presented in the article for the validity of data obtained in online surveys confirms the possibility of using them in particular for making legal and public management decisions, provided that the specifics of the obtained data are taken into account.

Бабич Николай Сергеевич — старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов, кандидат социологических наук.

Батыков Иван Владимирович — заведующий лабораторией социологической экспертизы Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, кандидат социологических наук.

© Бабич Н. С., Батыков И. В., 2020

Ключевые слова: онлайн-опрос, валидность данных, результативность опросов, неслучайная выборка, статистическая погрешность, репрезентативность, генерализация выводов.

Контактные данные: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; (915) 237-91-75, (495) 662-97-95; e-mail: sociolog@mail.ru, ivbatykov@socexpertiza.ru.

Keywords: online survey, data validity, survey efficiency, non-random sample, statistical error, representativeness, generalization.

Contact Details: 24/35, Bld. 5, Krzhizhansky Str., Moscow, 117218, Russia; (915) 237-91-75, (495) 662-97-95; e-mail: sociolog@mail.ru, ivbatykov@socexpertiza.ru.

Постановка задачи

Онлайн-опросы вошли в практику сбора статистической информации с развитием интернета и уже много лет используются в исследованиях рынка и общественного мнения. Первые упоминания онлайн-опросов относятся как минимум к началу 90-х гг. XX в. [1]. К 2010 г. в развитых странах, таких как Япония, Германия и США, более трети массовых опросов проводились с использованием интернет-технологий [2, р. 5; 3, р. 1; 4, р. 569]. Главы, посвященные интернет-опросам, были включены в такие авторитетные обобщающие издания, как “International Handbook of Survey Methodology” [5, р. 264–284], “The SAGE Handbook of Public Opinion Research” [6, р. 271–283], “Handbook of Survey Research” [7, р. 527–550], “Handbook of Survey Methodology for the Social Sciences” [8, р. 313–360]. К 2016 г. в США 73 % исследующих общественное мнение организаций проводили онлайн-опросы, а для 19 % это был основной способ сбора количественных данных [9, р. 862].

В последние годы интернет-опросы получили широкое распространение и в российских исследованиях, в том числе таких, результаты которых стали класть в основу правовых и государственно-управленческих решений. Например, Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России указывает, что по вопросам оценки содержания рекламы проведение анкетирования возможно осуществить путем размещения информации о спорной рекламе и опросного листа на сайте антимонопольного органа. При этом, по мнению специалистов ФАС России, интернет-опросы могут быть представлены суду в качестве надлежащих доказательств негативного восприятия рекламы жителями какой-либо территориальной единицы [10]. Данные интернет-опросов используются для формирования статистических показателей расчета результативности внедрения механизмов открытости федеральных органов исполнительной власти [11] и для оценки эффективности исполнительной власти [12]. Сбор информации методом интернет-опроса предусмотрен и в методологии федеральных статистических наблюдений (например, микроперепись 2015 г.) [13]. Интернет-опросы в течение ряда лет принимаются в качестве доказательств арбитражными судами (дела № А32-17481/2011, № А45-19526/2011, № А60-19820/2011, № А46-6175/2011, № А40-32360/12, № СИП-562/2014, № А21-298/2016).

Проблема, однако, состоит в том, что ранее на протяжении многих лет интернет-опросы считались недостаточно подходящими для использования в качестве источников репрезентативных данных, дающими неполноценную либо ненадежную информацию. Их повсеместное распространение в настоящее время обуславливает высокую важность и актуальность рассмотрения этих опасений. Ведь если они остаются справедливыми и сегодня, то оказывается под угрозой обоснованность очень большого числа принятых, а главное — будущих правовых и государственно-управленческих решений.

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса о том, насколько надежный инструмент сбора данных для принятия правовых решений в современной России представляют собой интернет-опросы. Для ответа на него сначала рассматриваются аргументы в пользу и против их надежности, а затем конкретная практика применения интернет-опросов.

Приемлемость или неприемлемость интернет-опросов с точки зрения теоретико-методологических и методических требований может быть определена на основе сравнительного анализа плюсов и минусов соответствующего метода сбора данных. Начнем с рассмотрения основных упоминаемых в литературе минусов интернет-опросов, проанализируем их общую обоснованность и актуальность в современном российском контексте, затем рассмотрим плюсы и в заключение попытаемся сравнить совокупный «вес» отрицательных и положительных сторон интернет-опросов.

1. Аргументы против

Рассмотрим, насколько приводимые в литературе аргументы против использования интернет-опросов валидны и, если валидны, то насколько они сохраняют свою актуальность в современной России.

1. Неравная вероятность онлайн-доступа детерминирует различия между такими генеральными совокупностями, как «население страны» и «пользователи интернета» [14, р. 467].

Развитие информационного общества в России привело к сильному ослаблению, если не полному исчезновению этого препятствия. Доступ российских домохозяйств к сети Интернет в 2018 г. составил 76,6 % (в том числе широкополосный доступ — 73,2 %) [15, с. 386]. Среди организаций интернет использовали 88,9 % [15, с. 378]. Конечно, все еще нельзя говорить о полном покрытии населения. Но сравнивать уровень доступа следует не с идеальными 100 %, а с уровнями доступа к населению, обеспечиваемому другими методами сбора данных. Личный контакт также не обеспечивает полного покрытия, даже в случае самых масштабных обследований.

Так, при переписи населения 2010 г. миллион человек отказались участвовать, а 2,6 млн человек переписчики не застали дома за период проведения переписи. Из участвовавших не указали уровень образования 3,5 млн человек, источники средств к существованию — 4,0 млн человек, экономическую активность — 4,6 млн человек [16]. Иными словами, полные данные о более чем 5 % населения не удалось собрать при организации сплошного опроса во всех регионах и населенных пунктах страны. Если же речь идет о личном интервью, например, на обычной для всероссийских опросов выборке в 1 500 человек, то очевидно, что отправить интервьюеров более чем в 1 500 населенных пунктов нет физической возможности (в реальности населенных пунктов, в которых проводится опрос, гораздо меньше, так как в каждом из них интервьюируется более одного человека). В России насчитывается свыше 150 тыс. населенных пунктов [17, с. 19]. Таким образом, при проведении всероссийского опроса оказываются покрыты не более 1 % из них. Теоретически более высокий уровень покрытия может быть у телефонных интервью, поскольку телефонами, стационарными или мобильными, в наше время пользуются почти все среди населения. Однако статистика результативности там, где она ведется, показывает, что не отвечают на звонки опросных организаций от 30 % стационарных до более чем 40 % мобильных номеров [18, р. 5]. Иными словами, реальный возможный доступ к населению в других методах сбора данных либо сопоставим с уровнем возможного доступа интернет-опро-

сов, либо оказывается даже ниже. Первое возражение следует признать полностью утратившим силу в современной России.

2. Распределение населения по единицам отбора в интернете неизвестно и не может быть аналитически восстановлено, в отличие, например, от географического распределения населения [19, р. 181].

Потеря актуальности второго возражения связана с теми же факторами. Действительно, только если уровень доступа метода сбора данных к населению очень высок, то оказывается возможным приравнять генеральную совокупность населения к генеральной совокупности, обеспечиваемой указанным доступом. В таком случае структура населения может быть аналитически воспроизведена на этой доступной генеральной совокупности. Другими словами, если интернет покрывает практически всю территорию страны и большинство населения, то и географическая структура населения может учитываться в интернет-опросах.

3. Неравное распределение компьютерной грамотности влияет как на представленность различных групп в интернет-опросах, так и на их ответы [20].

Участие в интернет-опросах можно принимать с использованием двух разных технологий: персональных компьютеров и мобильных устройств. По состоянию на 2018 г. в России на 100 домохозяйств приходилось 125 персональных компьютеров и 248 мобильных телефонов [15, с. 130]. Таким образом, распределение компьютерных технологий среди населения, как и в случае с доступом, создает для интернет-опросов гораздо лучшие условия, чем существуют для традиционных опросов «лицом-к-лицу».

Конечно, распределение компьютерной грамотности и доступа к интернету может все еще быть неравномерным среди различных возрастов, но возрастные группы демонстрируют и множество других различий в поведении, которые существенно влияют на участие в телефонных и личных интервью [21; 22]. Из этого следует, что неравное распределение компьютерной грамотности и доступа к интернету является не принципиальным недостатком онлайн-опросов, а лишь одной из особенностей, которыми обладают все методы сбора данных, т. е. особенностью, которая должна учитываться при проектировании исследования и анализе информации, но со временем все более исчезает и влияние ее ослабляется.

4. Доля отказов от участия в интернет-опросах выше, чем в других способах сбора социологических данных (в среднем на 11 % [23]), что может увеличивать статистическую погрешность.

Будучи формально верным с математической точки зрения, это утверждение совершенно игнорирует содержательный контекст производимого сравнения, а именно — какая погрешность и насколько увеличивается. Как следует из формул определения ошибки выборки, прирост максимальной теоретической погрешности с увеличением доли недоступных респондентов составляет в грубом приближении половину этой доли [24, с. 381]. Прирост 11 % недоступных респондентов в онлайн-опросах по сравнению с другими методами дает рост статистической погрешности примерно на 5 %. Но к какой существующей ошибке прибавляется эта величина? Как свидетельствует статистика, которая наблюдается в развитых странах, доля недоступных для опроса респондентов в личных интервью может достигать 40 % [25, р. 195], а в телефонных — превышать 90 % [18, р. 3]. Это означает, что дополнительная погрешность в 5 % добавляется к уже существующей добавочной ошибке выборки, варьирующей от 20 % до 45 %. Очевидно, что в таком контексте добавочная погрешность интернет-опросов оказывается незначительной. Более того, если исходить из формального математического подхода, то все проводимые в настоящее время опросы оказываются неудовлетворитель-

ными с точки зрения точности получаемых данных. Правда, содержательный анализ влияния ответов на погрешность показывает, что она не настолько велика [26]. Но в таком случае и немного более низкий уровень кооперации респондентов в интернет-опросах не является существенным недостатком.

5. Отсутствие посреднических процедур отбора (наподобие тех, которые применяются интервьюерами) и прямой контакт с респондентами приводят к тому, что выборки интернет-опросов формируются самоотбором [27].

Это препятствие не необходимо связано с проведением интернет-опросов. При определенных обстоятельствах их выборки могут формироваться с помощью предварительного рекрутирования [28] или даже с использованием территориальных моделей основы выборки [29]. Но в большинстве случаев, действительно, попадание респондентов в интернет-опросы осуществляется через самоотбор, что следует признать нежелательным явлением с точки зрения репрезентативности выборки. К счастью, как и в случае с уровнем отказов, содержательный анализ формального недостатка вскрывает его незначительность в сравнительном контексте. Как выглядит идеальный опрос, не включающий элементы самоотбора? С помощью вероятностных алгоритмов (например, генератора случайных чисел) из полной и достоверной основы выборки (например, списка всех жителей определенной территории) составляется список респондентов, которые в полном составе принимают участие в исследовании. Это та идеальная картина, с которой часто мысленно сравнивается несовершенный самоотбор. Однако на практике эта идеальная картина совершенно недостижима, поскольку уровень недоступности респондентов в других форматах опросов может достигать 90 %.

Что же происходит, если отобранные вероятностными методами кандидаты не соглашаются участвовать в опросе или просто оказываются недостижимы? Отбирающий их посредник (например, интервьюер) производит замену кандидатов и обращается к следующим отобранным алгоритмом потенциальным респондентам до тех пор, пока кто-нибудь из них не согласится на участие. Иначе говоря, до тех пор, пока респонденты не пройдут самоотбор. Следовательно, с учетом общих высоких уровней недоступных единиц выборки, все проводимые в настоящее время опросы, а не только онлайн-опросы, должны рассматриваться как основанные на самоотборе. Можно много дискутировать по поводу того, насколько в разных случаях велика дополнительная погрешность, привносимая самоотбором. Но эффекты самоотбора напрямую связаны с уровнями отказов и недоступности респондентов. К этой дополнительной погрешности применима та же логика, что была рассмотрена в пункте 4: немного более высокий уровень самоотбора респондентов в интернет-опросах не является существенным недостатком.

6. Высокая степень анонимности в интернете делает затруднительной как проверку личности респондентов, так и проверку их социально-демографических характеристик, что может приводить к неискренним ответам [30].

Будучи совершенно справедливым, это замечание, как и предыдущие, теряет свой критический заряд при помещении в сравнительный контекст. В самом деле, какие средства для проверки личности и достоверности ответов респондентов имеются в распоряжении исследователей в телефонных или личных интервью? Практически все эти средства сводятся к контролю содержания ответов, который доступен и при интернет-опросе. В остальном исследователи вынуждены принимать на веру слова респондентов. Проверка факта проведения опроса в условиях надомных личных интервью — весьма сложная методическая задача [31]. При проведении интернет-опросов с развитием и распространением технологий открываются и новые перспективы подтверждения личности, такие как проверка

через банковские операции и т. п. Иными словами, этот недостаток, общий для всех опросов, в онлайн-исследованиях имеет тенденцию к исчезновению.

7. Практика использования онлайн-панелей в интернет-опросах формирует «профессиональных респондентов», ответы которых могут отличаться от ответов остального населения [32].

Этот недостаток, общий для всех панелей, в том числе проводимых методами личного интервью [33, р. 120–131], действительно, создает некоторую дополнительную статистическую погрешность в данных. Но эта погрешность является результатом огромного преимущества, ради которого традиционно проводились дорогостоящие панельные исследования: возможности длительного и стабильного наблюдения за респондентами. Эта возможность, в том числе, повышает надежность данных, поскольку позволяет валидировать их в ходе длительного сотрудничества с респондентом. Простейший способ такой валидации — повторные опросы и отдельные контрольные вопросы, которые выявляют «путающихся в показаниях» участников панели. Следовательно, формирование «профессиональных респондентов» может рассматриваться не только и не столько как недостаток интернет-панелей, сколько как их преимущество, ведь «профессиональных» респондентов можно описать и как «проверенных, валидированных, детально описанных и исследованных» респондентов.

2. Аргументы за

1. Наиболее общий теоретико-методологический аргумент в пользу интернет-опросов может быть найден при расширенном взгляде на понятие репрезентативности. Существует как минимум два базовых подхода к генерализации выводов по случайным выборкам, к которым преимущественно относятся интернет-опросы:

а) игнорирование их «нерепрезентативности», которое может быть основано на:

а1) низкой дисперсии исследуемого признака (например, признаки, связанные с особенностями физиологии человека, такие как общие закономерности восприятия и переработки информации, по определению должны слабо меняться в зависимости от социальных факторов, таких как национальность или классовая принадлежность);

а2) недескриптивным характере выводов (например, в исследовании с экспериментальным дизайном получается вывод о том, что хуже оплачиваемая монотонная работа в результате когнитивного диссонанса кажется более интересной; если этот вывод сделан даже на выборке из нескольких десятков студентов, но он все же вполне генерализуем, поскольку получен с помощью рандомизированного эксперимента и относится к базовым закономерностям человеческого поведения, которые в конечном счете не должны демонстрировать высокой дисперсии в популяции).

Таким образом, первый подход допускает генерализацию, исходя из сущности задач и эмпирического материала, и мирится с возможной формальной «нерепрезентативностью» выборки;

б) подход, ориентированный на то, что смещение выборки имеет определенное известное направление, хотя и неизвестную величину. Домоседов легче застать дома, а тех, кто любит гулять — на улице. Соответственно, если какой-то показатель рекреационной активности одинаков для уличного опроса и интернет-опроса, значит, он измерен надежно относительно возможных смещений в рекреационных предпочтениях.

Несложно заметить, что оба подхода легко применимы в условиях интернет-опросов и покрывают большую долю всех возможных задач, которые решаются в рамках социологических исследований.

2. Участники интернет-опросов могут субъективно чувствовать себя более защищенными и анонимными, что снижает риск неискренних ответов.

3. Технология интернет-опроса позволяет респонденту проходить его в любое удобное время и практически в любом удобном месте. Тем самым снижается риск получить ответы, данные в условиях экономии времени или от людей, которые в ходе опроса перестали быть в нем заинтересованы.

4. Отсутствуют ошибки ввода данных, связанные с их переносом между бумажным и электронным носителями, а также с фиксацией ответов по телефону.

5. Улучшаются возможности поведенческого моделирования (с помощью стандартных средств браузеров возможна демонстрация мультимедиа, создание разнообразных комбинаций графики и интерактивных инструментов, моделирующих ситуацию покупки, просмотра коммуникационных материалов и т. п.).

6. Исключается влияние интервьюера, которое может быть результатом как неосознанных моделей поведения, так и осознанной недобросовестности.

7. Улучшаются возможности оперативной выбраковки ответов недобросовестных респондентов (контроль неискренности и противоречий в ответах в режиме реального времени, а также на протяжении длительного времени в интернет-панелях).

8. Многократно повышается географическое проникновение опросов.

9. Значительно повышается скорость сбора данных.

10. Снижается зависимость процесса сбора данных от внешних факторов, таких как погодные условия или эпидемиологическая обстановка.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что все рассмотренные минусы интернет-опросов являются либо уже неактуальными, либо иллюзорными, возникающими только при сравнении с неосуществимыми идеальными стандартами, а не с реально применяющимися другими видами опросов. В то же время интернет-опросы обладают большим количеством плюсов, повышающих их привлекательность как с точки зрения стоимости и простоты организации исследований, так и с точки зрения качества данных. Основываясь на изложенных фактах, можно констатировать допустимость использования интернет-опросов в сборе данных для принятия правовых и государственно-управленческих решений при условии учета специфики получаемых данных, в частности, применении специальных процедур обеспечения репрезентативности и контроля идентичности респондентов.

Литература

1. *Ferl T. E., Millsap L.* Remote use of the University of California MELVYL Library System: An online survey // *Information Technology and Libraries*. 1992. No. 3. P. 285–303.
2. *Blasius J., Brandt M.* Representativeness in online surveys through stratified samples // *Bulletin de Méthodologie Sociologique*. 2010. No. 1. P. 5–21.
3. *Brown E., Johnson T. P.* Diffusion of Web Survey Methodology, 1995–2009 // *Survey Research*. 2011. No. 1. P. 1–3.
4. *Cooke M.* The New World of Web 2.0 Research // *International Journal of Market Research*. 2008. No. 5. P. 569–572.
5. *International Handbook of Survey Methodology* / ed. by E. D. de Leeuw, J. J. Hox, D. A. Dillman. New York; London: Psychology Press, 2008. 549 p.
6. *The SAGE Handbook of Public Opinion Research* / ed. by W. Donsbach, M. W. Traugott. London: Sage, 2008. 640 p.

7. Handbook of Survey Research. 2nd edition / ed. by P. V. Marsden, J. D. Wright. Bingley, UK: Emerald Group, 2010. 903 p.
8. Handbook of Survey Methodology for the Social Sciences / ed. by L. Gideon. New York: Springer, 2012. 958 p.
9. Fernandez K. E., Husser J. A., Macdonald M. G. Polling the Pollsters: A Survey of Academic Survey Organizations // Political Science & Politics. 2016. № 4. P. 859–866.
10. О порядке проведения опросов для оценки содержания рекламы: информация Федеральной антимонопольной службы от 6 июля 2012 г. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
11. Методика мониторинга и оценки открытости федеральных органов исполнительной власти: утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26 декабря 2013 г. № АМ-П36-89пр. Приложение 2. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
12. Об утверждении методических рекомендаций по внедрению системы оценки гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления государственных услуг и о признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России от 12 марта 2018 г. № 120: приказ Минэкономразвития России от 22 марта 2019 г. № 156. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
13. Об Основных методологических и организационных положениях федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микрорепись населения) 2015 года»: приказ Росстата от 30 декабря 2013 г. № 503. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
14. Couper M. Web surveys: A review of issues and approaches // Public Opinion Quarterly. 2000. No. 4. P. 464–494.
15. Россия в цифрах. 2019. Краткий статистический сборник / под ред. П. В. Малкова. М.: Росстат, 2019. 549 с.
16. Пояснительная записка Федеральной службы государственной статистики к проекту федерального закона № 00/04-18364/09-14/85-13-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части проведения Всероссийской переписи населения» от 9 сентября 2014 г. Справ.-правовая система «Гарант».
17. Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. / под ред. М. А. Дианова. М.: Статистика России, 2012. 183 с.
18. Dutwin D., Lavrakas P. J. Trends in Telephone Outcomes, 2008–2015 // Survey Practice. 2016. No. 2. P. 1–9.
19. Vehovar V., Manfreda K. L. Overview: online surveys // The SAGE handbook of online research methods / ed. by N. G. Fielding, R. M. Lee, G. Blank. London: Sage, 2008. P. 177–194.
20. Kwak N., Radler B. A comparison between mail and web surveys: Response pattern, respondent profile, and data quality // Journal of official statistics. 2002. No. 2. P. 257–273.
21. Herzog A. R., Rodgers W. L. Age and response rates to interview sample surveys // Journal of Gerontology. 1988. No. 6. P. 200–205.
22. Herzog A. R., Rodgers W. L. Interviewing older adults: Mode comparison using data from a face-to-face survey and a telephone resurvey // Public Opinion Quarterly. 1988. No. 1. P. 84–99.
23. Manfreda K. L., Berzelak J., Vehovar V., Bosnjak M., Haas I. Web surveys versus other survey modes: A meta-analysis comparing response rates // International journal of market research. 2008. No. 1. P. 79–104.
24. Кокрен У. Методы выборочного исследования. М.: Статистика, 1976. 440 с.
25. Williams D., Brick J. M. Trends in US face-to-face household survey nonresponse and level of effort // Journal of Survey Statistics and Methodology. 2018. No. 2. P. 186–211.
26. Groves R., Peytcheva E. The Impact of Nonresponse Rates on Nonresponse Bias a Meta-analysis // Public Opinion Quarterly. 2008. No. 2. P. 167–189.

27. *Bethlehem J.* Selection bias in web surveys // *International Statistical Review*. 2010. No. 2. P. 161–188.
28. *Fricker R. D. J.* Sampling methods for web and e-mail surveys // *The SAGE handbook of online research methods* / ed. by N. G. Fielding, R. M. Lee, G. Blank. London: Sage, 2008. P. 195–216.
29. *Tapia J. A., Menéndez J. A.* Probabilistic Web survey methodology in education centers: An example in Spanish schools // *Survey Practice*. 2015. No. 3. P. 1–9.
30. *Schmidt W. C.* World-Wide Web survey research: Benefits, potential problems, and solutions // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 1997. No. 2. P. 274–279.
31. *Оберемко О. А.* О фальсификации, фабрикации и мистификации в методике. Рецензия на книгу Рогозина Д. М., Ипатовой А. А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 2015. № 4. С. 227–236.
32. *Matthijsse S. M., de Leeuw E. D., Hox J. J.* Internet panels, professional respondents, and data quality // *Methodology*. 2015. No. 3. P. 81–88.
33. *Sudman S., Wansink B.* Consumer panels. 2nd ed. Chicago: American marketing association, 2002. 233 p.

Пронина З. Ю.

Коммуникативные барьеры и пути их преодоления в антикризисном управлении организацией

*Pronina Z. Yu. Communicative Barriers and the Ways to Overcome Them
on Crisis Management Organization*

В статье рассмотрены причины возникновения коммуникативных барьеров в антикризисном управлении организацией. Описаны различные типы барьеров, дана их классификация. Автором предложены механизмы снижения коммуникативных барьеров организации в рамках процесса управления антикризисными коммуникациями.

Ключевые слова: коммуникативные барьеры, антикризисное управление, коммуникационные сети, деловые коммуникации, стейкхолдеры.

Контактные данные: 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; (495) 939-10-00; e-mail: pronina@spa.msu.ru.

The article discusses the reasons for the emergence of communication barriers in the anti-crisis management of the organization. Various types of barriers are described, their classification is given. The author proposes mechanisms for reducing the communication barriers of the organization in the process of the management of anti-crisis communications.

Keywords: communication barriers, crisis management, communication networks, business communications, stakeholders.

Contact Details: Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russia; (495) 939-10-00; e-mail: pronina@spa.msu.ru.

Качество коммуникационной сети антикризисного управления определяется ее способностью преодолевать причины, которые способствуют ухудшению коммуникации. Данные причины принято называть коммуникативными барьерами.

Коммуникационная сеть организации представлена вертикальными, горизонтальными и диагональными связями. Вертикальные связи обеспечивают прохождение информации сверху вниз, от руководства к исполнителям, горизонтальные связи действуют между равными по уровням работниками: например, между вице-президентами или бригадирами ремонтных бригад. Под диагональными понимаются связи между работниками внутри одного подразделения (например, внутрикомандные связи в случае выполнения группой людей проекта).

Совокупность этих связей и есть реальная структура организации, поскольку они четко показывают, как в организации осуществляется разделение труда и координация выполнения различных заданий. Такая реальная структура может не в полной мере соответствовать формальной структуре, что часто случается, когда формальная структура давно не менялась, в то время как организация активно развивалась, эволюционировала. В этом случае возникает потребность в реструктуризации, т. е. изменении формальной структуры в соответствии с новыми требованиями и задачами. Особенно важно провести реструктуризацию в плане подготовки к кризисному управлению,

Пронина Зоя Юрьевна — доцент кафедры экономики инновационного развития Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук, доцент.

© Пронина З. Ю., 2020

когда конфликт реальной и формальной структур может создавать труднопреодолимые информационные барьеры.

Такие барьеры принято делить на две основные группы. К первой относят проблемы «объективного» характера: несовершенство технических средств коммуникации, проблемы с кодированием и декодированием информации, чрезмерный фоновый шум, препятствующий точному и безошибочному восприятию информации. Они могут представлять существенную проблему, но, как правило, имеющую четкое и ясное решение. Соответствующие проблемы называют «жесткими», а для их решения используют ранее известные, но зачастую ограниченные ресурсы.

Данные барьеры существуют и в условиях стандартного функционирования организации, которая в свое время сумела к ним адаптироваться. Однако в условиях развития кризисной ситуации их значение существенно увеличивается из-за информационных перегрузок, всегда сопровождающих практику антикризисного управления.

Ко второй группе барьеров относятся барьеры субъективного характера, где к их формированию подключаются специфические характеристики субъекта, как индивидуального, так и группового. Они также растут в связи с тем, что резко увеличивается психологическая нагрузка на индивидов, а также происходит ужесточение требований к скорости переработки и передачи информации [1, р. 28].

Итак, можно выделить следующие три типа барьеров:

1. *Барьеры понимания.* Невозможность адекватно осознать переданную в рамках процесса антикризисного управления информацию может быть вызвана разными психологическими причинами. Например, проблемы фонетического характера (сильный акцент, диалект в языке, невыразительная речь, слишком быстрый темп речи, изобилие слов-паразитов в речи, перехлестывающие через край эмоции говорящего) могут создавать серьезные препятствия для понимания. Но именно так общаются сильно взволнованные люди или люди, слабо управляющие своими эмоциями, находящиеся в состоянии стресса, панически боящиеся самостоятельно принимать решения.

К этой же категории относятся семантические барьеры, возникающие, если собеседник активно использует жаргонизмы, профессиональную терминологию наряду с бытовой, слова в редко употребительных значениях [2, р. 116]. Если стиль речи не соответствует ситуации или собеседник считает его неуместным (что часто наблюдается в условиях передачи информации о развитии кризиса), интерес к содержанию высказывания значительно падает. Могут возникнуть также логические барьеры, если собеседник воспринимает рассуждения как очень сложные, занудные, или они доказываются необычным, неизвестным собеседнику методом. Антикризисное управление в его наиболее активной фазе подразумевает общение главным образом короткими, но информационно емкими предложениями, предполагает использование широко известной разнообразной аудитории антикризисной терминологии с применением делового стиля.

2. *Барьеры, порождаемые культурными и социальными различиями* между людьми. Представители различных социальных или культурных групп в одном и том же кризисном явлении склонны видеть разные стороны, обнаруживать взаимоисключающие объяснения происхождения кризиса. В некоторых случаях различия людей по полу, национальности, возрасту, уровню образования, иным признакам могут выступить ощутимыми препятствиями для их делового общения. Определенную роль при этом могут сыграть закоренелые общественные предрассудки.

3. *Барьеры отсутствия доверия* — возникают, когда участники коммуникации в антикризисном управлении чувствуют недоверие, неприязнь, враждебность к субъекту, который передает информацию. Такое отношение способно подсознательно переноситься и на содержание передаваемого сообщения [3, р. 153].

Б. Ф. Поршнев описывает три разновидности коммуникативных барьеров, в основе различия которых лежит уровень их прозрачности. Эти барьеры в условиях антикризисного управления способны создавать немалые проблемы на пути принятия управленческих решений. Он, в частности, выделяет [4, с. 35]:

- *избегание* — практически «непрозрачный» для коммуникаций барьер, возникающий потому, что субъект, к которому делается попытка направить информацию, буквально избегает контактов, опасаясь плохих новостей. Для этого могут придумываться разнообразные предлоги, вплоть до внезапно начавшихся телефонных сбоев или острого отсутствия времени для разговора. В условиях кризиса избегание является нередкой, но весьма опасной для результатов антикризисного управления формой поведения;
- *авторитетность источника информации* — этот барьер проявляется в том, что информация услышана, понята, но выводов не сделано, ничего не меняется. Проблема в недостаточной авторитетности источника информации. Оценка авторитетности — субъективный акт, следовательно, и оценка информации как малоценной носит сугубо субъективный характер. Существование такого рода барьеров объясняет склонность людей в качестве аргумента в пользу верности собственной позиции приводить высказывания авторитетных людей — мудрецов прошлого, великих ученых, писателей, поэтов и др.;
- *непонимание* — данный барьер проявляется как сознательное искажение информации, придание ей отличного от первоначального смысла, по каким-то причинам предпочтительного для реципиента. Б. Ф. Поршнев в качестве пояснения приводит такой диалог: «Ты меня не правильно понял», — говорит «К», обращаясь к своему слушателю. «Смотря что ты имеешь в виду, — мог бы ответить ему «Р», — с точки зрения твоего замысла, может быть и не правильно. А с точки зрения безопасности моего внутреннего мира, очень даже правильно» [4, с. 35–39].

Более развернутую классификацию барьеров предлагает Н. В. Непряхин [5, с. 44–45]. Его классификация интересна тем, что позволяет шире и всестороннее оценить, как будут меняться барьеры в случае кризиса, какие из них будут возрастать и что следует предпринять, чтобы воспрепятствовать их росту.

1. *Искажение информации*. Это — семантические барьеры, связанные с неточным пониманием и боязнью переспросить, чтобы не быть обвиненным руководителем в некомпетентности или недостаточной сообразительности.

2. *Некомпетентность персонала* — одна из самых распространенных причин плохого понимания заданий, распоряжений, их смысла и влияние на бизнес-процессы.

3. *Неэффективная, сложная, запутанная организационная структура* — препятствие для быстрой и точной передачи информации. Информация перемещается по иерархически выстроенным подразделениям, аккумулируя все ошибки и искажения. Тем же страдает обратная связь.

4. *Информационная перегрузка* — рабочие группы, отдельные сотрудники не успевают обрабатывать информационные потоки, испытывают стрессы, допускают все больше ошибок, падают производительность и эффективность работы.

5. *Межличностные конфликты* порождаются различным восприятием информации: одна и та же информация может для одних открывать привлекательные перспективы, а для других — нести угрозу.

6. *Технические и технологические проблемы* — например, «медленный» интернет, отсутствие многоканальной связи, спам в корпоративной почте, плохая работа курьеров, перегруженные работой принтеры, дефицит копировальной техники и т. д.

Итак, коммуникационные барьеры являются важнейшим показателем качества организационных коммуникаций, и если в «нормальных» условиях барьеры организационных коммуникаций снижаются, то в условиях кризиса этот недостаток многократно увеличивается и способен породить очень острые проблемы на пути к успеху антикризисного управления и дальнейшего существования организации [6, р. 860]. Поэтому важно акцентировать внимание на качестве, эффективности коммуникаций, под которой мы вслед за В. А. Спиваком будем понимать такое их состояние, когда влияние барьеров снижено до минимума [7, с. 88–92]. Можно попытаться реализовать следующие меры:

- устранить все коммуникативные барьеры, которые носят объективный (технический, технологический) характер или обеспечить более благоприятный контекст для коммуникаций; в период кризиса это сделать не удастся;
- исключить или минимизировать семантические ошибки, используя понятную для собеседника лексику; не стоит рассчитывать, что если объяснить значения слов, то проблема исчезнет: значения должны быть «распредмечены» собеседником, стать частью его сознания, а для этого требуется время; рассчитывать, что в условиях кризиса для этого будет время наивно.
- прежде всего, уметь заинтересовать собеседника в теме разговора, что настроит его на серьезный лад;
- формулировать сообщение максимально ясно и недвусмысленно;
- использовать эмпатию и ассертивность для улучшения эмоционального тона общения, настроив собеседника на открытость и искренность;
- в ходе коммуникации давать собеседнику возможность отдельными фразами, междометиями, невербальными сигналами выражать свое отношение в воспринимаемой информации;
- после коммуникации оценить ее успешность, зафиксировать действие барьеров и спланировать меры для их преодоления.

Умение выстраивать эффективные коммуникации служит важнейшим признаком эффективной работы менеджера. Однако не стоит преуменьшать способности подчиненных воспринимать информацию. Данные способности можно и нужно систематически развивать. Для этого менеджер должен принимать во внимание следующие обстоятельства:

- информация нового типа, с которой получатель еще не имел дела, будет восприниматься и осознаваться существенно медленнее, чем известного типа;
- коммуникация будет восприниматься и оцениваться прежде всего на основании прошлого опыта работника, а не на основе сопровождающих ее заголовков «срочно!», «особой важности» и т. п.;
- в новой незнакомой ситуации (что часто сопровождает протекание кризиса) работник из всей информации выберет такую, которая связана с его прошлым опытом успешного решения проблем, что может обеспечить отнюдь не лучшее решение текущих проблем [8, с. 26];

- даже такая объективная информация, как числа, воспринимается субъективно, поскольку любая информация значима для субъекта только тогда, когда она интерпретирована, т. е. прочитана и понята с позиций интересов субъекта (группы, организации в целом);
- кодирование и расшифровка информации всегда будут в той или иной мере не соответствовать друг другу из-за различия в опыте и структуре ценностей ее источника и получателя: неверно думать, что это — исключительно языковая проблема.

Обеспечиваемые организационными коммуникациями кризисные сообщения предоставляют собой четкие указания относительно текущего положения в рамках кризиса и действия, которые необходимо предпринять. Если они хорошо работают, барьеры преодолены, и они несут релевантную, полезную для принятия кризисных мер информацию, ценность их высока. И наоборот: плохо развитые, плохо «заточенные» под кризис коммуникационные возможности организации резко снижают эффективность антикризисного управления, так как в особых условиях кризиса партнеры (стейкхолдеры) начинают ставить под сомнение будущее взаимодействий с организацией, поскольку низкая эффективность кризисных коммуникаций увеличивает неопределенность в прогнозах ее способности успешно противостоять кризису и без существенных потерь вернуться к «нормальному», докризисному состоянию.

Литература

1. *Griffin A.* Crisis, issues and reputation management (PR in practice). London: Kogan Page, 2014. 280 p.
2. *Deverell E., Olsson E.-K.* Organizational culture effects on strategy and adaptability in crisis management // *Risk Management*. 2010. Vol. 12. No. 2. P. 116–134.
3. *Massey J.* Managing organizational legitimacy: communication strategies for organizations in crisis // *The Journal of Business Communication*. 2011. Vol. 38. No. 2. P. 153–177.
4. *Поршнев Б. Ф.* Контрсуггестия и история // *История и психология*. М.: Наука, 1971. С. 35–39.
5. *Непряхин Н.* Гни свою линию. Приемы эффективной коммуникации. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 148 с.
6. *Abatecola G.* Interpreting corporate crises: towards a co-evolutionary approach // *Futures*. 2012. Vol. 44. P. 860–869.
7. *Спивак В. А.* Деловые коммуникации. Теория и практика. М.: Юрайт, 2015. 460 с.
8. *Ратников В. П.* Деловые коммуникации. М.: Юрайт, 2016. 527 с.

Khodzhaev S. D.

Dynamics of the Formation of Entrepreneurship among Youth in the Context of Modernization of Society in Uzbekistan

Ходжаев С. Д. Динамика формирования предпринимательства среди молодежи в контексте модернизации общества в Узбекистане

Today, youth entrepreneurship is one of the most promising areas for the development of the state's economy, which is actually the potential for its growth. Scientific and government circles of any state are interested in the development of youth entrepreneurship. The author of this article has considered and sociologically analyzed the problems of the functioning of youth entrepreneurship in Uzbekistan. The article argues that it is precisely the joint actions of the government and academia that can increase entrepreneurial activity among the youth. Youth entrepreneurship is a turbulent social process that has not yet reached a stabilization phase and requires special attention from the government, forming the backbone of the middle class. The development of youth entrepreneurship is a very important social process and science needs, first of all, to trace its internal development, since the integration of the youth group has not been comprehensively studied, and this is a completely new object of social research.

Keywords: youth entrepreneurship, modernization, dynamics, development factors, motivation factors, creativity, network culture.

Contact Details: 9 Husnobad Str., Angren, Tashkent Province, 702506, Uzbekistan; +9 (989) 77659915, +9 (989) 09488239; e-mail: nigoradjurayeva@mail.ru.

Сегодня предпринимательство среди молодежи признано одним из наиболее перспективных направлений развития экономики государства и является фактически потенциалом ее роста. Научные и правительственные круги любого государства заинтересованы в развитии молодежного предпринимательства. В настоящей статье рассмотрены и проанализированы проблемы функционирования молодежного предпринимательства в Узбекистане. Аргументируется положение о том, что именно совместные действия правительства и научного сообщества могут повысить предпринимательскую активность в молодежной среде. Молодежное предпринимательство — это бурный социальный процесс, который еще не достиг стадии стабилизации и требует особого внимания со стороны правительства, формирующего костяк среднего класса. Развитие молодежного предпринимательства служит очень важным социальным процессом, и науке необходимо проследить его внутреннее развитие, поскольку интеграция молодежной группы не изучена всесторонне. Это — новый объект социальных исследований.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, модернизация, динамика, факторы развития, факторы мотивации, креативность, сетевая культура.

Контактные данные: 702506, Узбекистан, Ташкентская область, г. Ангрен, ул. Хуснобад, д. 9; +9 (989) 77659915, +9 (989) 09488239; e-mail: nigoradjurayeva@mail.ru.

Ходжаев Собир Джумаевич — главный специалист информационно-аналитического отдела Института проблем молодежи и подготовки перспективных кадров при Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан; научный исследователь Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент.

© Ходжаев С. Д., 2020

Youth is the most important strategic resource of every state and society, it is today's and tomorrow's perspective development of Uzbekistan. In the Republic of Uzbekistan, 60 percent of the population is youth, which has a huge creative and intellectual potential. Moreover, it is young people who are able to bring modern Uzbekistan to a completely new level of development. It should be noted that the development and support of youth entrepreneurship is aimed at creating the necessary socio-economic, political and legal, organizational conditions for the protection of rights, support, the formation and development of youth, the realization of its creative potential in the interests of the development of society. Today, on the initiative of the Head of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev, the Concept for the Development of Youth Entrepreneurship in Uzbekistan has been developed and is operating in the country.

Youth entrepreneurship in Uzbekistan has become that social stratum that performs a supporting function in the processes of social modernization: around it and in connection with its formation, other elements of society are organized, other classes and strata are created, a certain way of life and social aspirations are formed. After all, today's market transformation brings to the fore the social interactions of an active economic entity whose activities are aimed at enrichment through the effective satisfaction of social needs. The entrepreneur creates the production of goods and services, performing an active organizational function, he by his activities combines the resources of living human labor with material resources and produces a variety of products that are in demand in the sphere of consumption. Since the activity of entrepreneurs is by definition risky, moreover, it is competitive, they must be flexible in mastering new things and quickly introduce their own innovations.

Youth entrepreneurship is a turbulent social process that has not yet reached a stabilization phase and requires special attention from the government, forming the backbone of the middle class. The development of youth entrepreneurship is a very important social process and science needs, first of all, to trace its internal development, since the integration of the youth group has not been comprehensively studied, and this is a completely new object of social research. It is important to consider the formation of a layer of young entrepreneurs and the formation of its subjectivity in the social structure, as well as to analyze the processes of institutionalization of social practices and the legitimization of relations between youth entrepreneurship. The task of modern sociological science is also to describe the characteristics of subcultural statements of youth entrepreneurship and their relationship with the social identification of representatives of this social stratum. Moreover, it is important to identify the stages and characterize the forms of consolidation of young entrepreneurs during the formation of the social stratum [1].

The author tried to show that the formation of a new entrepreneurial culture in the person of young people in Uzbekistan is characterized by a number of features: entrepreneurial culture is not based on a religious context, its value legitimization is carried out with a delay in relation to the formal legalization of practices, cultural repression of society in relation to entrepreneurship is ambivalent, which makes entrepreneurial a subculture that is fundamentally sensitive to the impulses of government intervention and the intentions of regulatory practices. It should be especially noted that representatives of a new layer of entrepreneurship — young people — have such personal qualities as the sharpness of vision, the ability to go forward alone, walk the unbeaten path, the ability to lead and influence others, the gift of foresight.

Since entrepreneurship is focused on achieving success, it cannot be achieved in the absence of meaning in the life of a modern entrepreneur. In this regard, it is necessary to analyze the problem of the meaning of life of a modern entrepreneur

in order to understand its significance in the competitive struggle as one of the subjects of entrepreneurial activity. Of interest is the emotional, sensory aspect of the cultural foundations of entrepreneurial competitiveness in a modernizing society. In this case, we are talking about a neuropsychiatric culture - a culture of experiences, which is no less important for a person than scientific knowledge [2].

The study of entrepreneurship in an information society with its "network culture" [3] should take into account the feelings and emotions of the entrepreneur. The virtual culture of entrepreneurship, which is so popular among young people today, is known to be composed of many cultures, it changes at the same rate as the participants in the network, follows the same organizational and cultural modernization of the units of the network. It is an ephemeral, multifaceted, virtual culture. Modern youth entrepreneurship is due to the development of modern society and entrepreneurial knowledge built on computer and telecommunication nanotechnologies, which has led to the dominance of the network structure in the relationship of modern entrepreneurs. It is from the perspective of the network theory that one can explain the phenomenon that entrepreneurship is a relatively stable structure.

In sociological science, classical approaches to the phenomenon of youth entrepreneurship as a social action and social interest of a person and society are reflected in the works of D. Alexander, M. Weber, T. Hobbes, R. Dahrendorf, E. Durkheim, T. Par-sons, R. Pareto, N. Smelzer, A. Smith. A significant contribution to the development of the theory of entrepreneurship among young people was made by such modern foreign researchers as F. Walker, I. Schumpeter, F. von Hayek, P. Drucker.

The empirical base of the sociological research was formed by data from public opinion monitoring, the results of regional empirical studies of entrepreneurship development in 2019. Youth entrepreneurship as a factor of modernization is a driving force, reason, an essential circumstance of the transformation process, modernization in general. Modernization as renewal, improvement and restructuring requires appropriate approaches to entrepreneurship as a factor in development. In this aspect, the role of youth entrepreneurship in our country is growing immeasurably.

In October 2019, the author of the article conducted a sociological survey in all regions of the country to study entrepreneurial activity, the environment and current problems in this area among young people, including trends in the development of entrepreneurship among young people, factors leading to development, and vice versa.

In the course of the study, using the questionnaire method, the survey was conducted among young people engaged in entrepreneurial activity. A total of 1200 respondents took part in the survey based on quotas based on regional and age indicators as survey criteria (table 1).

Table 1

Territorial distribution of respondents

№	Regions	Number of business enterprises and organizations	%	Number of respondents
1	Tashkent	77328	21,12	252
2	Tashkent region	34206	9,34	112
3	Fergana region	33181	9,06	108
4	Andijan region	30307	8,28	99
5	Samarkand region	29018	7,92	95
6	Namangan region	24170	6,60	79

№	Regions	Number of business enterprises and organizations	%	Number of respondents
7	Kashkadarya region	23611	6,45	77
8	Bukhara region	21237	5,80	69
9	Surkhandarya region	17494	4,78	57
10	Republic of Karakalpakstan	17391	4,75	56
11	Khorezm region	17194	4,70	56
12	Jizzakh region	16167	4,42	53
13	Navoi region	13335	3,64	45
14	Sirdarya region	11542	3,15	38
Total		366181	100	1196

As can be seen from the table, the principle of representativeness was fully applied in the study. 75.4 % of the respondents were men and 24.6 % were women (figure 1).

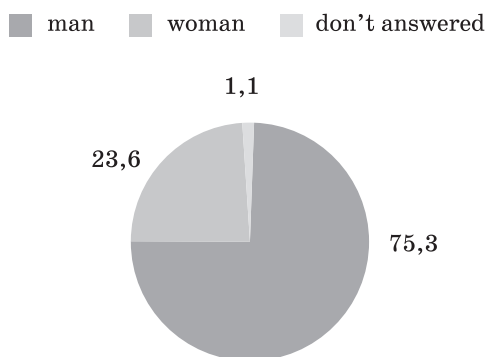

Figure 1. Gender of respondents, %

In addition, 34.1 % of respondents were young people with higher education, 33.5 % with specialized secondary education, 20.1 % with incomplete higher education, that is, students, 8.5 % with secondary education and 1 % with incomplete secondary education. 2.4 % of young people did not answer this question (figure 2).

The average age of young people in the study was 22, and 57 % of them were privately owned. 21% work in organizations and enterprises in the field of state ownership, 17 % — in leased property and 7 % — in joint ownership.

Analysis of the data showed that motivation for most young people doing business is an economic factor. Almost 55 % of respondents (the desire to be financially independent, to earn more money, to improve living standards, to ensure the well-being of their families and relatives) said that it was the economic issue that prompted them to start entrepreneurship, and 10.7 % — to solve some social problems in society. 6.8 % of young people said that entrepreneurial activity gives them the opportunity to rise to a higher position (table 2).

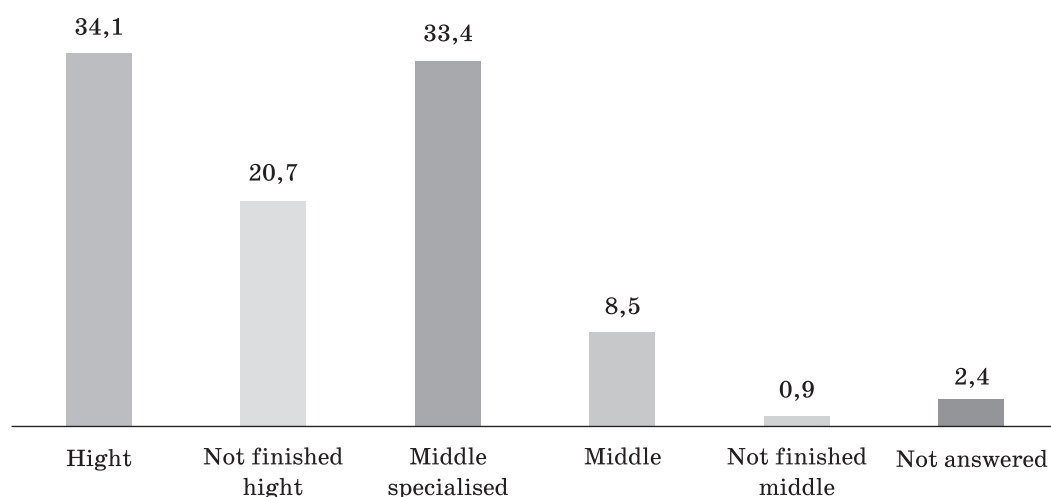

Figure 2. The level of education of respondents, %

Table 2

Factors motivating to engage in entrepreneurial activity

№	Factors motivating to engage in entrepreneurial activity	%
1	The desire not to be financially dependent on anyone	28,6
2	Making more money, improving living standards	14
3	Raising the material well-being of my family, relatives	12,3
4	Demonstrating personal qualities	5,7
5	Working with highly qualified colleagues	6
6	Employ professional skills	5,2
7	Creating the conditions for a high career	4,2
8	Reputation is the achievement of a career	2,6
9	Contribute to solving problems in society	10,7
10	Work without much effort	2,2
11	Doing fun work	7
12	Because I can't go to university	1,7
Total		100

Socio-political, socio-economic, legal in business and the formation of an entrepreneurial stratum and professional factors play an important role. Therefore, the survey “What factors are important for the development of entrepreneurship?” Analysis of answers to the question: social, economic and political stability in the country (90 %), economic freedom (75.2 %), modern technologies (73.6 %), the Law “On the support of entrepreneurship” and existing regulations (72.3 %).

At the same time, innovation (introduction of innovations) (69.6 %), access to preferential loans (64.5 %), availability of initial capital (65.4 %), stability of the national currency (62.1 %) such factors as 60–70 %.

It is noteworthy that 1/3 of the respondents said that the presence of relatives, friends or acquaintances among young entrepreneurs — authorities, regulators and tax authorities — does not matter when doing business. The low level of protectionism for young entrepreneurs can be explained by their age and the change of a new generation (table 3).

Table 3

**Important/unimportant factors that contribute to the development
of entrepreneurial activity**

№	Important factors that contribute to the development of entrepreneurial activity	Important, %	Not important, %
1	Social, economic and political stability in the country	90	9,9
2	Stability of the national currency	62,1	37,7
3	Existence of laws and regulations on business support	72,3	27,6
4	Activities of relatives, friends or acquaintances in government, control and tax authorities	35,7	64,2
5	Availability of initial capital	65,4	34,5
6	Economic freedom	75,2	24,7
7	Innovation	69,6	30,3
8	Get a soft loan	64,5	35,4
9	Modern technologies	73,6	26,3

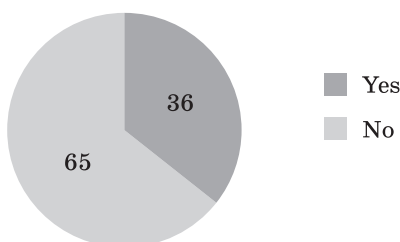

Figure 4. The level of use of loans from the Fund "Youth Future", %

Analyzing these results by region, the largest users of loans from the Our Future Fund are located in Fergana (89.5 %), Navoi (80.0 %) and 50–55 % of young people in Andijan and Syrdarya regions, and the least used are in Kashkadarya. (3.4 %), Khorezm (10 %), Surkhandarya (17.2 %) regions and Tashkent (17.2 %).

When asked why they do not use the Fund's loans, 50 % of the respondents answered: "I don't need a loan". 30.5 % of young people "approved the project, but the local authorities and banks are slowing down", another 19.6 % of loans fall on corruption and acquaintance. Entrepreneurs in the Andijan region (44.1 %), as well as young entrepreneurs in Fergana (75 %), Syrdarya (52 %), Samarkand (46.7 %), who believe that corruption and dating play a key role in the regions. Surkhandarya (44 %), Tashkent (44 %) regions and the city of Tashkent (50 %).

Based on the foregoing, overcoming the problems associated with the activities of young entrepreneurs and entrepreneurship and the following proposals will be put forward to develop the entrepreneurial sector and increase its efficiency:

- assistance in identifying and practically eliminating urgent problems that hinder the activities of the Youth Union of Uzbekistan by developing specific mechanisms for constant monitoring of the state of youth entrepreneurship in order to systematize work on youth employment in the regions;
- Identify and take measures to eliminate the difficulties faced by local authorities and banks in obtaining loans for young entrepreneurs who have approved a business project for obtaining concessional loans from the Our Future Fund, but also pay special attention to ensuring transparency in the provision of concessional loans;
- Introduce the practice of creating conditions for entrepreneurs who received loans from the Our Young Future Fund, to employ only unemployed or low-income youth;
- creation of a state program that provides comprehensive support to young entrepreneurs and entrepreneurs in the regions, clearly identifies opportunities for the development of their business, taxation, lending and investment;
- View the system to simplify the process of applying for a loan for young entrepreneurs by the Civil Service Agency;
- Consideration of the introduction of “legal advice” for young entrepreneurs [4];
- introduction of special courses on the formation of entrepreneurial skills in general education schools, academic lyceums, professional colleges and universities;
- Today, taking into account the priorities of the economic sector, entrepreneurship, development of small and medium-sized businesses, entrepreneurship training courses throughout the country, depending on the specifics of each region [5];
- organization of special training with the involvement of mature specialists.

At the beginning of the XXI century modernization as a socio-economic phenomenon has a significant impact on the development of various societies of the modern world, including the development of youth entrepreneurship in Uzbekistan. At present, the modern world is in a state of global modernization, affecting almost all spheres of society, including entrepreneurship among the younger generation. Modernization is closely related to the rapid development of the latest technologies - they underlie the emerging professional base of information and entrepreneurial labor, communication, and cognition [6]. Thus, it is important to emphasize that today's entrepreneurship depends on a creative approach to entrepreneurial work, which depends on a fresh outlook on the life and business of the younger generation. Entrepreneurship must be proactive in relation to the current state of affairs, must have creative potential. The knowledge, skills, competence of young people determine to a large extent the competitiveness of various business entities.

The creative entrepreneurial activity of an individual can be interpreted as a kind of cooperation of human entrepreneurial properties, producing new objectivity and qualities. It is precisely this kind of cooperation, which underlies business and entrepreneurial competitiveness, is inextricably linked with the cooperation of entrepreneurial labor as an integral system with its growing informatization and intellectualization.

To solve the problem of the development of youth entrepreneurship, the state should involve civil society institutions, public and non-profit organizations, and entrepreneurs themselves [7]. At the same time, it is important to understand that

young people should be a direct participant in the solution of regional problems and should not be exclusively in the role of an object of education, training and socialization [8]. These measures, in our opinion, will contribute to the development of youth entrepreneurship, creating comfortable conditions for this. The state, in turn, can initiate the mass attraction of young people into entrepreneurial activity [9].

The analysis of the views on the more effective development of entrepreneurship in the country shows that “strengthening the fight against corruption” [10] (24.7 %), further strengthening the legal framework for entrepreneurship (22.7 %), eliminating monopolies and creating equal opportunities for competition (13.7 %) and the need to pay more attention to the legal and economic aspects of entrepreneurship, such as government support and continuation of lending to young entrepreneurs (13.4 %). At the same time, the responses showed that the reforms being implemented by the government to eliminate artificial barriers to business development (regulation of regulatory bodies, tax burden and bureaucratic barriers) are bearing fruit.

In order to remove the fundamental contradictions of the existing socio-economic system, Uzbekistan needs a new level of modernization and development of entrepreneurship as its essential form of functioning and development. This stage on the way to modernization and development of the economic sphere of society has become the Action Strategy, which has been carried out in our state for the fourth year already:

- as a guarantee of successful business, firstly — knowledge (20 %), luck (19 %), funds (capital) (17 %), action (16 %), secondly — economic freedom (8 %), government support (7 %) Factors such as parental, relative support (6 %), familiarity (3 %) and innate ability (3 %) are considered important for young entrepreneurs today;
- 31 % of young entrepreneurs are entrepreneurs at the same time and works in the public sector, including work experience (24 %), lack of confidence in the future of entrepreneurship (20 %) and the goal of social protection in the event of business failure (16 %);
- Today, young entrepreneurs are willing to work in the public sector (53 %), think about the issue (30 %) and do not need to work in the public sector in any case (17 %), if the conditions for full activity in the public sector are created;
- in case of crisis of business activity young entrepreneurs (50 %) said they would engage in other activities and would go abroad (10 %) in such a situation. Also, 17 % of them approve of the transition to the public sector, while 27 % do not have a clear idea;
- Today, the main characteristics of young entrepreneurs — a good knowledge of their profession and field (81 %), the desire to make a profit in any way (76 %), economic freedom (72 %), competitiveness (71 %), honest, conscientious, being religious (71 %), taking risks and taking responsibility (69 %), being faithful, pious (63 %) and being innovative (60 %) play an important role;
- Among young entrepreneurs, tourism (17 %), training centers (16 %), agriculture (13 %), fisheries (10 %) are among the priorities and the restaurant business is important;
- To date, 36 % of young entrepreneurs are actively using soft loans provided by the Fund “Our Youth Future” [11], and 64 % have not used these opportunities;
- Young people who do not use the soft loans of the Fund “Youth Future” (50 %) do not need a loan, some have a approved business project, but there are difficulties in financing (30 %), others have access to credit due to corruption and acquaintanceship. not (20 %);

- Most of the young people living in Andijan region (44 %), whose projects have been implemented but have not yet been financed, said that corruption and acquaintances play an important role in obtaining loans from the Fund “Our Future” Fergana (75 %), Sirdarayo (52 %), Samarkand (47 %), Surkhandarya (44 %), Tashkent (44 %) regions and the city of Tashkent (50 %);
- Today, the factors hindering the effectiveness of young entrepreneurs are corruption, bribery, acquaintanceship (72 %), sluggish approach to economic policy (70 %), violations of business real estate (67 %), the relevant law, non-implementation of legal norms and guarantees (66 %), unreasonable interference in business activities (66 %), abuse of office of local leaders (65 %) and violation of the principle of social justice (64 %);
- Young entrepreneurs, today in the further development of entrepreneurship strengthening anti-corruption measures (25 %), further strengthening the legal framework for entrepreneurship (23 %), the elimination of monopolies and equal opportunities for competition (14 %) and government loans to young entrepreneurs support for giving and its continuation (13 %) are considered important.

Despite the fact that youth entrepreneurship is a rather complex sector of socio-economic reality, it also requires close attention from all government agencies. After all, correct, targeted support for the development of youth entrepreneurship will ensure the development of small and medium-sized businesses in the country, which, in turn, will lead to socio-economic growth, to increase the investment attractiveness of Uzbekistan.

References

1. Anan'ev B.G. Psychology and problems of human studies. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: MODEK; 1996. 384 p. (Selected Psychological Works). (In Russ.).
2. Kemerov V.E., Kerimov T.Kh. Social philosophy: A dictionary. Moscow: Academic Project; 2005. 624 p. (In Russ.).
3. Anoshkina B.L., Rezvanov C.B. Education. Innovation. Future. (Methodological and socio-cultural problems). Rostov-on-Don: Ministry of General and Professional Education of the Rostov Region; 2001. 176 p. (In Russ.).
4. On measures to radically reduce statistical, tax, financial reporting, licensed activities and licensing procedures. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-4453 of July 16, 2012. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=53122 (In Russ.).
5. Kasymov G.M., Makhmudov B.D. Fundamentals of the national economy: A textbook. Tashkent: Mehnat; 2012. 202 p. (In Russ.).
6. Bauman Z. Globalization: Human consequences. New York: Columbia University Press; 1998. 136 p. (Russ. ed.: Bauman Z. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva. Moscow: Ves' Mir; 2004. 188 p.).
7. Tulenova G. Youth policy in the Republic of Uzbekistan: State and development prospects. Tashkent: Aloqachi; 2008. 109 p. (In Russ.).
8. Yusupov Yu.B., ed. Small business development in Uzbekistan: Barriers and opportunities. *Policy Brief. UNDP Uzbekistan*. 2009; (2). URL: https://www.uz.undp.org/content/uzbekistan/en/home/library/un_in_Uzbekistan/policy-brief--2--2009---small-business-development-in-uzbekistan.html
9. Ayres R. Technology and economic growth. Transl. from Eng. In: Gurevich P.S., ed. New technocratic wave in the West. Moscow: Progress; 1986;316-329. (In Russ.).
10. Stewart T.A. Intellectual capital: The new wealth of organizations. New York: Doubleday/Currency Books; 1997. 278 p.
11. Digital Opportunity Trust. URL: <https://www.dotrust.org> (accessed on 14.03.2020).

Ахтырский А. А.

Мотивационные смыслы педагогических работников сиротских учреждений

*Akhtyrskiy A. A. Labor Motivation of Pedagogical Workers of Institutions
for Orphans*

В статье предпринята попытка на основе авторской методики осуществить эмпирическую диагностику мотивационных смыслов педагогических работников учреждений для детей-сирот на современном этапе, а также определить организационные ограничения, влияющие на процесс развития системы мотивации в деятельности педагогических работников учреждений для детей-сирот. На основе анализа социологического исследования и включенного наблюдения в течение пяти лет автором установлены факторы, влияющие на снижение трудовой активности педагогических работников, произведена попытка наметить направление действий по предотвращению сложившихся проблемных ситуаций в сиротских учреждениях. Статья будет интересна руководителям образовательных и социальных учреждений, а также исследователям, занимающимся изучением данной проблемы.

Ключевые слова: мотивация, трудовая мотивация, педагоги, социальная защита, педагогическая мотивация, развитие мотивации.

Контактные данные: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; (812) 602-23-22; e-mail: andrei_1893@mail.ru.

In the article, there is an attempt, on the basis of the author's methodology, to carry out empirical diagnostics of the motivational meanings of pedagogical workers of institutions for orphans at the present stage, as well as to determine organizational restrictions that affect the process of development of the motivation system in the activities of pedagogical workers of institutions for orphans. Based on the analysis of sociological research and included observation over 5 years, the author determines the factors affecting the decrease in the labor activity of teachers, and also makes an attempt to outline the direction of action to prevent the existing problem situations in orphanages. The article will be useful for the heads of educational and social institutions, as well as researchers dealing with this problem.

Keywords: labor motivation, motivation, teachers, social protection, pedagogical motivation, job satisfaction.

Contact Details: Sadovaya Str. 21, St. Petersburg, 191023, Russia; (812) 602-23-22; e-mail: andrei_1893@mail.ru.

В период общественных трансформаций, стремительного процесса социальных и технологических изменений, изменений внутренней природы социальных институтов и роста неопределенности активно встает вопрос о подготовке будущих специалистов, в частности выпускников сиротских учреждений, готовых преодолевать внешние вызовы и развивать социально-экономическое благосостояние страны в целом. Этот вопрос тесно связан с трудовой мотивацией педагогических работников социальных учреждений, их уровнем профессиональных компетенций и включенности в воспитательный процесс.

Ахтырский Андрей Александрович — воспитатель I квалификационной категории СПб ГБУ Центр для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Центр содействия семейному воспитанию № 12», аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

© Ахтырский А. А., 2020

Сиротские учреждения, осуществляющие деятельность в сфере социальных услуг, характеризуются тем, что предоставляют неосязаемый продукт, на качество которого в значительной степени влияют характеристики сотрудников в целом и педагогических работников в частности. К таким характеристикам относятся мотивация педагогов, их производительность, эффективность, качественное выполнение поставленных задач, межличностные, профессиональные, ценностные ориентации всех профессионально-квалификационных и статусных групп. В связи с этим особое значение имеет соответствие мотивационных смыслов педагогических работников с выполняемыми социально-профессиональными ролями, поскольку они определяют выбор работником стратегии успешного поведения.

Организовать творческую, мотивированную, устойчивую команду воспитателей, готовых работать с трудными подростками в сиротских учреждениях, представляется сложным не только из-за конъюнктурных факторов, но и из-за низкого уровня научных знаний о мотивационных смыслах педагогов.

Безусловно, научных знаний о трудовой мотивации, установках личности, трудовом поведении, мотивах, потребностях, ценностях личности накоплено немало, и в первую очередь в области социологии и психологии (Э. Мэйо, О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Ф. Герцберг, В. Врум, Л. Портер, Э. Лоулер, А. Х. Маслоу, Э. Фромм, Ш. Шварц, Д. Н. Узнадзе, В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, П. А. Сорокин, Б. Ф. Ломов, В. Ю. Котляков, В. Г. Леонтьев, В. К. Потемкин, А. Л. Слободской). Вопросы мотивации учителей образовательных школ и преподавателей вузов отражены в работах зарубежных ученых С. Джесуса, В. Ленса, Р. Аддисона, Л. Ламберта, А. Алоэ, В. Лави, Ф. Лютанса, С. Юссефа, которые зарегистрировали положительные коэффициенты корреляции между мотивацией педагога и удовлетворенностью работой, подчеркивая важность этих переменных. Эти вопросы интересовали и отечественных ученых. Среди них — Е. В. Сивак, А. Б. Бакурадзе, А. А. Кузнецова, А. Н. Горбушина, В. Г. Безгубова, Е. П. Ильина и др.

Однако до сих пор нет полноценных исследований в области трудовой мотивации педагогических работников сиротских учреждений и описания процессов ее развития. Причина этого — отсутствие социального заказа на такую теорию со стороны государства, а следовательно, отсутствие финансирования необходимых исследований. Предлагаем дополнить научное понимание данного вопроса, учитывая особенности исследуемой отрасли и системность мотивационных составляющих структур личности.

В более ранних исследованиях, посвященных проблеме мотивации педагогических работников, автором определено, что на организационном уровне сиротских учреждений позитивные социальные и управленческие тенденции усваиваются медленно, что отражается на системе профессиональной деятельности педагогических работников и их готовности к решению воспитательных задач общества [1; 2].

Метод

Эмпирической базой исследования послужили результаты структуризованного включенного наблюдения в одном из сиротских учреждений города Санкт-Петербурга в течение пяти лет, социологического опроса педагогических работников учреждений для детей-сирот Санкт-Петербурга ($n = 175$) на основе авторской методики диагностики мотивационных смыслов. Методика позволяет диагностировать иерархическую систему мотивационных смыслов, факторы демотивации, уровень удовлетворенности педагогических работников сиротских учреждений, принадлежащих к различным профессионально-квалификационным группам.

Респондентам предлагалось оценить субъективную значимость для них 35 мотивационных смыслов с точки зрения производительности труда по шкале от 1 до 6. При этом четко обозначалось значение каждого балла, где 1 — совершенно не значим, 2 — не значим, 3 — значим не в полной степени, 4 — немного значим, 5 — значим, 6 — весьма значим. Мотивационные смыслы делились на блоки:

- 14 базисных мотивационных смыслов: экономические, социальные (отношения с коллегами, детьми, администрацией), причастность. Оценивались по шестибальной шкале с точки зрения влияния каждого смысла на трудовую активность. Оценивался и уровень удовлетворенности каждым из них в организационном контексте;
- 21 мотивирующий смысл: раскрываются цели, ориентации и предпочтения, определяются стремления, жизненные и профессиональные ориентации педагогов.

Обратимся к характеристике выборки по профессионально-квалификационным группам, представленным в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика выборки по профессионально-квалификационным группам

Направление профессиональной деятельности	% от числа опрошенных
Воспитатели (организация воспитательного процесса с детьми-сиротами, организация быта воспитанников)	54,4
Педагоги дополнительного образования (организация и проведение кружков и досуговых занятий для детей-сирот)	20
Сопровождающие педагоги: психологи, социальные педагоги, логопеды, дефектологи	25,6

Процесс обработки данных: расчеты, построение сводных таблиц и графическое представление результатов производились в офисном пакете MS Excel. Для проверки гипотезы о связях между переменными использовались коэффициенты Анова — дисперсионный анализ, Т-критерий Стьюдента, корреляционный анализ Пирсона.

Результат

В процессе профессиональной деятельности и жизни люди, как субъекты общественных отношений, являются носителями различных социальных ролей, но для педагогических работников сиротских учреждений «семейно-бытовые», «роли наставника» характеризуются как доминирующие, поскольку встречаются как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности.

Справедливым представляется утверждение В. А. Ядова о том, что «саморегуляция поведения личности осуществляется в результате взаимосвязи между различными элементами диспозиционной структуры, причем в каждой конкретной ситуации и в зависимости от цели ведущая роль принадлежит определенному уровню диспозиций или даже конкретному диспозиционному образованию» [3], в число которых входят как цели и ценности, так и мотивационно-потребностные составляющие.

По мнению Д. В. Вильмисовой, переход к интегративному понятию «мотивационный смысл» позволяет учесть факт наличия динамичного «смыслового единства» в пересечении личностных ценностей, мотивов, ориентаций, предпочтений, определяющих вектор поведения индивида в рамках определенного социально-трудового

Таблица 2

**Ранговое распределение мотивационных смыслов
по профессионально-квалификационным группам респондентов
(таблица отсортирована по столбцу 2)**

Мотивационный смысл	Квалификация		
	Воспитатели	ОДОД	Педагоги сопровождения
Хорошее взаимоотношение с коллегами (педагогами)	1	2	4
Хорошее взаимоотношение с администрацией	2	5	6
Признание и оценка Вашего труда со стороны администрации	3	8	6
Размер премий, надбавок	5	9	10
Осознание всем коллективом миссии Центра, причастности к одному общему делу: научить детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, самостоятельно жить в нашем обществе, воспитать полноценного гражданина России	4	3	8,5
Признание и оценка Вашего труда со стороны детей	5,5	6,5	6
Удобный график работы	7	1	3
Соответствие личных деловых качеств руководителя Центра Вашим ожиданиям	8	4	1
Возможность учиться, повышать свою квалификацию	9	11	8,5
Формирование и распределение премий, надбавок	10	12	12
Уровень зарплаты	11	6,5	2
Возможность достичь успехов, повышающих Ваш статус педагога	12	10	11
Возможность совместно с коллективом принимать участие в важных и ответственных мероприятиях	13	13	13
Наличие льгот	14	14	14

контекста [4]. По мысли М. Вебера, «объясняющее понимание (действий) предполагает правильное толкование мотивов индивида», где «мотивом» называется «некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия» [5, с. 95].

В таблице 2 даны результаты рангового распределения базисных мотивационных смыслов по профессионально-квалификационным группам педагогических работников сиротских учреждений: воспитателей, педагогов дополнительного

образования (ОДОД), педагогов сопровождения. Воспитатели обозначают наиболее важные мотивации в их профессиональной деятельности в следующем порядке возрастания: «Хорошие взаимоотношения с коллегами (педагогами)», «Хорошие взаимоотношения с администрацией», «Признание и оценка труда воспитателя со стороны администрации», «Осознание всем коллективом миссии Центра, причастности к одному общему делу: научить детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, самостоятельно жить в нашем обществе, воспитать полноценного гражданина России», «Размер премий, надбавок». Как показало включенное наблюдение, представители данной профессиональной группы большую часть рабочего времени проводят друг с другом. У них общие воспитательные мероприятия, совместный быт, совместная реализация проектов или оказание помощи в решении проблем с «трудными подростками». В связи с этим среди них возрастает особая потребность в хороших отношениях с коллегами и администрацией. От межличностных отношений в данной профессионально-квалификационной группе зависит успех воспитательной работы и конкретного педагога, и сиротского учреждения в целом.

Педагоги сопровождения отмечают для себя как наиболее важные смыслы в их профессиональной деятельности «Соответствие личных деловых качеств руководителя Центра личным ожиданиям», «Уровень зарплаты» и «Удобный график работы». Как правило, данная профессионально-квалификационная категория не находится в постоянном взаимодействии с другими педагогическими работниками, а оказывает адресную помощь ребенку в виде консультации, помощи в обучении.

Воспитателей отличает от других профессионально-квалификационных групп педагогических работников факт доминирования смысла «хорошие отношения в коллективе», эмпирически фиксируемый в организационном контексте как дружеские отношения и готовность оказать помощь. От смысла «Хорошие взаимоотношения с коллегами (педагогами)» наиболее зависимы педагоги 20–30 лет (16 %) и старше 50 лет (25 %).

При анализе жизненных и профессиональных целей респондентов, как видно из таблицы 3, независимо от их профессионально-квалификационной категории, возраста или педагогического стажа, определено, что в своей жизни и профессиональной деятельности педагогические работники сиротских учреждений стремятся к «независимости и свободе действий», «иметь высокий доход», «совместить личное хобби с профессиональной деятельностью», «искать новые приключения и жить ярко» (их стремления перечислены в порядке убывания по степени значимости фактора). Педагогические работники в большей степени нацелены на свободу и жизнерадостность, чем на смыслы как «власть» и «самореализация», а смыслы «консерватизм» и «безопасность» приобретают свое значение, начиная с возраста 50 лет.

Анализ данных усредненного группового ранжирования мотивационных смыслов (ориентаций) респондентов по возрастным, профессионально-квалификационным, отраженным на рисунке 3, гендерным группам и в зависимости от педагогического стажа позволил обосновать ряд выводов по выявленным межгрупповым особенностям и различиям. Так, все возрастные группы и профессионально-квалификационные категории ориентируются, в первую очередь, на «получение удовольствия от выполняемой работы» и на то, чтобы «быть справедливым и честным», «на гармонию с людьми и миром», что занимает 1, 2 и 3 ранги соответственно. В ходе корреляционного анализа установлено, что смысл «удовольствие от работы» сильно коррелирует со смыслом «справедливость и честность» ($r = 0.9, p = 0.01$) и фактором «гармония с людьми и миром» ($r = 0.8, p = 0.01$).

Таблица 3

Ранговое распределение целей по возрастным группам респондентов
(таблица отсортирована по столбцу 2)

Цели	Возраст				
	23–30	31–40	41–50	51–60	60 лет и старше
Быть независимым, иметь свободу действий	1	1	2	1	1
Иметь высокий доход	2	2	1	2	2
Искать новые приключения и жить ярко	3	4	4	5	6,5
Совместить личное хобби с профессиональной деятельностью	4	3	3	3,5	3,5
Оказывать влияние на коллег и детей. Быть «экспертом»	5	5	5	7	6,5
Работать по налаженной схеме, не брать на себя лишнюю ответственность	6	6	6	3,5	3,5
Не рисковать. Не спорить с руководителем, чтобы сохранить работу	7	7	7	6	5

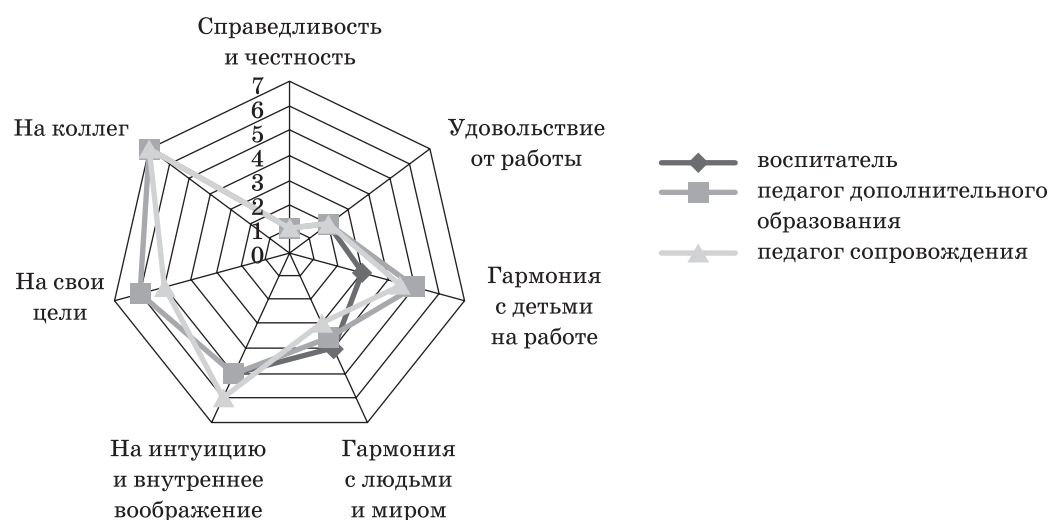

Рис. 1. Сопоставление жизненных и профессиональных ориентаций педагогических работников сиротских учреждений по профессионально-квалификационному признаку

Таблица 4

**Ранговое распределение мотивационных смыслов (предпочтений)
по возрастным группам респондентов (таблица отсортирована по столбцу 2)**

Предпочтения	Возраст				
	23–30	31–40	41–50	51–60	60 лет и старше
Хороший психологический климат в коллективе, но есть трудности с дисциплиной детей	1	1	1	1	2
Администрация заботится о педагогах, но отсутствуют стимулирующие выплаты	2	2	2	2,5	3,5
Есть возможность принять участие в управлении учреждением, при этом взять дополнительную ответственность	3	4	5	6	7
Реализовывать проекты с детьми и избежать методической работы	4	3	3	2,5	1
Демократическое управление, но права педагогов не защищены	5	7	7	7	7
Авторитарное управление, но существует профсоюз по защите прав педагогов	6	5	6	5	6
Просто выполнять свою работу и не нагружать себя дополнительно	7	6	4	4	3,5

В ходе исследования профессиональных предпочтений педагогических работников, являющихся воплощением поведенческих установок в организационном контексте, эмпирически определено, что профессиональные предпочтения в возрастных и квалификационных группах (воспитатели / педагоги отделения дополнительного образования детей (ОДОД) / педагоги сопровождения) в значительной степени схожи. Указанный факт позволяет утверждать о наличии единства предпочтений в деятельности, обозначающего контуры нормативного поведения. Педагогические работники сиротских учреждений готовы столкнуться с одним из главных вызовов в их деятельности — плохим поведением детей при условии наличия хорошего психологического климата в коллективе, что соответствует 1 рангу в оценках профессиональных предпочтений исследуемой группы, представленных в таблице 4.

Педагогические работники в большей степени предпочитают иметь хорошие отношения с администрацией учреждения, чем стимулирующие выплаты. Так, на вопрос «Я бы эффективнее работал там, где...» педагогические работники всех квалификационных категорий и возрастных групп ответили: «Администрация заботится о педагогах, но отсутствуют стимулирующие выплаты». Это соответствует второму месту в общем рейтинге профессиональных предпочтений.

Можно сделать эмпирически обоснованный вывод о том, что с возрастом педагогических работников теряется активность и инициативность в профессиональной деятельности. Данное положение отражает ситуация рангового распределения предпочтений «просто выполнять свою работу и не нагружать себя до-

полнительно», «избежать методической работы», «принять участие в управлении учреждением. При этом взять дополнительную ответственность» в разных возрастных группах.

Молодые педагоги до 30 лет (16 % респондентов) предпочитают работать там, где демократическое управление, даже при условии отсутствия профсоюза по защите прав педагогов. Это полностью противоречит предпочтениям других возрастных групп: педагогические работники в возрасте 31 год и старше (84 % респондентов) предпочтут «жесткую руку» управления при условии защиты их прав.

Для педагогов ОДОД в большей степени играет роль «возможность соединить хобби и работу», чем для других квалификационных групп ($p = 0.03$). Статистические различия зафиксированы при дисперсионном анализе ответа на вопрос «Я бы хотел работать там, где...». Педагоги дополнительного образования отнесли ответ «Возможность соединять хобби и работу» на первое место, а воспитатели и педагоги сопровождения — на третье. Смысл «возможность соединять хобби и работу» связан со смыслом «возможность профессионального развития», что подтверждается двухсторонней корреляцией по критерию Спирмана ($r = 0.8$, $p = 0.0$).

В таблицах 5, 6 представлены в ранговом порядке ответы на вопрос «Я бы смог внести большой вклад там, где...» по квалификационным категориям и возрастным группам. По мнению воспитателей, они бы смогли внести большой вклад там, где результаты материально стимулируются, оцениваются и практически применяются. Оценка труда воспитателя и его практическое примирение в контексте деятельности сиротских учреждений напрямую связана с чувством работы в «слаженном коллективе», что статистически подтверждается высоким уровнем корреляции ($r = 0.9$, $p = 0.01$) между двумя переменными. Педагоги дополнительного образования отмечают для себя, что смогут внести большой вклад там, где слаженный коллектив, а результаты труда также оцениваются и практически применяются.

Таблица 5

Ранговое распределение мотивационных смыслов по квалификационным группам респондентов (таблица отсортирована по столбцу 2)

Я бы смог внести большой вклад там, где	Воспитатели	ОДОД	Педагог сопровождения
Результаты материально стимулируются	1	3	1
Результаты труда оцениваются и практически применяются	2	2	3
Работа в слаженном коллективе	3	1	3
Трудности с детьми помогает преодолеть администрация	4	4	4

В ранговом распределении между базовыми мотивационными смыслами, целями, ориентациями и предпочтениями, отраженными в таблице 7, видно, что предпочтение «работать в слаженном коллективе» у людей 23–30 лет трансформируется с годами в цель материального обогащения, как у представителей категории 31–40 лет, и окончательно закрепляется.

Таблица 6

**Ранговое распределение мотивационных смыслов по возрастным группам респондентов
(таблица отсортирована по столбцу 2)**

Я бы смог внести большой вклад там, где	23–30	31–40	41–50	51–60	60 лет и старше
Работа в слаженном коллективе	1	3	3	2	2
Результаты материально стимулируются	2	1	2	1	1
Трудности с детьми помогает преодолеть администрация	3	4	4	3	4
Результаты труда оцениваются и практически применяются	4	2	1	4	3

При анализе концептуального развития теории трудовой мотивации педагогических работников нами определено, что на их производительность и трудовую мотивацию может повлиять такой профессиональный вызов, как «плохое поведение детей» [6], с чем сталкиваются в большинстве случаев педагоги сиротских учреждений. При этом, как показывает наше исследование, педагогические работники способны преодолеть эту трудность при наличии определенной позитивной управленческой атрибуции в учреждении.

Педагогическим работникам сиротских учреждений свойственна склонность к таким позитивным и гедонистическим смыслам, как яркость жизни, альтруизм, нацеленность на дружеские отношения в коллективе, справедливость и честность, ориентации на гармонию с людьми по жизни и с детьми в профессиональной деятельности. Вместе с тем анализ процессов формирования трудовой мотивации в учреждениях для детей-сирот показал, что основным управленческим механизмом в области мотивации педагогов являются материальные стимулы. Доминирование альтруистических и гедонистических ориентаций педагогов с одной стороны и гипертрофированность инструментов управления на эгоистические установки самоутверждения, самореализации и экономического обогащения с другой создает смысловое противоречие, и может повлиять на производительность педагогических работников.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в профессиональной деятельности педагогических работников сиротских учреждений намечается альтруистический и гедонистический подходы к труду, а мотивационные смыслы кардинально изменяются с педагогическим стажем и возрастом. Предпочтение работать в хорошем коллективе, наличие хобби на работе с возрастом трансформируется в цель материального обогащения, снижается активность и инициативность педагогических работников в профессиональной деятельности. Для педагогов преобладает второстепенная значимость таких мотивационных смыслов, как профессиональное обучение и повышение квалификации, познание, коллективный труд, обесценивание миссии сиротских учреждений. Эти смыслы имеют общечеловеческий характер и способствуют гуманизации и развитию института воспитания. Их слабая выраженность в деятельности педагогических работников противоречит динамике развития современных общественных отношений, в рамках которых актуализируется значимость образования, развития, познания и терпимости.

В результате включенного наблюдения и анализа данных социологических исследований автором утверждается, что причиной снижения трудовой актив-

ности, включенности и удовлетворенности трудом педагогических работников сиротских учреждений служит отсутствие системного применения современных инструментов управления персоналом в учреждениях социальной сферы в целом. Вместе с тем в сиротских учреждениях такие подходы и методы, как формирование корпоративной культуры, налаживание процессов подбора, оценки и отбора новых сотрудников, системы адаптации новых педагогов, система коммуникаций, обучения и развития, система стимулирования не только не развиты, но и отсутствуют в лексиконе управленцев. Можно предположить, что одной из причин этой проблемной ситуации является не только недостаточность специальных научных знаний, но и отсутствие комплексной системы подготовки управленческих кадров и специалистов для социальной сферы.

На базе теоретического осмысления проблемы и эмпирического анализа данных автором статьи предпринимается попытка определить перспективные направления дальнейших исследований и деятельности сиротских учреждений на основе человекоориентированного управления. Трудно не согласиться с мнением В. К. Потемкина, который считает, что «отлучение работника от управления приводит к формированию стереотипа безразличия, отвлеченности от общих задач производства» [7]. По мнению автора статьи, необходимость фокусирования на направлении человекоориентированного управления обусловлена комплексом мотивационных смыслов педагогических работников сиротских учреждений. Эмпирически определено, что в качестве значимого фактора развития мотивационных смыслов педагогических работников в сиротском учреждении выступает позитивный, альтруистический подтекст, объединяющий работников смыслами причастности, взаимовыручки, яркой жизни. Ввиду этого важным условием формирования мотивационных смыслов и дальнейшего закрепления сотрудников в коллективе, их эффективного функционирования является наличие активной кадровой политики.

Литература

1. Ахтырский А. А., Тюмасева Н. В. Особенности трудовой мотивации педагогических работников // Социология и право. 2020. № 2. С. 51–61. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-51-61
2. Ахтырский А. А. Оценка состояния системы трудовой мотивации педагогического персонала учреждений для детей-сирот // Интеграция науки, образования и бизнеса — основа модернизации экономики: материалы науч. конф. аспирантов СПбГЭУ / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Е. А. Горбашко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2018. 147 с.
3. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция: коллективная монография / [В. А. Ядов и др.]. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 374 с.
4. Вельмисова Д. В. Ценностно-мотивационные ориентации персонала как фактор эффективности управления организационными изменениями // Социология и право. 2018. № 1. С. 78–83.
5. Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. А. Филиппова // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 89–127.
6. Ахтырский А. А. Трудовая мотивация педагогического персонала: сравнительные исследования // Социология и право. 2019. № 1 (43). С. 55–64.
7. Потемкин В. К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 165–176. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-2-165-176

Бородин В. В., Сиракян А. Р.

Экспертизы по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности: теория и практика

Borodin V. V., Sirakanyan A. R. Grounds for the Appointment of Expertise in Cases of Crimes Related to Violation of Labor Protection and Safety Regulations

Статья посвящена порядку назначения и проведения экспертных исследований по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности. Очерчен круг задач исследований в указанной области, перечислены виды экспертиз, которые находят широкое применение по данной категории уголовных дел. На основе анализа правовых норм, регламентирующих порядок назначения и проведения судебных экспертиз, авторы приходят к выводу о том, что в процессуальном законодательстве заложено значительное число общих подходов к назначению и проведению экспертизы (в том числе и в сфере расследования преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности). Специфика экспертных исследований по данной категории уголовных дел состоит в том, что в рамках установления фактических обстоятельств происшествия зачастую требуется проведение нескольких экспертиз (комплексных экспертных исследований), учитывая особенности производственных процессов на предприятии.

The study focuses on the procedure for appointing and conducting expert research in cases of crimes related to violations of labor protection and safety rules. The author outlines the range of research tasks in this area, lists the types of expertise that are widely used in this category of criminal cases. Based on the analysis of legal norms regulating the procedure for the appointment and conduct of forensic examinations, the author comes to the conclusion that the procedural legislation contains a significant number of General approaches to the appointment and conduct of expertise (including in the field of investigation of crimes related to violations of labor protection and safety rules). The specificity of expert research on this category of criminal cases is that in the framework of establishing the actual circumstances of the incident, it is often necessary to conduct several examinations (complex expert studies), taking into account the specifics of specific production processes at the enterprise.

Бородин Виктор Васильевич — профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Сиракян Аркадий Рашимович — аспирант кафедры уголовного права и процесса Сургутского государственного университета.

© Бородин В. В., Сиракян А. Р., 2020

Ключевые слова: охрана труда и техника безопасности, несчастные случаи на производстве, судебная экспертиза, нарушение требований охраны труда и техники безопасности.

Контактные данные: Бородин В. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-10; e-mail: borodindis@mail.ru | Сиракян А. Р.: 628403, Ханты-Мансийский автономный округ, г. Сургут, пр. Ленина д. 1; (3462) 76-29-34; e-mail: Sirakanyan1995@gmail.com.

Keywords: occupational health and safety, industrial accidents, forensic examination, violation of occupational health and safety requirements.

Contact Details: Borodin V. V.: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 451-19-10; e-mail: borodindis@mail.ru | Sirakanyan A. R.: 1 Lenin Ave., Surgut, Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug, 628403, Russia; (3462) 76-29-34; e-mail: Sirakanyan1995@gmail.com.

В расследовании преступлений в сфере нарушений правил охраны труда и техники безопасности (далее — ОТ и ТБ) судебные экспертизы находят свое широкое применение. Значение судебной экспертизы как средства доказывания сложно переоценить: она играет важную роль в доказывании при возникновении в ходе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в области ОТ и ТБ.

Судебная экспертиза определяется законодателем в качестве процессуального действия, включающего в себя следующее: 1) проведение исследований; 2) дачу заключения экспертом. Эксперт, опираясь на свои профессиональные знания в области науки, техники, искусства или ремесла, дает ответы на вопросы, поставленные перед ним судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем. Цель проведения экспертного исследования — установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [1].

В уголовном процессе экспертиза называется судебной вне зависимости от того, назначается она на основании определения суда или постановления следователя. Право назначения экспертизы предоставлено каждому из указанных субъектов (ст. 195, 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, УПК РФ) [2].

Судебная экспертиза по ОТ и ТБ в рамках расследования уголовного дела (судебного разбирательства по делу) проводится, если существует необходимость в установлении фактов, имеющих связь с нарушением требований и норм ОТ и ТБ. Правоохранительные органы акцентируют внимание не столько на документальном фиксировании обязанностей уполномоченных лиц по исполнению требований ОТ и ТБ, сколько на их реальном исполнении [3, с. 93]. Такая экспертиза может быть назначена по следующим категориям дел:

- статья 216 «Нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ» Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [4];
- статья 143 «Нарушение требований охраны труда» УК РФ;
- статья 109 «Причинение смерти по неосторожности» УК РФ (ч. 2 ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» УК РФ);
- статья 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» УК РФ (ч. 2 ст. 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» УК РФ).

Судебная экспертиза по указанной категории дел призвана установить обстоятельства, которые влияют на квалификацию деяния, степень и характер ответственности виновных лиц. Наиболее востребованными судебно-экспертными исследованиями по данной категории уголовных дел являются следующие:

- 1) судебно-техническая экспертиза;
- 2) строительно-техническая экспертиза;
- 3) иные инженерно-технические экспертизы: пожарно-техническая, взрыво-техническая, электротехническая и инженерно-технологическая, экспертиза по технике безопасности в промышленном и сельскохозяйственном производстве;
- 4) иные виды экспертиз (трасологическая, почерковедческая и др.).

Судебно-строительная (строительно-техническая) экспертиза проводится по уголовным делам (например, для привлечения к ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных работ по ст. 216 УК РФ (апелляционное постановление Липецкого областного суда от 24 апреля 2018 г. по делу № 22-418/2018) [5], оценки причиненного ущерба (апелляционное определение Московского городского суда от 14 декабря 2017 г. [6]).

Судебно-техническая экспертиза, являясь разновидностью судебно-экспертных исследований, проводится с целью установления фактических сведений об обстоятельствах изготовления документов. В частности, перед экспертами стоит задача, во-первых, установить факты, свидетельствующие о том, что в документ вносились изменения; во-вторых, выявить первоначальный облик (содержание) документов; в-третьих, установить технические приспособления (оборудование), при помощи которых был изготовлен (изменен) документ; в-четвертых, установить иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного процесса по делу [7, с. 137].

В рамках судебно-технической экспертизы исследуются документы, реквизиты которых выполнены рукописным, машинописным, полиграфическим, репродуцированным, комбинированным способами, а также инструменты и приспособления для их подделки; материалы, использованные для их подделки или изготовления; составные части документов.

Электротехническая экспертиза — разновидность инженерно-технических экспертных исследований, направленных на изучение инженерных систем, содержащих электрические элементы, с целью выявления неисправностей и прочих факторов, которые привели к аварийным ситуациям.

В ходе проведения исследовательских мероприятий перед экспертами ставятся разные задачи: 1) выявить погрешности в системах обеспечения зданий и сооружений электроэнергией; 2) установить неверное использование изоляционных материалов; 3) проверить техническое состояние электрооборудования и определить его работоспособность; 4) исследовать электрооборудование с целью выявления следов умышленного повреждения; 5) установить причины выхода из строя электроприборов и электрической сети; 6) определить правильность эксплуатации электрооборудования и электроприборов согласно правилам противопожарной безопасности; 7) проанализировать условия эксплуатации электроприбора на предмет соответствия параметрам электрической сети.

Пожарно-техническая экспертиза по рассматриваемой категории уголовных дел призвана установить фактические сведения об обстоятельствах пожара, преступного нарушения правил пожарной безопасности. Данное исследование проводится экспертом с целью установления места и времени возникновения пожара, путей его распространения и причин, наличия нарушений противопожарных правил. Объектами экспертного исследования могут служить не только строительные конструкции, но и наземный, водный транспорт, скверы, парки и прочее.

Круг вопросов, разрешаемых пожарно-технической экспертизой, очень широк. Это объясняется разнообразием причин возникновения пожара, особенностями развития и тушения. Пожарно-техническая экспертиза позволяет получить ответы на ряд вопросов. Приведем в качестве примера следующие: 1. Каково ко-

личество и место очагов возгорания? 2. Каковы причины возникновения пожара? 3. Какова скорость распространения и пути развития пожара? 4. Имеются ли признаки поджога? 5. Какова разновидность пожара (равномерно развивающийся, взрывообразный и т. д.)? 6. Какова вероятность самовозгорания? 7. Каким образом взрыв связан с пожаром: огонь спровоцировал взрыв, или, наоборот, взрыв привел к развитию огня? 8. Имеются ли признаки короткого замыкания на токоведущих жилах проводников, которые могли привести к возникновению пожара? 9. Присутствовали или нет вещества, ускоряющие развитие пожара в очаге возгорания? 10. Насколько правильными были действия пожарных, принимавших участие в тушении пожара?

Необходимость в проведении пожарно-технической экспертизы возникает в ряде случаев, если требуется: 1) определить виновного в случившемся; 2) установить причины возгорания пожара (поджог, короткое замыкание и т. д.); 3) дать оценку техническому состоянию систем противопожарного оборудования; 4) выявить обстоятельства процесса развития пожара — направление, скорость и т. д.

Взрывотехническая экспертиза — один из видов судебно-технического анализа, направленного на изучение взрывчатых веществ, определение характера и причин взрыва, принципа действия взрывных приспособлений и других факторов. Экспертное заключение помогает с максимальной точностью установить обстоятельства расследуемого дела.

Исследование взрывчатых веществ, а также продуктов, изготовленных на их основе, и места взрыва, позволяет получить необходимую информацию. Для проведения анализа эксперт должен обладать знаниями в сфере изготовления взрывчатых соединений и взрывных приспособлений, хорошо разбираться в других сопутствующих вопросах. В настоящее время существует огромное количество взрывчатых материалов и взрывных приспособлений, что зачастую обуславливает необходимость проведения взрывотехнических исследований в сочетании с другими видами экспертного анализа, например, с пожарно-техническим.

Исследования, проводимые в рамках данного вида экспертизы, позволяют решить широкий круг задач, которые условно можно разделить на несколько групп:

- первая: 1) выявление индивидуальных особенностей конкретного взрыва, его следов на месте случившегося, в том числе и на других предметах, находившихся в зоне распространения взрыва; 2) определение масштабов разрушения; 3) подтверждение прецедента взрыва;
- вторая: 1) установление характеристик объекта, который был разрушен в результате взрывных действий; 2) вычисление массы взрывчатки, механизма взрыва и т. д.;
- третья: 1) определение эпицентра и радиуса взрыва, а также обстоятельств случившегося; 2) изучение последствий; 3) анализ взрывного устройства с целью получения ответа, какими познаниями в сфере изготовления взрывных изделий располагает производитель данного изделия — профессиональными или нет.

Судебная экспертиза по делам, связанным с преступным нарушением правил ОТ и ТБ, призвана установить: 1) фактические обстоятельства несчастного случая на производстве; 2) правильность (соответствие законодательным предписаниям) обучения участников происшествия по вопросам ОТ и ТБ и их профессиональной подготовки; 3) правильность (соответствие законодательным предписаниям) обеспечения работников всеми необходимыми локальными актами организации, технологической и организационной документацией; 4) соответствие названной документации законодательным требованиям в сфере ОТ и ТБ; 5) в достаточной

ли степени рабочее место сотрудников обеспечено материально-техническими средствами, а также средствами коллективной и индивидуальной защиты (КИЗ); 6) факты, свидетельствующие о нарушении требований безопасности технологических процессов, связанные с произошедшим несчастным случаем на производстве; 7) причины несчастного случая (организационные, технологические, технические), наличие причинно-следственной связи между нарушениями и наступившими последствиями; 8) виновников произошедшего несчастного случая на производстве (установление связей между действиями (бездействием) этих лиц и наступившими последствиями).

Порядок назначения и проведения экспертизы является общим для всех видов экспертиз. Его регламентация осуществляется соответствующими отраслями процессуального законодательства. Порядок назначения и проведения судебной экспертизы в уголовном процессе закреплен в УПК РФ (ст. 195–207 и 283) и Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 19–25). Судебная экспертиза проводится на основании постановления компетентного органа (следственных органов, органа дознания, суда, прокурора). Обвиняемый и его защитник в рамках права на представление доказательств могут заявлять ходатайства о назначении и проведении судебной экспертизы.

Вопросы, которые требуют разрешения в рамках судебной экспертизы, и их содержание определяются уполномоченными лицами. Лицам, которые принимают участие в судебном разбирательстве дела, также принадлежит право предложить суду перечень вопросов, подлежащих разрешению в рамках экспертного исследования. Важно подчеркнуть, что суд, отклоняя вопросы, сформулированные лицами, участвующими в деле, должен мотивировать свое решение в определении о назначении экспертизы (ч. 2 ст. 283 УПК РФ).

Типовыми вопросами, которые разрешает эксперт в рамках исследования по указанной категории дел, выступают следующие: 1. Что явилось причиной несчастного случая, произошедшего с пострадавшим? 2. В чьи обязанности входило обеспечение безопасных условий ведения работ, в ходе которых произошел несчастный случай? 3. Были ли допущены нарушения требований ОТ и ТБ, отступления от правил при проведении работ, в ходе которых произошел несчастный случай на производстве? Если были, то в чем они выразились? 4. Чьи действия (бездействия) создали условия для произошедшего несчастного случая с пострадавшим, послужили его причиной? 5. Имеется ли причинно-следственная связь между допущенными должностными лицами нарушениями правил ОТ и ТБ и последствиями произошедшего несчастного случая?

Проведение экспертизы может осуществляться: 1) судебно-экспертным учреждением; 2) конкретным экспертом; 3) несколькими экспертами. Привлечение конкретных экспертов к проведению экспертизы, а также указание на конкретное экспертное учреждение для этих целей может осуществляться по ходатайству лиц, принимающих участие в деле (п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК РФ).

Экспертизы проводятся как в государственном судебно-экспертном учреждении, так и в негосударственной экспертной организации. Кроме того, экспертное исследование может провести лицо, обладающее специальными знаниями, но являющееся сотрудником экспертного учреждения (организации). Важно отметить, что действующее законодательство не содержит норм, которыми устанавливались бы ограничения и запреты для назначения судебных экспертиз и проведения в негосударственных экспертных учреждениях. В большинстве случаев судебно-экспертная деятельность не лицензируется и не требует обязательной аккредитации при каком-либо государственном органе или общественной организации.

Негосударственные судебно-экспертные организации и учреждения обязаны получать государственные лицензии при выполнении судебных экспертиз наркотических средств (психотропных веществ), судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз живых лиц. В правоустанавливающем документе экспертной организации (учредительных документах) в основных видах деятельности прямо и однозначно должна быть указана деятельность по выполнению судебных экспертиз.

Проведение экспертизы осуществляется экспертами — сотрудниками государственного судебно-экспертного учреждения. Поручается проведение экспертизы руководителем данного экспертного учреждения, судом проведение экспертизы может быть поручено иным экспертам (ч. 2 ст. 195 УПК РФ).

Проведение экспертизы может осуществляться в присутствии лиц, участвующих в деле. Исключением из этого правила являются случаи, когда присутствие указанных лиц может стать помехой для проведения экспертного исследования, совещания экспертов и составления заключения. В соответствии с требованиями уголовного процесса дополнительно должно быть получено согласие следователя (п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ).

Форма заключения эксперта — письменная. В содержании заключения должны быть отражены основные аспекты:

- 1) сведения об эксперте, проводившем экспертизу;
- 2) основание проведения экспертного исследования;
- 3) содержание проводимых исследований;
- 4) ответы на вопросы, поставленные перед экспертом с обоснованием выводов, к которым он пришел (ст. 204 УПК РФ).

Эксперт вызывается в судебное заседание по инициативе суда либо по ходатайству лица, принимающего участие в деле (ст. 205, 282 УПК РФ). Заключение эксперта оглашается в судебном заседании, после чего он может дать по нему требующиеся пояснения. Эксперту могут быть заданы дополнительные вопросы как судом, так и лицами, участвующими в деле. Эксперт обязан дать на них ответы, которые подлежат занесению в протокол судебного заседания (ст. 205 УПК РФ).

Из вышеизложенного следует, что в процессуальном законодательстве существует значительное число общих подходов к назначению и проведению экспертизы (в том числе и в сфере расследования преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности). Указанное сходство позволяет применять аналогию закона, если это не противоречит существу отношений [8].

Таким образом, проведение экспертиз по категории уголовных дел, связанных с нарушением требований ОТ и ТБ, подчиняется общим правилам назначения и проведения экспертных исследований. Специфика экспертных исследований состоит в том, что в рамках установления фактических обстоятельств происшествия зачастую требуется проведение нескольких экспертиз (комплексных экспертных исследований), учитывая особенности конкретных производственных процессов на предприятии.

Литература

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Толкаченко А. А., Лясколо А. Н. Спорные вопросы уголовно-правовой квалификации нарушений правил охраны труда и техники безопасности // Уголовное право. 2019. № 5. С. 89–99.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 24 апреля 2018 г. по делу № 22-418/2018. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 декабря 2017 г. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. 576 с.
8. Бородин В. В. Язык права и закона // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1993. С. 24–26.

Смирнов С. Н.

К вопросу о типизации моделей социальной стратификации стран мира (краткий обзор некоторых концепций и авторский комментарий)

Smirnov S. N. To the Question of the Classification Patterns of Social Stratification in the Countries of the World (Brief Overview of Some Concepts and Author's Comment)

Автором рассмотрена проблематика типизации общества. Дан обзор некоторых концепций типизации моделей социальной стратификации различных стран, сформулированных и обоснованных в историко-правовой, исторической, социологической, экономической научной литературе. Определены обстоятельства, затрудняющие формулирование концепций универсального характера, рассчитанных на применение в комплексе наук об обществе. Среди данных обстоятельств — недостаточный учет факторов юридического порядка, включая позицию законодателя, особенности корпоративного правового статуса и характеристики механизма изменения индивидуального правового статуса. Автором предложен вариант классификации типов обществ с точки зрения правового оформления их структуры. Обоснована возможность выделения таких двух типов, как консолидированные общества и сегментированные общества.

Ключевые слова: правовой статус человека, социальная стратификация, концепции, типизация, вертикальная социальная мобильность, социальный лифт.

Контактные данные: 170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33; (962) 241-55-99; e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru.

The author considers the problems of typification of society. Some concepts of typification of social stratification models in different countries formulated and justified in historical and legal, historical, sociological, and economic scientific literature are reviewed. The circumstances that make it difficult to formulate universal concepts designed for application in the complex of social Sciences are identified. These circumstances include insufficient consideration of legal factors, including the position of the legislator, the specifics of the corporate legal status, and the characteristics of the mechanism for changing individual legal status. The author offers a variant of classification of society types from the point of view of legal registration of their structure. The possibility of distinguishing types such as consolidated companies and segmented companies is justified.

Keywords: human legal status, social stratification, concepts, typification, vertical social mobility, social “lifts”.

Contact Details: Zhelyabov Str. 33, Tver, 170100, Russia; (962) 241-55-99; e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru.

В настоящей статье на основе анализа предлагается материал о типизации социальных структур или, иначе говоря, о типизации человеческих обществ с рассмотрением соответствующей историографии, использованием результатов законодательной и правоприменительной практики России, а также некоторых других существующих сегодня или существовавших ранее государств.

Смирнов Сергей Николаевич — директор Института непрерывного образования Тверского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права Тверского государственного университета.

© Смирнов С. Н., 2020

Исследование выполнено в рамках историко-правовой науки. Перспективна, на наш взгляд, разработка концепции правовой цивилизации. Перспективными в связи с этим представляются труды В. А. Бачинина, Л. П. Рассказова, М. А. Сунатаева и других авторов [1; 2; 3]. Вполне возможно, что в контексте данной концепции удастся соединить усилия правоведов-компаративистов, правоведов-теоретиков, правоведов-историков, социологов и представителей иных наук, выйти на трансдисциплинарное исследование предмета. Тем не менее в пределах настоящей статьи целесообразно рассмотреть вопрос о типизации национальных моделей социальной иерархии в виде типизации человеческого общества без обращения к известным классификациям правовых семей и иных группировок национальных правовых систем.

Проблематика структурирования общества тесно связана с проблематикой его типизации. Общеизвестны точки зрения о традиционном и техногенном, открытом и закрытом, гомогенном и гетерогенном, индустриальном и постиндустриальном, информационном типах общества, о типах, соответствующих определенной общественно-экономической формации. Указанные точки зрения находят отражение в научной литературе и обоснованы в русле ведущих политико-правовых концепций. Эти концепции общеизвестны и не нуждаются в комментировании в данном случае. В свою очередь, указанные концепции в значительной мере детерминируются тем или иным подходом; прежде всего, формационным или цивилизационным.

Однако исследовательский интерес представляют три обстоятельства. Первое обстоятельство заключается в отсутствии универсальной дефиниции понятия «социальная стратификация». Видимо, с этим связано второе обстоятельство: далеко не во всех классификациях типов общества среди ключевых критериев присутствует принцип структурирования общества. Ввиду этого с учетом целей настоящего исследования целесообразно обратить внимание на концепции типизации общества, которые раскрывают суть именно такого типа структурирования общества.

Третье обстоятельство обусловлено тем, что, рассматривая социальную стратификацию, представители истории, социологии и ряда других «неюридических» наук среди факторов, определяющих положение страты в общественной пирамиде, зачастую не указывают факторы юридического порядка. В качестве примера можно привести точку зрения Л. В. Ярмоленко в отношении социальной стратификации как «особого типа дифференциации общества в виде иерархически упорядоченного неравенства», в котором место социальной группы определяется властью, богатством, престижем [4, с. 4]. Итак, о правовых нормах, о позиции законодателя применительно к перечню данных факторов речь не идет.

При рассмотрении структурирования общества в юридических категориях целесообразно привести некоторые точки зрения представителей «неюридического сегмента» научной историографии. Ряд из них сформулирован исследователями догосударственного этапа общественного развития.

Археолог Р. М. Адамс пишет об эгалитарных, социально-стратифицированных и городских типах общества. Этнограф М. Фрид различает эгалитарные, ранжированные и стратифицированные общества. В эгалитарных обществах отсутствует какая-либо дифференциация (кроме половозрастной), в ранжированных и стратифицированных существует ранговая дифференциация. При этом последняя в ранжированных обществах не препятствует равному доступу к основным экономическим ресурсам, а в стратифицированных обществах дифференциация сопровождается появлением профессиональных управленцев и неравенством в доступе к экономическим ресурсам [5, с. 27]. Э. Сэрвис различает два типа общества: эгалитарное и иерархическое [5, с. 28].

В рамках теории диалектического и исторического материализма, родоначальниками которой стали К. Маркс и Ф. Энгельс, монопольное положение занимает трактовка общественного развития и социальной истории через классообразование и классовую борьбу. Во время существования СССР и других социалистических стран в различных областях научного знания шла активная разработка марксистских подходов к обществоведению. Типы общества соответствовали общественно-экономическим формациям: первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое (социалистическое). В исторической и историко-правовой литературе советского периода при рассмотрении социальной структуры акцент сделан не на правовых, а на экономических характеристиках положения различных категорий. В настоящее время данная теория и данная трактовка имеет сторонников в истории, экономике, социологии, истории государства и права.

В рамках цивилизационного подхода разрабатываются концепции социального развития, исходящие из сложности и многофакторности механизма динамики общества и учитывающие не в последнюю очередь духовно-культурные характеристики общества. Существуют различные варианты типологизации цивилизаций, предложенные М. Вебером, А. Тойнби, другими исследователями.

В числе проблем, возникающих в ходе научного исследования социальной структуры России в рамках цивилизационного подхода, следует назвать проблему границ между цивилизациями. Принимая трактовку А. Тойнби и выделяя тем самым российскую цивилизацию в качестве православной христианской цивилизации, необходимо ответить на вопрос о соотношении цивилизационных и государственных границ, а также на вопрос о границах между православной и западной цивилизациями, между православной и исламской цивилизациями в Восточной Европе и Северо-Западной Азии. В частности, этот вопрос в ретроспективном плане встает применительно к Прибалтике, Великому княжеству Финляндскому, Царству Польскому, иным политико-территориальным образованиям в составе Российской империи.

Теория индустриального общества, основанная на трудах Д. Белла и других исследователей, исходит, как известно, из деления исторических этапов общественного развития на доиндустриальное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество.

Сторонники миросистемного анализа, не акцентирующие ввиду применяемой методологии внимание на обществе в его государственных границах, тем не менее признают роль категорий социальной стратификации. Так, И. Валлерстайн в перечне институтов капиталистической мирэкономике находит место для классов и статусных групп [6, с. 87].

Результатом синтеза философских и социологических исследований стали две масштабные концепции типизации общества. Одна из них базируется на трудах Э. Дюркгейма, Ф. А. Хайека, других исследователей и предлагает распространенную в философской и социологической научной литературе классификацию человеческого общества на индивидуалистическое и коллективистическое (коллективистское). Популярность данной концепции превратила эти понятия в одну из основных оппозиций философии и социологии. Так, А. А. Ивин категорично называет коллективизм и индивидуализм двумя полюсами, между которыми движутся общества и цивилизации [7, с. 6].

Сторонниками данной концепции являются как зарубежные, так и российские исследователи [8; 9; 10]. Обращает на себя внимание «локализация» названной концепции в философии, а отчасти — в социологии и политологии. Полагаем, что выход за пределы социальной философии возможен при условии исследова-

ния роли правовых факторов в развитии социальной структуры. В данном случае мы имеем в виду исключительно научный аспект проблемы, ибо в политическом аспекте указанная концепция давно перешагнула границы теории, получив практическое применение в идеологической и политической борьбе [11].

Сторонники такой классификации предпринимают попытки оценить роль права, роль иных социальных регуляторов в индивидуалистическом и коллективистском обществах. Так, А. С. Гурьянов полагает, что в ходе социализации личности в индивидуалистическом обществе задействуются практически исключительно правовые нормы, а в коллективистском обществе — широкий спектр социальных норм, в котором правовые нормы являются лишь одним из компонентов [12, с. 11].

Еще одна из рассматриваемых концепций является результатом трудов А. Бергсона, К. Поппера и их последователей. Речь идет о разделении человеческих обществ на открытые и закрытые. Данная классификация не противоречит рассмотренной выше конструкции «индивидуализм — коллективизм»; возможно построение логических связей «индивидуалистическое общество — открытое общество» и «коллективистическое общество — закрытое общество».

Ряд отечественных и зарубежных исследователей, прежде всего ученых-философов, продвигают концепцию типизации человеческих обществ, основанную на дуализме понятий «гомогенный» и «гетерогенный». Такая типизация построена на характере воспроизводства общественной жизни. Гомогенное общество понимается как общество равных (в отношении прав и свобод) свободных индивидов. Гетерогенное общество определяется в качестве «социальной системы, основанной на неоднородности социальных индивидов». Под индивидами понимаются не только и не столько физические лица, сколько социальные группы, социальные структуры разного порядка. Неоднородные социальные структуры гетерогенного общества образуют «сборное общество» [13, с. 17–20].

Несмотря на отчетливую локализацию рассматриваемого варианта типизации человеческих обществ в философии, он, по нашему мнению, имеет потенциал для применения в иных областях научного знания, включая историко-правовую науку. Не случайно сторонники этой концепции в число факторов, детерминирующих гомогенность и гетерогенность общества, помимо существенных характеристик социальной жизни, включают стандарты и особенности государственного оформления [13, с. 10].

Используя соответствующую терминологию, А. С. Панарин определяет Россию «с самого начала» как «гетерогенное западно-восточное образование», синтезирующее различные цивилизационные начала [14, с. 46]. Взгляды на вопрос социальной стратификации изложены в рамках школы новой институциональной экономики. Выход за рамки традиционной экономической науки, применение методов микроэкономического анализа при характеристике смежных с экономикой социальных явлений позволили сформулировать наблюдения и выводы в отношении интересующей нас проблематики. Традиции Р. Коуза продолжены О. Уильямсоном, Д. Нортом и другими учеными.

Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст, оперируя терминами «модель социальной организации», «социальный порядок», «социальная иерархия», «элита», «неэлита», «политическая система», «право», «закон», «равноправие», рассматривают социальную структуру исключительно в социологическом и экономическом ключе. Применительно к естественному государству они указывают на властную элиту, «неэлиту», на неформальные и контрактные организации, которые «обеспечивают связи элит с неэлитами» [15, с. 88–94]. Роль законодателя (как в прошедшие эпохи, так и в настоящее время) в официальном закреплении той или

иной формы социальной иерархии, в узаконении тех или иных способов повышения или снижения индивидами своего правового статуса находится вне объекта их исследования. Показателен факт отсутствия терминов «правовой статус», «сословие» [15, с. 88–94]. При этом предлагаемая авторами классификация социальных порядков (социальных моделей) заслуживает внимания.

Не посвящая специальных исследований проблематике социальной стратификации, К. Ясперс не только оперирует соответствующей терминологией (классы, элита, аристократия), но и высказал мнение о некоторых «технологических моментах» процесса генезиса элиты и о ее составе. Приручение лошади стало, по К. Ясперсу, одним из ключевых событий, которые привели к появлению «господствующего слоя» [16, с. 72]. Элита может быть «зафиксирована», превратившись в «диктаторское меньшинство». Очевидно, под фиксацией исследователь имел в виду организационные меры со стороны элиты и организационные и правовые меры со стороны государства. Оптимальным, по мнению К. Ясперса, является формирование аристократического слоя, который «постоянно пополняется из всех слоев населения в зависимости от личной деятельности, заслуг и успехов». В этом случае к данному слою невозможно применить термины «класс» и «элита» [16, с. 175].

О. Шпенглер разделяет крестьянство, которое он определял как природу, как нечто естественное и в некотором смысле неисторичное, неизменное, и общество, которое являлось формализованной частью социума, культуры, которое подвергалось эволюции и которое, собственно, и творило историю [17, с. 789]. Именно общество, в отличие от крестьянства, делилось на сословия и классы.

К. Мангейм, размышляя о взаимодействии социальных групп, пишет о понятии «социальная дистанция». В это понятие он включает и явление вертикальной дистанции между лицами, занимающими неравное положение в иерархической системе. Правда, акцент он делает не на правовых технологиях и атрибутах социального дистанцирования, а на бытовых, поведенческих и т. п. [18, с. 220–221].

Возвращаясь к отечественным научным исследованиям в аспекте типизации человеческих обществ и общей характеристики социальной организации, обратимся к нескольким авторам исторических, социологических и экономических трудов. Н. И. Кареев трактует социальную структуру общества как компонент «общей над-органической среды». В структуру общества он включает политические, юридические и экономические формы; социальная организация в данной трактовке включает в себя государство, право и народное хозяйство [19, с. 117]. Социальная структура служит для отдельных людей не только «над-органической средой», но и организацией, «ставящей их в разные общественные положения и заставляющей их исполнять неодинаковые функции» [19, с. 121]. Н. И. Кареев подчеркивает сложный характер социальной структуры, отмечает, что человек может одновременно принадлежать к «разным коллективностям»: национальностям, вероисповеданиям, сословиям, профессиям, партиям [19, с. 141]. Другими словами, автор не выделяет законодательно оформленную принадлежность к определенной социальной группе в перечне общностей разного вида и с различной правовой природой.

П. Г. Виноградов, подчеркивая, что «в настоящее время никто не сомневается, что развитие общества в основе своей является органическим», полагает, что «семья, род, племя, государство, церковь могут быть рассматриваемы как обособленные организмы». Вместе с тем он различает определенно организованные общественные союзы, «сознательно преследующие свои цели и снабженные определенной властью», и общественные группы, не обладающие «юридически опре-

деленной волей и властью». К первому типу общественных союзов П. Г. Виноградов относит государство, церковь, семью, ко второму типу — народ. Один и тот же человек входит в состав сразу нескольких общественных союзов и групп, что препятствует созданию единой высшей органической группировки [20, с. 294–297]. Исследуя взгляды П. Г. Виноградова по вопросу о социальной анатомии истории, А. В. Малинов обращает внимание на его мнение о порядке взаимодействия человеческих союзов и личности [21, с. 145–146].

Н. Я. Данилевский, характеризуя цивилизации различных культурно-исторических типов, говорит о четырех разрядах культурной деятельности. Если исходить из его концепции, то к социальной стратификации имеет отношение политическая деятельность, под которой автор понимает «отношения людей между собою как членов одного народного целого», и частично общественно-экономическая деятельность [22, с. 491].

Современная наука выработала понятие «социальный тип». А. Э. Якубовским оно, по сути, предлагается в качестве замены понятия «класс». При этом данное понятие лишено каких-либо правовых характеристик [23, с. 132]. Движущие силы трансформации общества Л. В. Карнаушенко определяет как «социотехнические факторы». Он принимает и использует термины «информационное общество» и «новое постиндустриальное общество» применительно к современному этапу общественного развития [24, с. 173–174].

На примере индийского общества о многочисленных этнолингвистических, этнотерриториальных, расовых, конфессиональных, локальных общностях и других категориях, переплетенных «в ткани сегментированной общественной системы», пишет Е. Н. Успенская. Рассматривая касты как основную форму иерархически ранжированных эндогамных общностей для реализации традиционных социальных связей, она отмечает, что в научных представлениях об индийском обществе каста «не совсем правомерно выдвинута на главное место» [25, с. 3]. Тезис исследователя о том, что «кастовый строй соответствует мировоззренческим основам индийской культуры», по сути, локализует касту как тип социальной стратификации в границах Индийского государства [25, с. 3–4].

А. В. Новиков, оперируя категориями экономической науки, высказывает мнение о наличии «западно-европейской» и «восточно-азиатской» моделей экономического развития. Тип модели определяется «особенностями национального экономического менталитета» и «отражается в складывающихся на протяжении времени большой длительности определенных социально-экономических институтах». Применительно к России автор называет такие институты, как сельская община, власть, собственность и православие. Включение в состав основных характеристик экономических моделей названных политических и правовых институций придает предложенной автором классификации моделей «надэкономический», универсальный формат [26, с. 3].

В современной социальной философии с позиций методологии управления обществом последнее рассматривается как совокупность управляющей и управляемой подсистем [27, с. 17].

Изучение общества на микроуровне необходимо для формирования научно обоснованной картины социальной структур. Однако в контексте целей настоящей статьи подчеркнем важность макроуровня знаний о структурных компонентах общества.

Не умаляя значения исследований об эволюции общественных структур посредством методов «неюридических» наук, акцентируем внимание на важности изучения проблематики в историко-правовом ключе. Изучение государственной политики в аспекте вопроса правового оформления социальной структуры, наделения правами и обязанностями членов общества, закрепления способов из-

менения положения человека в обществе позволяет выявить механизм развития структуры общества. Нормотворческая и правоприменительная деятельность наряду с волеизъявлением людей выступают в качестве компонентов данного механизма.

Известно, что в отношении общих принципов структурирования человеческого общества и юридического оформления его структуры существует несколько различных подходов законодателя и множество разных вариантов в каждом из этих подходов. Будем исходить из общесоциального понимания сущности государства и, соответственно, не разделяем классового, националистического понимания. Охарактеризуем некоторые концептуальные подходы в научной историко-правовой литературе к определению типов организации российского общества в различные периоды отечественной истории.

А. Д. Градовский акцентирует внимание на экономических условиях и интересах как основе построения той или иной организации народа. Он называет три основных типа общественных организаций: касты, сословия, классы. Касты, по словам автора, «суть такие группы, различие которых основано на религиозных воззрениях» [28, с. 16–17]. В отличие от каст «разделение на сословия носит уже политический характер», при этом «условия возникновения сословий были отчасти экономические, отчасти политические». Классы образовались после «падения сословного начала», государством был признан «принцип равноправности». Различие людей между собой основывалось теперь не на сословных привилегиях, а на «фактических основаниях», к которым А. Д. Градовский относит различие в степени богатства, политических взглядах и «по роду занятий» [28, с. 17–20].

Предложенная конструкция выглядит логичной. Вместе с тем очевидны ее проблемные места. Несмотря на то, что данная концепция создана в рамках правовой науки, нельзя не заметить, что в ее основе находятся политические, экономические и конфессиональные, а не юридические факторы. Не отрицая значения указанных факторов, полагаем, что учет юридического фактора, например, в виде позиции законодателя, необходим для создания достоверной и универсальной концепции типизации моделей социальной стратификации. Кроме того, видны проблемы в области полноты конструкции А. Д. Градовского. Одна из таких проблем — каста — решается просто. Каста, как известно, появилась и существует как социально-правовой феномен в цивилизациях Индостана. Узкую локализацию данного понятия легко можно преодолеть допущением по поводу того, что термином «каста» обозначаются социальные группы во всех обществах, имеющие соответствующие характеристики своего корпоративного правового статуса. Придется сделать допущение и в отношении того, что кастовые различия основаны отнюдь не на исключительно религиозных воззрениях, а также на иных обстоятельствах, например, этнического, территориального, правового порядка. «Кастовая проблема» является отнюдь не самой главной и самой сложной при выстраивании концепции типизации моделей социальной стратификации.

Известно, что в разных цивилизациях социальная иерархия конституировалась на основе непризнания законодателем качеств человека за частью индивидов. Хрестоматийные примеры — древнегреческое и древнеримское общества античной цивилизации времен существования классического рабства. Рабы не только не обладали качествами субъекта права, они официально не признавались частью общества. Понятно наше отношение к данному обстоятельству с позиций морали и современного права. Однако нельзя не учитывать позицию законодателя того времени. В этом смысле рабы в античной Европе не составляли и не могли составлять ни класса, ни сословия, ни касты. Близка к такой позиции позиция законодателя Древнего Вавилона. Однако, как известно, верховная государствен-

ная власть, не признавая за рабами качеств человеческой личности, санкционировала обладание ими некоторыми субъективными правами, присущими членам общества. Самое «яркое» из них — право на вступление в официальный брак со свободными людьми, закрепленное Законами царя Хаммурапи.

Юридически положение человека в обществе государство оформляет через установление системы правовых статусов индивидов и социальных групп. Следовательно, такие понятия существуют имманентно, постоянно и независимо от сущности и формы государства, правосознания общества, состояния научной историографии, наличия соответствующей терминологии и иных преходящих факторов. Именно правовой статус человека выступает в качестве правовой характеристики, позволяющей «юридизировать» типологию человеческого общества. Второй характеристикой, причем также характеристикой «правового формата», является конституированный законодателем организационно-правовой механизм изменения своего правового статуса индивидами и социальными группами. Без использования критериев правового или, если угодно, организационно-правового характера любой предлагаемый вариант типизации будет иметь ту степень универсальности, которая позволит использовать его в комплексе наук об обществе.

В связи с вышеизложенным полагаем, что необходимо указать следующее:

- в определении типов социальных страт следует исходить из сущностных характеристик их корпоративного правового статуса, из факта наличия или отсутствия доступа представителей страт к механизму изменения правового статуса;
- в определении типов моделей социальной иерархии следует исходить из сущностных характеристик системы правовых статусов индивидов и социальных групп и организационно-правового механизма социальной мобильности.

Приведем некоторые пояснения терминологического порядка. В обществе любого типа функционирует тот или иной механизм изменения индивидуально-правового статуса или, иначе говоря, организационно-правовой механизм социальной мобильности. В категориях «неюридических» наук этот механизм можно назвать социальным лифтом. Нам близка концепция, предусматривающая выделение таких видов социальных страт, как каста, сословие, класс. Не отвергая большинство из определений, данных этим понятиям, считаем необходимым дополнить эти определения следующими уточнениями.

Каста — социальная страта, принадлежность к которой устанавливается рождением и не может быть по общему правилу изменена не только самостоятельным решением человека, но даже с санкции государственной власти. Сословие представляет собой социальную страту, принадлежность к которой устанавливается или прекращается с санкции государственной власти путем выполнения определенных юридических и организационных процедур. Класс — социальная страта, принадлежность к которой устанавливается и прекращается индивидом по своей инициативе без необходимости получения санкции со стороны государственной власти. Нахождение в составе того или иного класса зависит от профиля и характера реализации человеком своих творческих способностей. Во многих случаях реализация человеком творческих способностей означает ведение экономической деятельности. Изменение классовой принадлежности осуществляется путем изменения маршрута своей творческой деятельности, т. е. изменения ее профиля и (или) характера.

В каждом из перечисленных видов социальных страт могут существовать (и в действительности существуют) страты нижестоящего уровня. Определив свою

позицию по вопросу о видах и характеристиках основных социальных страт, перейдем к изложению собственной концепции по вопросу о классификации моделей социальной иерархии или, иначе говоря, классификации типов общества. Перечислим некоторые постулаты, из которых мы исходили при конструировании своей классификации типов общества в зависимости от сущности социальной иерархии:

1. Социальное неравенство есть факт объективной реальности; это не оценочная категория, это не «хорошо» или «плохо», это есть непреходящая данность.
2. Социальное неравенство, не доходящее до «крайностей», при наличии хорошо функционирующего механизма социальной мобильности не препятствует формированию общественного сознания, единого самосознания и консолидации общества в критически важные для него исторические моменты.
3. Динамизм типологии общества и ее «привязка» к конкретному историческому периоду.
4. Применение в классификации критериев правового порядка, т. е. критериев, характеризующих развитие правовых явлений.

Научная классификация не заключается в приклеивании идеологических, политических и иных ярлыков оценочного характера. Исключение законодателем части населения, имеющего статус рабов, холопов, из общественной, экономической и политической жизни — акт дискриминационного характера. С позиций права и морали современных цивилизаций мы не можем признать позитивными такого рода действия государственной власти. Однако в определенные исторические периоды или в определенных общественно-правовых реалиях наличие социальных групп с правовым статусом, равным или приближающимся к статусу объекта права, является ординарным фактом. Например, в Древнем мире наличие института рабовладения в стране не свидетельствует о каких-либо «дефектах» общества, права или государства, об аморальности действий законодателя и правоприменителя, об «отсталости» модели социальной стратификации. И наоборот, отсутствие в этот же период рабов не дает основания для поиска превосходства данного общества, данного этноса и данного государства над рабовладельческими обществами.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить два типа обществ: консолидированные общества и сегментированные общества. Данную классификацию целесообразно провести с учетом соображений философского, социологического или экономического порядка, но с опорой на критерии, имеющие правовую природу. В качестве двух главных критериев правового порядка выступают характер основного статуса в системе правовых статусов человека и сущность механизма изменения индивидуального правового статуса (механизма вертикальной социальной мобильности).

В консолидированном обществе вершину пирамиды правовых статусов занимает общий для всех его членов правовой статус. В терминологии настоящего времени в качестве такого статуса выступает конституционный статус. Иначе говоря, в консолидированном обществе на вершине системы правовых статусов человека находится конституционный статус (или аналогичный ему правовой статус в ранние исторические периоды). Сословный или иной корпоративный статус должен занимать подчиненное место. Подчеркнем, что речь не идет об отсутствии в системе правовых статусов сословного или иного корпоративного статуса; речь идет о его месте в этой системе. Юридически оформленный и организационно обеспеченный доступ к основным каналам социальной мобильности

должны иметь все члены общества. Таким образом, доступ к организационно-правовому механизму вертикальной социальной мобильности в консолидированном обществе имеют представители всех социальных групп; при этом социальный лифт работает на всех «этажах социального здания».

В сегментированном обществе общий правовой статус отсутствует или имеет второстепенное значение. Главную роль в системе правовых статусов играет какой-либо корпоративный статус. Доступ к основным каналам социальной мобильности для части членов общества юридически закрыт или организационно затруднен. В сегментированном обществе существуют социальные группы, представителям которых закрыт доступ в элиту общества. Проводя параллели технического порядка, можно утверждать, что в сегментированном обществе социальный лифт, движущийся с самого нижнего этажа на самый верхний этаж, отсутствует в принципе либо находится «в нерабочем состоянии».

Вместе с тем следует учитывать наличие и функционирование социальных лифтов ординарного порядка, рассчитанных на значительное число индивидов и использующихся по инициативе последних. В человеческих обществах различных стран, континентов всех исторических периодов даже при отсутствии общего правового статуса были примеры вертикальной мобильности отдельных представителей социальных групп, располагавшихся в нижней части социальной иерархии, вхождение этих представителей в состав элиты. Движущими силами этой мобильности служили фаворитизм, участие во внутригосударственных конфликтах и пр. Однако подобные примеры свидетельствуют о действии экстраординарных механизмов мобильности, которые рассчитаны на единичные случаи их использования либо функционируют в чрезвычайных ситуациях и не могут рассматриваться при определении типа общества.

Несмотря на некоторое кажущееся сходство с классификацией, различающей гомогенные и гетерогенные общества, предлагаемая нами классификация основана на иных критериях и иных представлениях о структуре общества. Консолидированное общество в нашей концепции не есть общество гомогенное. И консолидированное, и сегментированное общество представляют собой общность индивидов и систему различных социальных страт. И консолидированное, и сегментированное общество обладают механизмом изменения индивидуального правового статуса. Естественно, наблюдаются различия как в количестве каналов социальной мобильности, значении, «удельном весе» каждого из каналов, так и в степени доступности их для различных страт. Формирование и регулярная модернизация организационно-правового механизма социальной мобильности есть необходимое условие эволюции общества и успешного ответа на возникающие вызовы для любого типа обществ.

Полагаем, что рассмотренный нами вариант типизации моделей социальной стратификации сформулирован с учетом различных критериев, включая критерии правового порядка, и может быть применен как в историко-правовой науке, так и в других общественных науках.

Литература

1. Рассказов Л. П. Цивилизационный подход к классификации правовых систем // *Философия права*. 2014. № 3 (64). С. 52–55.
2. Рассказов Л. П. К вопросу о критериях классификации правовых систем: цивилизованный подход. Тенденции сближения правовых семей в условиях глобализации [Электронный ресурс] // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2015. № 111. С. 134–150. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/07/pdf/08.pdf> (дата обращения: 20.06.2020).

3. *Супатаев М. А.* К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 143 с.
4. *Ярмоленко Л. В.* Социальная стратификация: теории и реальность: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 1995. 18 с.
5. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983. 432 с.
6. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
7. *Ивин А. А.* Новая философия истории: монография. М., Берлин: Директ-Медиа, 2016. 255 с.
8. *Барина С. Г.* Социальная детерминация и способы производства общественной жизни: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2004. 152 с.
9. *Зенько А. А.* Общество и оформление его социальности: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2000. 153 с.
10. *Мельникова Т. В.* Основные типы общества и правосознания: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2000. 159 с.
11. *Рахмиров П. Ю.* Свой среди чужих, чужой среди своих: Ф. А. Хайек и консерватизм // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 3. С. 54–66.
12. *Гурьянов А. С.* Социализация личности в различных типах общества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2010. 156 с.
13. *Фибих Е. В.* Способы воспроизводства общественной жизни гомогенного и гетерогенного типов общества (социально-философский анализ): автореф. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2012. 27 с.
14. *Панарин А. С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ЦОП Ин-та философии РАН, 1994. 262 с.
15. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011. 480 с.
16. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
17. *Шпенглер О.* Закат западного мира: очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1085 с.
18. *Манхейм К.* Избранное. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: РАО Говорящая книга, 2010. 744 с.
19. *Кареев Н. И.* Историология (теория исторического процесса). Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
20. *Виноградов П. Г.* О прогрессе // Вопросы философии и психологии. 1898. Год IX. Кн. 42. С. 254–313.
21. *Малинов А. В.* Очерки по истории философии в России: в 2 т. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2013. 494 с.
22. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.
23. *Якубовский А. Э.* Социальный тип — гипотеза и инструмент исследования социальной структуры // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 131–133.
24. *Карнаушенко Л. В.* Электронное государство в «открытом» постиндустриальном обществе XXI в.: основные угрозы и вызовы // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 173–176.
25. *Успенская Е. Н.* Этнокастовые общности в контексте формирования и функционирования индийской традиционной социальной организации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. 50 с.
26. *Новиков А. В.* Экономическое развитие России: традиции и реформы (опыт институционального анализа): автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2003. 252 с.
27. *Григоренко Д. Е.* Научное управление обществом и проекты науки (философско-методологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2012. 337 с.
28. *Градовский А. Д.* Общее государственное право. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. 384 с.

Уткин Г. Н.

Формы реализации права в аспекте соотношения безусловного и условного

Utkin G. N. Forms of Realization of the Law in the Aspect Relations of Unconditional and Conditional

В статье рассмотрены особенности, специфика реализации права в различных формах в контексте соотношения условного и безусловного в праве. Автор приходит к выводу о том, что все формы реализации права в той или иной степени как условны, так и безусловны. С одной стороны, воплощаются в конкретной ситуации, по отношению к отдельным лицам, сопровождаются составлением индивидуального правового акта, но, с другой стороны, сталкиваются с экстраполяцией догматических, позиционирующихся в качестве общеобязательных норм права на реальные жизненные обстоятельства, в основном, при помощи государственно-властного императивного воздействия. В случае каждой из форм реализации права отличаться будут лишь характер соотношения и степень доминирования одного из двух начал, что в конечном итоге служит подтверждением наличия широкого комплекса способов и средств удовлетворения людьми своих потребностей и защиты интересов в праве.

Ключевые слова: право, реализация права, соблюдение, исполнение, использование, условное в праве, безусловное в праве, субъективное право, объективное право, запрет, обязанность.

Контактные данные: 119991, Москва, Ленинский пр., д. 14; (495) 938-03-09; e-mail: utkin-gn@yandex.ru.

The article is devoted to consideration of specifics and features of realization of the law in various forms in a context of a ratio conditional and unconditional in the law. The author comes to the conclusion that all forms of the law implementation, in varying degrees, whether conditional or unconditional, because, on the one hand, embodied in a specific situation, in relation to individuals, accompanied by a compilation of individual legal act, but, on the other hand, faced with the extrapolation quite dogmatically positioned as binding rules of law to real life circumstances, mainly through public-imperious peremptory effect. For each of the forms of realization of the law, only the nature of the ratio and the degree of dominance of one of the two principals will differ, which, in the end, serves the presence of a wide range of ways and means of satisfying people's needs and protecting interests in the law.

Keywords: law, realization of the law, observance, execution, use, conditional in the right, unconditional in the right, subjective law, objective law, prohibition, obligation.

Contact Details: Leninskiy Ave 14, Moscow, 119991, Russia; (495) 938-03-09; e-mail: utkin-gn@yandex.ru.

Анализ позиционирования категорий условного и безусловного в действующем праве, определение их соотношения в правовой реальности невозможны без рассмотрения значимости и специфики проявления данных феноменов в различных формах реализации права. Такими формами осуществления права в современной юридической науке конвенционально признаны использование, исполнение, соблюдение и применение права.

Уткин Григорий Николаевич — советник вице-президента РАН (Москва), кандидат юридических наук.

© Уткин Г. Н., 2020

Под реализацией права следует понимать процесс его воплощения в правовой действительности, перевод из абстрактных теоретических предписаний и нормативных моделей в конкретные, уникальные для каждой правовой ситуации и субъекта права алгоритмы, которые параллельно находят отражение в индивидуальных правовых актах (приказах, свидетельствах, заключениях, протоколах и т. п.), что, в свою очередь, привносит в установленные законом, а значит, в практически безусловные правовые предписания значительную долю условности, связанную с воплощением в обстоятельствах реальности, существующей по собственным законам.

В условиях доминирования запретительного типа правового регулирования («запрещено все, кроме того, что прямо разрешено в законе»), использующего императивные способы и методы воздействия на общественные отношения, право чаще всего реализуется в формах соблюдения, исполнения и применения. При этом лицами, осуществляющими право, выступают преимущественно специально уполномоченные представители органов государственной власти, а такая форма, как применение, по частоте проявлений значительно превосходит все иные формы реализации права.

Исполнение, соблюдение и применение права одинаково характеризуются отсутствием инициативы и правомерностью поведения субъектов правоотношений, являющихся обязанной стороной, обеспеченностью и гарантированностью государством, императивностью реализуемых норм. Четвертой формой реализации права, распространенной в правовых системах с разрешительным типом правового регулирования («разрешено все, кроме того, что прямо запрещено»), выступает использование, отличающееся большей диспозитивностью и активным характером поведения управомоченного лица.

Особенности соотношения условного и безусловного заслуживают внимания в каждой из данных форм, так как от этого зависит в итоге уровень правовой культуры, отношение людей к праву, его легитимность, а значит, количественные и качественные показатели правонарушений, законность, уровень и стабильность правопорядка в стране.

Следует отметить, что законы государства, подлежащие практическому воплощению благодаря различным способам реализации, в своем большинстве представляют «копии» законов природы. «Что бы реально ни происходило на практике, адресат закона должен его исполнить, ибо таково распоряжение официальной власти. В случае же отказа от исполнения по любой, даже стопроцентно разумной и обоснованной причине, он станет нарушителем закона и соответственно будет покаран» [1, с. 113].

Будучи изначально искусственно созданными людьми для решения временно существующих конфликтов и противоречий, конвенциональными условными договоренностями, такие юридические законы в связи с экстраполяцией на них абсолютности законов бытия, акцентуацией внимания на их целесообразности и общеобязательности в сознании общества в определенной степени начинают приобретать безусловный характер, кроме того, поддерживаемый силой государства. Так, за счет государственного воздействия и (или) утверждения разумности происходит идеализация и абсолютизация законов, закрепленных государством в нормативных правовых актах.

Но в ходе реализации, приобретая практическое воплощение, такие государственные законы начинают испытывать воздействие законов действительности и существовать уже по собственным алгоритмам, не всегда совпадающим с запланированным законодателями и правоприменителями (в итоге — часто констатируемый конфликт фактического и юридического, идеального и реального, теоре-

тического и практического) [2]. Эффективно функционировать в «чуждой», условной среде и оставаться общеобязательным и всеобщим безусловное может при помощи внешнего воздействия. В сфере государственно-правовой жизни импульсом к безусловности права на практике чаще всего служит императивное властное давление. Применительно к праву государства таким давлением выступает контроль, надзор и обеспечение со стороны органов государственной власти [3; 4]. Соответственно, влияние публичной сферы на правореализацию во многом обеспечивает ее безусловность, понимаемую как безоговорочное, всеобщее и общеобязательное выполнение правовых предписаний субъектами права.

Проследим, каково соотношение условного и безусловного в каждой из четырех форм реализации права. Соблюдение представляет собой осуществление права посредством постановки зависимости между поведением субъекта права и установленными юридическими запретами. Соблюдая объективное право, индивид не нарушает положения, предусмотренные нормами права, и воздерживается от совершения запрещенных действий, т. е. ведет себя правомерно в отношении государства и права в целом. В отношении субъективных прав других лиц индивид соблюдает установленные ограничения возможности свободного осуществления ими предоставленных государством мер диспозитивного поведения, их свободу, имущество, честь, достоинство, жизнь, здоровье, т. е. поступает правомерно по отношению к конкретным представителям социума.

По сравнению с иными формами реализации права соблюдение — самая безусловная модель поведения, что связано с высокой степенью социальной значимости или опасности нарушения установленных государством в нормативных правовых актах запретов. Соблюдение в праве — аналог категорического императива, т. е. обязательности поведения без его соотнесения с целью [5].

Помимо этого, запрещающие нормы права в современных условиях выполняют роль древних табу, придавая праву сакральный характер. Табу служили своего рода гарантом от исчезновения социума в целом, способствовали его наиболее разумному развитию и расширению сферы влияния человека на природу и окружающий мир.

Сакрализация актуальных в настоящей правовой жизни запретов подчеркивается формулировкой важнейшего универсального правового принципа, нашедшего отражение в базовых международных правовых документах (декларациях и конвенциях), конституциях, а также отсылками к нему, в той или иной степени основных законов большинства существующих государств. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина приобрело статус правовой идеи, принципа, зафиксированного государством в праве как важнейший абсолют.

Такой аксиоматичный характер данная форма реализации права приобрела негативным образом. Запрещается нормами поведения прежде всего то, что обладает наибольшей притягательностью и зачастую распространено в общественной жизни. Соблюдение права в данном контексте позиционируется как воздержание от деяния, рассматриваемого государством в качестве безусловно опасного и вредного, пассивное поведение, не требующее вступления в правоотношения и афиширования иного намерения.

Между тем наиболее значимым отличием современных запрещающих правовых норм от древних запретов является рациональный характер формулировки и наличие целеполагания требующих соблюдения запретов. Табу по своей природе иррациональны, так как принимались на веру безапелляционно и снимали с соблюдающих их людей любую форму ответственности. Сакральность же современного соблюдения права — только один из способов его легитимации и поддержки, своего рода идеологический прием. С этим связано и то, что данная

форма реализации права, несмотря на высокую степень безусловности, не абсолютно безусловна.

Во-первых, воплощаясь в реальные общественные отношения, право теряет свою безусловность, отраженную в теории (на бумаге и в сознании субъектов правотворчества), поскольку начинает жить собственной жизнью, детерминированной законами общественного развития, социальными условностями, случайностями, форс-мажорами и т. п.

Во-вторых, становясь правовой нормой, религиозные табу во многом утрачивают свой священный, непререкаемый характер, приобретая ограниченные и очевидные очертания, причинно-следственные связи и рациональное содержание, получают собственную оценку и статус в сознании адресатов права [6].

Доля условности в соблюдении права — отсылка к человеческому разуму, способному даже в праве «отфильтровать» неправильное, неверное с точки зрения социума поведение, брать на себя ответственность за самостоятельные поступки, формально противоречащие ряду государственных запретов [7]. Примером могут послужить предусмотренные законом обстоятельства, исключающие юридическую ответственность (необходимая оборона, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании лица, физическое и психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения). Нарушая при данных обстоятельствах установленные законом запреты, лицо тем не менее полностью освобождается от правовых негативных последствий своих деяний, а в некоторых случаях такое поведение даже поощряемо органами государственной власти. Иными словами, в исключительных случаях закон допускает несоблюдение государственного права тогда, когда его соблюдение может стать причиной еще большего общественного вреда.

Таким образом, безусловность соблюдения права, хоть и в незначительной степени, ограничена рациональным правовым содержанием и корректировкой на энтропийность жизни общества.

Что касается использования как формы реализации права, то под ним понимается возможность лица реализовывать предоставленное ему право по своему усмотрению и желанию, но в границах правового поля, не посягая при этом на субъективные права и интересы других, охраняемые и гарантируемые государством. Использовать всегда можно только индивидуальное субъективное право, поскольку объективное право представляет собой форму общественного сознания, выраженную в системе правовых норм и не поддающуюся в целом одновременной экстраполяции на практику.

Подобно тому, как соблюдение является наиболее безусловной из всех форм реализации права, использование — наиболее обусловлено (условный императив). Данное обстоятельство связано как со значительной степенью его диспозитивности, необходимостью активного сознательного поведения индивида, так и с высоким уровнем конкретизации, требующимся для его осуществления в рамках реальных общественных отношений.

Все детерминирующие использование права условия можно разделить на три группы:

- 1) условия, связанные с дееспособностью субъекта права. Индивидуальные особенности человека, его возраст, способности, психическое и физическое состояние выступают значимыми условиями для возможности реализовать предоставленное государством право в форме использования (субъективные условия);
- 2) субъективные права, свободы и законные интересы общества и государства также являются условиями для самостоятельного принятия лицом решения

об использовании права, так как границы такого решения детерминированы гарантированными государством возможностями реализации права другими субъектами (интерсубъективные условия);

- 3) государственно установленные требования, лимиты и цензы для использования ряда предоставляемых прав. Осуществление многих субъективных прав ставится органами государственной власти в зависимость от уровня образования, наличия определенных навыков, стажа работы, успешно сданных экзаменов и иных испытаний. Используемые права являются дозволенными государством и только в предоставленных им размерах и формах — диспозитивными. Вероятно, лишь отказ от использования возможного права можно рассматривать как в значительной степени безусловный (объективные условия).

Следующая форма реализации права — исполнение, активная деятельность по осуществлению возложенных на субъекты права обязанностей и выполнению взятых ими на себя обязательств. Высокая степень императивности данной формы реализации права, ее зависимость от государства не позволяют назвать ее условной. Между тем в сравнении с двумя предыдущими способами осуществления права этот представляет собой промежуточную форму, поскольку касается двух в целом различных объектов — обязанностей и обязательств. Эти объекты отличаются субъективной стороной, стимулом лица к их достижению, а также степенью условности [8].

Обязанность — мера должного, как правило, в отношении государства и его органов поведения, в большей степени безусловная и жестко формализованная деятельность (принудительная форма исполнения права), чаще всего вызванная страхом перед мерами государственного воздействия и не входящая в интересы субъекта права (уплата налогов, прохождение военной службы, предоставление сведений о доходах). Это сближает ее с соблюдением, однако, в отличие от него, при исполнении реализуются не запретительные, а обязывающие нормы права, а поведение субъектов права — активное.

Вторая составляющая такой деятельности (добровольная форма исполнения права) — выполнение обязательства, т. е. добровольно взятого на себя долга перед другими участниками правоотношений. Такой долг не всегда возникает перед государством, в отличие от обязанностей, и, вследствие этого, более индивидуализирован и конкретен, а значит, условен. Обязательства выполняются не столько из-за страха перед наказанием, сколько из-за признания их целесообразности, разумности и правильности, в том числе в интересах самого реализующего их лица (частные интересы). Ответственность за невыполнение обязательств значительно меньше, чем за невыполнение обязанностей. Подобно использованию права, обязательства обладают степенью свободы и добровольности. Но границы этой свободы невелики, что обусловлено должноствительной природой исполнения права и его направленностью на удовлетворение интересов (прежде всего, публичных) других лиц.

Таким образом, исполнение права направлено на гармонизацию публичного и частного начал, определенное сочетание условного и безусловного при доминировании тем не менее безусловного как имманентного государственному праву качества. Применение права — это форма реализации права, заключающаяся в государственно-властной деятельности по претворению в жизнь в строго установленном порядке положений норм права, сопровождающаяся вынесением индивидуально-конкретного правового акта.

Рассмотрение форм реализации права в контексте соотношения условного и безусловного позволяют констатировать, что три предыдущие формы осу-

ществления права с той или иной степенью выраженности характеризуются следующими признаками: первая — безусловностью, вторая — условностью, третья — сочетанием элементов первой и второй (при приоритете властного и безусловного), что вытекает из необходимости гармонизации публично-частного в праве. Последняя из рассматриваемых форм реализации права уникальна, поскольку синтезирует в себе характеристики вышеназванных форм и выступает единственной опосредованной формой осуществления права [9].

Опосредованность проявляется в том, что если в случае исполнения, использования или соблюдения права и обязанности приводятся в действие непосредственно субъектами права (обязанными или управомоченными лицами), то правоприменение реализуется только представителями государственной власти, органов местного самоуправления или кругом специальных, законодательно установленных и уполномоченных акторов. Это означает, что права и обязанности сторон правоотношений не могут должным образом реализованы без безусловного и профессионального государственного вмешательства.

Вместе с тем особая значимость правоприменительной деятельности, всегда вызванной необходимостью разрешения социального противоречия, существенные и общеобязательные последствия претворения в жизнь правовой нормы, делающие ее свободной от внешних несущественных условий, совместно с объективно существующими недостатками нормативной правовой базы и высокой степенью практикоориентированности детерминировали необходимость введения понятия свободы усмотрения или решения правоприменителей. Следовательно, при отсутствии соответствующей, подлежащей применению нормы права или коллизионности последней правоприменитель волен поступать на основе аналогии закона, права или своей совести и представлений о правильном. Такая дискреционность, в свою очередь, вносит в процесс осуществления права индивидуализированное начало, невозможность его оформления без учета существующих условий и детерминант, личностной специфики принимающего решение субъекта.

Обязательное участие в правоприменении представителей власти или должностных лиц, процессуальная и структурная сложность, стадийность и необходимость вынесения официального акта делает данную форму права, с одной стороны, в аспекте осуществления, высокоусловной, поскольку необходимо соблюсти и выполнить значительное число факторов, условий и требований, с чем связаны, например, такие понятия, как условное осуждение, условно-досрочное освобождение, прочие. С другой стороны, оно с точки зрения принимаемого по делу решения практически безусловно, поскольку такое решение поддерживается силой государственного принуждения и гарантировано законом, а значит, абсолютно для подчиненных его воле субъектов [10; 11].

Кроме того, рассматриваемая форма реализации права — комплексная. Комплексность правоприменения выражена в том, что оно не имеет собственного особого метода осуществления, а реализуется в основном за счет того или иного сочетания механизмов дозволения, обязывания и запрещения. С этим обстоятельством связан и тот факт, что применение права может «сопровождать» любую другую форму реализации права. Такое сочетание придает ему отдельные черты иной взаимообусловленной формы реализации права и не позволяет, наряду с вышеобозначенными диалектическими особенностями, однозначно охарактеризовать его условно-безусловную составляющую.

Уникальность правоприменения среди других форм реализации права состоит в его комплексном синтезированном характере, опосредованности, диалекти-

ческой зависимости от других форм приведения права в жизнь, одновременно условной практикоориентированности и индивидуализированности, но в безусловном императивном характере, связанном с процедурностью, участием представителей органов власти и необходимостью вынесения обязательного (более того, аксиоматичного) решения.

Итак, факторами, позволяющими констатировать «отклонение» права по отношению к одному из данных векторов (условное-безусловное), являются степень императивности, пассивности, унифицированности, общности, абстрактности, объективности, публичности интересов. Чем ярче они выражены, тем безусловнее становится право в своей реализации. Индивидуализированность, диспозитивность, частность, активность, конкретность приносят значительную долю условности, необходимости принятия во внимание множества детерминант и обстоятельств, принятия решения при обязательном их учете.

В этой связи соблюдение представляется в большей степени безусловным пассивным феноменом, использование — условным, активным, а исполнение — объединяющим в себе условность и безусловность, активность и пассивность, в зависимости от того, на что оно направлено (на исполнение императивной обязанности или исполнение добровольно взятого на себя обязательства) и достижению какого интереса служит (публичного или частного).

Правоприменение — особая форма реализации права, сочетающая в себе черты трех остальных форм, на практике сопровождающая или следующая за любой из них, по сути, выступающая их опосредованным и синтезированным типом. Значимость последствий данного способа осуществления права, его всеохватность и максимальная концентрация государственного властного компонента обусловили в большей степени его безусловный для всех субъектов права и активный для правоприменителей характер.

Вместе с тем диалектика сочетания условного и безусловного в праве в целом и в формах его реализации и в правоприменении в частности не позволяют утверждать его безусловный приоритет. Примером служит ярко выраженный индивидуализированный характер правоприменения и наличие феномена дискреционности правоприменительной деятельности, требующие детерминированности и учета сингулярности в праве [12].

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что все формы реализации права, несмотря на абсолютность императива закона государства, в той или иной степени условны, так как созданы искусственно, воплощаются в конкретной ситуации, по отношению к отдельным лицам, сопровождаются составлением индивидуального правового акта, т. е. сталкиваются с экстраполяцией догматичных норм права на реальные жизненные условия и обстоятельства. Абсолютно безусловное не может быть воплощено в релятивистской реальности, почти каждое условие которой служит основанием для возникновения, изменения или прекращения правоотношений. По словам Е. В. Бурлай, «условность — это способ бытия нормативности» [1, с. 108]. Однако, чтобы оставаться законом, совершенным ориентиром для всех граждан государства, такое право не должно утрачивать обязательности, что обеспечивается мерами государственного принуждения и контроля в случае с императивными формами реализации права и легитимной разумностью и целесообразностью в случае с диспозитивными формами.

Полиформность реализации права, таким образом, за счет отличающихся «уровня дозировки» и характера соотношения условного и безусловного позволяет утверждать о наличии комплекса различных способов и средств удовлетворения людьми своих потребностей и защиты интересов в праве.

Литература

1. Бурлай Е. В. Условность в праве как философско-правовая проблема // Актуальні проблеми держави і права: зб. наук. пр. Одеса: Юрид. література, 2008. Вип. 40. С. 107–122.
2. Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 431 с.
3. Василевич С. Г. Контроль и надзор как важнейшие факторы надлежащего правоприменения // Марийский юридический вестник. 2016. № 4 (19). С. 40–42.
4. Халиулин В. Е. Роль правосознания в процессе реализации права // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 5 (56). С. 49–54.
5. Конец В. А. Условные и безусловные законы бытия человека // Кантовский сборник: межвузовский тематический сборник научных трудов. 2006. № 1. С. 132–147.
6. Поляков С. Б. Ограничение — неопределенная по форме реализация нормы права // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 287–293.
7. Погодин А. В. Право, правореализация и нравственность // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 7–14.
8. Погодин А. В. Содержание и методология теории реализации норм права // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 153. 2011. № 4. С. 194–197.
9. Кузьмина Н. А. Применение права как форма реализации права // Вопросы науки и образования. 2019. № 6 (52). С. 34–39.
10. Вязов А. Л. Принцип справедливости в научном дискурсе правоприменительной деятельности // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 4. С. 150–160.
11. Колесник И. В. Понятие и признаки правоприменительной технологии // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 32–42.
12. Шепелев В. В. Проблемы и перспективы реализации современного российского права в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 30–33.

Чабукиани О. А., Зорина Е. А., Солодовник В. В.

Способы противодействия киберпреступности

Chabukiani O. A., Zorina E. A., Solodovnik V. V. Ways of Counteraction to Cybercrime

В статье рассмотрены способы противодействия киберпреступности. Обращено внимание на то, что в настоящее время в России отсутствует правовая база, которая бы в полной мере регулировала все цифровые отношения, выступающие объектом одного из самых опасных видов международной преступности — киберпреступности. Противодействие ей возможно лишь при проведении совместных исследований учеными в области различных наук.

Ключевые слова: правовое регулирование, киберпреступность, информационная безопасность, противодействие киберпреступности.

Контактные данные: **Чабукиани О. А.:** 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 6/8; (812) 458-97-18; e-mail: oksana_kartohina@mail.ru | **Зорина Е. А.:** 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149; (812) 369-96-37; e-mail: zorina_lena@mail.ru | **Солодовник В. В.:** 188662, Ленинградская область, Всеволожский муниципальный р-н, г. Мурино, ул. Лесная, д. 18; (812) 595-51-04; e-mail: slaviik_bel@mail.ru.

The article discusses ways to counter cybercrime. Attention is drawn to the fact that at present in Russia there is no sufficient legal framework that regulates all digital relations that are the object of one of the most dangerous types of international crime - cybercrime, thus countering it is possible only with joint studies of scientists of various sciences.

Keywords: legal regulation, cybercrime, information security, countering cybercrime.

Contact Details: **Chabukiani O. A.:** 7th Krasnoarmeyskaya 6/8, St. Petersburg, 190005, Russia; (812) 458-97-18; e-mail: oksana_kartohina@mail.ru | **Zorina E. A.:** Moskovskiy Ave 149, St. Petersburg, 196105, Russia; (812) 369-96-37; e-mail: zorina_lena@mail.ru | **Solodovnik V. V.:** Lesnaya Str. 18, Murino, Vsevolozhsk District, Leningrad Region, 188662, Russia; (812) 595-51-04; e-mail: slaviik_bel@mail.ru.

Изучение способа совершения преступлений является предметом нескольких наук: уголовного права (способ как признак объективной стороны преступления), криминологии (способ совершения общественно опасного деяния помогает определить личность лица, совершающего преступления, виктимологические признаки и выявить наиболее эффективные профилактические меры), уголовного процесса (определяет особенности доказательственного права, количества следственных действий и последовательность принятия процессуальных решений), криминалистики (от способа совершения зависят выдвигаемые следственные

Чабукиани Оксана Алексеевна — доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Зорина Елена Андреевна — начальник кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.

Солодовник Вячеслав Викторович — доцент кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук.

© Чабукиани О. А., Зорина Е. А., Солодовник В. В., 2020

версии, выбираемые тактические способы производства и техническая оснащенность при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений), теории оперативно-розыскной деятельности.

Способы противодействия киберпреступлениям будут зависеть от вида предотвращаемого общественно опасного деяния: хакинга, кардлинга, фрикинга, диффамации, спаминга, фишинга, киберхулиганства, кибертерроризма, нюкинга и других. Безопасность в интернете может быть достигнута путем предупредительных мер на различных уровнях (общесоциальном, специальном, индивидуальном). С учетом специфики способа совершения киберпреступлений важное значение в профилактике и выработке мер безопасности имеет должное взаимодействие правоохранительных органов, как на государственном уровне, так и на международном.

На международном уровне активно принимаются меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение таких преступлений, как:

- 1) использование ботнетов — сетей устройств, зараженных вредоносными программами без ведома их пользователей для передачи вирусов, которые получают незаконное дистанционное управление устройствами, крадут пароли и отключают антивирусную защиту;
- 2) создание «бэкдоров» на скомпрометированных устройствах для кражи денег и данных или удаленного доступа к устройствам для создания ботнетов;
- 3) создание онлайн-форумов для торговли хакерским опытом;
- 4) непробиваемый хостинг и создание контрантивирусных сервисов;
- 5) отмывание традиционных и виртуальных валют;
- 6) совершение онлайн-мошенничества, например, через платежные системы в режиме онлайн и социальную инженерию (картинг);
- 7) различные формы сексуальной эксплуатации детей в интернете, включая распространение в интернете материалов о сексуальном насилии над детьми и прямую трансляцию сексуального насилия над детьми;
- 8) интернет-операции, связанные с продажей оружия, фальшивых паспортов, поддельных и клонированных кредитных карт, а также наркотиков и хакерских услуг.

В России на законодательном уровне защита персональных данных физических и юридических лиц, а также безопасности при операциях с денежными средствами гарантируется Федеральными законами «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152 (в редакции от 24 апреля 2020 г.) [1], «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 351-1 (в редакции от 27 декабря 2019 г.) [2], «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 20 июля 2020 г.) [3], «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 20 июля 2020 г.) [4], «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ [5], Кодексом РФ об административных нарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в редакции от 31 июля 2020 г.) [6], Уголовным кодексом РФ от 13 июня 1996 г. (в редакции от 31 июля 2020 г.) [7] и др.

В рамках международного сотрудничества гарантии противодействия определены в Модельном законе стран-участников СНГ «О персональных данных» [8]; Соглашении о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, заключенном 1 июня 2001 г. [9]; Дополнительном протоколе к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством

компьютерных систем (ETS № 189), от 28 января 2003 г. [10]; Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза 2002/58/ЕС «В отношении обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторе электронных средств связи», принятой в Брюсселе 12 июля 2002 г. (с изменениями и дополнениями от 25 ноября 2009 г.) [11]; Директиве 2013/40/ЕС «Об атаках на информационные системы и о замене Рамочного решения 2005/222/ПВД Совета ЕС» [12]; Рамочном решении Совета Европейского союза 2001/413/ЈНА «О противодействии мошенничеству и подделке безналичных платежных средств» от 28 мая 2001 г. [13]; Регламенте Европейского парламента и Совета Европейского союза 2016/679 «Об общей защите данных».

Быстрое развитие информационных технологий, использование различных электронных девайсов, доступ в сеть Интернет делает уязвимым не только имущество, но и персональные данные, личную информацию. В соответствии с «Основными направлениями информационной безопасности кредитно-финансовой среды на период 2019–2021 годов» формирование регуляторного воздействия в сфере информационной безопасности и киберустойчивости осуществляется по следующим направлениям [14]:

- 1) выявление в сети Интернет сайтов, используемых для мошеннических действий в кредитно-финансовой сфере. Требуется ограничение в пределах, установленных нормативно-правовыми актами, доступа потребителей финансовых услуг к таким сайтам. Для реализации данного положения требуется закрепление за Банком России определенных полномочий, позволяющих своевременно блокировать в сети Интернет различные сайты, связанные с предоставлением некачественных финансовых услуг либо используемые для распространения информации о финансовых пирамидах, вредоносных программах и т. п.;
- 2) выстраивание единого канала обмена информации, требуемой для оперативного реагирования на выявленные факты киберпреступлений: о мобильном устройстве, абоненте номера мобильного телефона. Сведения должны в случае необходимости передаваться между операторами связи и банками, некредитными финансовыми организациями;
- 3) формирование комплексных предложений Банка России по совершенствованию механизмов использования усиленной квалифицированной электронной подписи и действующего законодательства по выстраиванию единой системы удостоверяющих центров и кредитно-финансовой сфере;
- 4) создание условий для должного, безопасного оборота цифровых финансовых активов путем установления необходимых требований к информационной безопасности и защите информации. Требования Банка России к защите информации должны зависеть от уровня рисков, объема и характера осуществляемых организаций кредитно-финансовой сферы операций, уровня и сочетания присущих ее деятельности рисков;
- 5) координация деятельности участников финансового рынка в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Способы противодействия таким преступлениям будут определяться в зависимости от выбранного преступниками способа совершения преступления (уничтожения, блокирования, копирования, модификации, использования информации через непосредственный доступ к компьютерной информации или опосредованный доступ); способа использования и сокрытия полученной через компьютерные системы информации; мотивов совершения преступления (корыстных, т. е. распространение вредоносных программ, получение безвозмездного программного обеспечения, бесплатного доступа в интернет, хищение денежных средств; хули-

ганских побуждений, мести, коммерческого шпионажа, содействия террористической деятельности, иных).

Сложность предупреждения, выявления и расследования киберпреступлений определяется с учетом таких обстоятельств, как:

- 1) место совершения преступления и место наступления общественно опасных последствий существенно отделено и может быть не только на территории одного государства;
- 2) скорость обмена криминологической информацией, имеющей значение для конкретного уголовного дела в случаях удаленности органа уголовного преследования от виновного или потерпевшего;
- 3) сложность в формировании доказательственной базы, требующей направления запросов о правовой помощи, необходимости проверки совершаемых процессуальных действий иными субъектами процесса;
- 4) получение согласительных процедур по получению доступа к компьютерной информации;
- 5) оказание помощи в розыске и задержании скрывающегося на территории иного государства преступника;
- 6) обеспечение соблюдения сроков и процедуры выдачи виновного иностранному государству;
- 7) обеспечение восстановления нарушенных прав всех лиц, потерпевших в результате совершения киберпреступления [15, с. 179–180; 16, с. 1186–1187; 17, с. 39].

Сложность противодействия будет зависеть от личности лица, совершившего киберпреступления, виктимологических особенностей личности, проводимых оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и раскрытие преступлений, а также возможностей легализации результатов их проведения [18, с. 15–16].

Помимо практической сложности противодействия киберпреступности, трудности возникают и на научном уровне. Например, чтобы выработать единую нормативно-правовую базу противодействия, необходимо обеспечить единообразное понимание материального права. При разных правовых семьях это сложно: разный подход к содержанию общественной опасности, возрасту уголовной ответственности, конструкции составов, разнообразие способов совершения преступления, исходя из технического прогресса конкретного государства, разное понимание вины в уголовном праве. Как следствие — разные качественные и количественные показатели преступности, разное понимание профилактической работы, сложности в определении признаков личности преступника, виктимологических признаков. Уголовно-правовые и криминологические аспекты ведут к отсутствию единых элементов криминалистической характеристики, разному подходу к институту доказательств в уголовном процессе.

Таким образом, противодействие киберпреступности возможно лишь при проведении совместных исследований учеными в области различных наук: социологии, психологии, уголовного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики. Отсутствие единых научных разработок не может привести к единому практическому пониманию проблемы. Так, согласно Информационному письму Банка России от 14 августа 2018 г. № ИН-014-12/54 «О национальной оценке рисков ОД/ФТ», уязвимым местом при противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов, рисков финансирования терроризма является «длительное рассмотрение запросов о правовой помощи и сложности с получением такой помощи, а также информации в отношении конечных бенефициаров от компетентных органов отдельных стран».

Все меры противодействия могут быть представлены по таким направлениям, как правовые, организационные, криминалистические [19, с. 27–29]. В правовом аспекте следует выработать единую концепцию по взаимодействию при выявлении, пресечении, раскрытии и разрешении киберпреступлений, определении единой формы запроса и возможного предоставления информации, имеющий значение для уголовного дела; выработке надежных способов защиты персональных данных и проведению совместных научных исследований по выявлению положительного опыта противодействия киберпреступлениям.

В июле 2015 г. на базе Главного управления безопасности создан Центр мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере (FinCERT), основными задачами которого служит анализ данных о кибератаках и подготовка аналитических материалов, предоставление рекомендаций по обеспечению безопасности при осуществлении денежных переводов, координация обмена информацией между правоохранительными органами и финансовыми организациями. Результаты работы отражаются в отчетах, опубликованных для всеобщего информирования.

Несмотря на геополитические факторы, Российская Федерация активно участвует в международном взаимодействии по обмену информацией о киберугрозах, содействует внедрению единых стандартизированных подходов в области обеспечения кибербезопасности, а также выстраиванию обмена опытом по регулированию и внедрению финансовых технологий. Банк России участвует в международном взаимодействии по следующим направлениям:

- 1) обеспечение участия экспертов Банка России в деятельности международных организаций по вопросам противодействия киберпреступлениям (например, Международная организация по стандартизации, Международная электротехническая комиссия, Международный союз электросвязи и др.;
- 2) укрепление кибербезопасности путем взаимодействия с центральными (национальными) банками иностранных государств при предоставлении финансовых услуг;
- 3) координация деятельности подразделений безопасности по созданию центров реагирования по компьютерным инцидентам в национальных банках стран — участников ЕАЭС;
- 4) взаимодействие с международными компаниями при подготовке и проведении обучения по реагированию на киберугрозы.

Большой вклад в это направление вносят Интерпол и Европейский центр по борьбе с киберпреступностью (European Cybercrime Centre, EC3), созданный в январе 2013 г. С момента создания EC3 участвовал в десятках громких операций и сотнях развертываний оперативной поддержки на месте, что явилось результатом сотни арестов; проверке сотни тысяч файлов, большинство из которых оказались вредоносными.

В организационном плане на государственном уровне необходимо проводить разъяснительные беседы с лицами, приобретающими цифровую и микропроцессорную технику, повышать правовую культуру населения, вырабатывать требования к подбору, проверке и инструктажу персонала, допускаемому к ресурсам, содержащим персональные данные, проводить плановые и внеплановые проверки соблюдения режима секретности при функционировании компьютерных систем. Целесообразна проверка должного исполнения действующего законодательства в части охраны, передачи и сбора персональных данных. Ежегодно EC3 публикует оценку угрозы организованной преступности в интернете (ИОСТА), свой флагманский стратегический доклад о ключевых выводах и новых угрозах, событиях в области киберпреступности [20].

В докладе основное внимание уделяется областям преступности, которые подпадают под мандат ЕСЗ. В настоящее время в цикле политики ЕС-влияния определены приоритеты киберпреступности: киберзависимая преступность, детская сексуальная эксплуатация в режиме онлайн, платежное мошенничество.

Киберзависимая преступность включает в себя:

- 1) использование бот-сетей — сетей устройств, зараженных вредоносными программами без ведома их пользователей, для передачи вирусов, которые получают незаконный удаленный контроль над устройствами, крадут пароли и отключают антивирусную защиту;
- 2) создание «задних дверей» на скомпрометированных устройствах для обеспечения кражи денег и данных или удаленного доступа к устройствам в целях создания бот-сетей;
- 3) создание онлайн-форумов для обмена опытом в области хакерства;
- 4) пуленепробиваемый хостинг и создание антивирусных сервисов;
- 5) отмывание традиционных и виртуальных валют;
- 6) совершение мошенничества в интернете, например, с помощью систем онлайн-платежей, карточных и социальных сетей;
- 7) различные формы сексуальной эксплуатации детей в интернете, включая распространение материалов о сексуальном насилии над детьми и прямую трансляцию сексуальных надругательств над детьми;
- 8) онлайн-хостинг операций, связанных с продажей оружия, поддельных паспортов, поддельных и клонированных кредитных карт, наркотиков и услуг по взлому.

В области сексуальной эксплуатации детей Европол выявил следующие ключевые угрозы: 1) одноранговые (P2P) сети и анонимный доступ, такие сети, как Darknet (например, Tor), т. е. компьютерные среды остаются основной платформой для доступа к материалам о жестоком обращении с детьми и основными средствами некоммерческого распространения; 2) прямая трансляция сексуального насилия над детьми. В подразделении Европола — Internet Organised Crime Threat Assessment (ИОСТА) — дана оценка угроз организованной преступности в интернете, рассматривается дополнительная криминальная область — криминальные онлайн-рынки, как на поверхности сети, так и на Darknet. Это относится и к конвергенции терроризма и кибертерроризма.

Другим типичным направлением деятельности ИОСТА являются междисциплинарные факторы, способствующие преступности, факторы, которые охватывают более чем одну область преступности, но не обязательно сами по себе являются преступными. Эти средства включают в себя:

- 1) фишинг (smishing);
- 2) компромисс деловой почты;
- 3) пуленепробиваемый хостинг;
- 4) инструменты анонимизации;
- 5) преступное злоупотребление криптовалютой;
- 6) деньги (более 90 % транзакций денежных мулов связаны с киберпреступностью).

Нелегально полученные деньги часто поступают от фишинга, атак с использованием вредоносных программ, мошенничества на онлайн-аукционах, мошенничества с электронной почтой (bec) и мошенничества с бронированием, в том числе праздников, путешествий.

К одним из существенных нарушений, позволяющих совершать киберпреступления, относятся:

- 1) неконтролируемый допуск сотрудников к компьютерной информации;
- 2) использование сотрудниками личных USB-флеш-накопителей;
- 3) бесконтрольность за компьютерами, содержащими информацию о персональных данных;
- 4) использование в организациях компьютеров, не имеющих контрольной защиты, должных антивирусных программ;
- 5) несовершенство парольной системы защиты от несанкционированного доступа к рабочей станции и ее программному обеспечению, не обеспечивающей достоверную идентификацию пользователя;
- 6) использование при работе с базами данных сохраненных паролей;
- 7) отсутствие должных проверок соблюдения режима секретности;
- 8) отсутствие договоров с сотрудниками (расписок) о неразглашении данных, ставших известными при работе с компьютерной информацией, персональными данными, коммерческой или служебной тайной, либо иной конфиденциальной информацией;
- 9) все сотрудники, имеющие доступ к персональным данным, информации, содержащей коммерческую, служебную или иную, охраняемую законом тайну, должны проходить инструктаж с разъяснением ответственности за несоблюдение порядка работы с такими сведениями.

В качестве криминалистических мер противодействия киберпреступлениям выступают:

- 1) использование в расследовании последних научных достижений;
- 2) совершенствование теории доказательств, позволяющих признать доказательством не только вещественные доказательства и документированную информацию, но и виртуальную, электронную информацию;
- 3) создание единых баз, позволяющих идентифицировать лиц, совершающих киберпреступления.

В соответствии с циклом противодействия киберпреступности ЕСЗ предложил несколько приоритетных направлений на период 2018–2021 гг.:

- 1) пресечение преступной деятельности, связанной с информационными системами, особенно теми, которые следуют бизнес-модели Crime-as-a-Service и работают в качестве стимуляторов для онлайн-преступности;
- 2) противодействие сексуальному насилию над детьми и сексуальной эксплуатации детей, включая производство и распространение материалов о жестоком обращении с детьми;
- 3) противодействие преступникам, практикующим мошенничество и подделку безналичных платежных средств, в том числе противодействие крупномасштабному мошенничеству с платежными картами, устранению угроз безналичным платежным системам.

Единообразная практика расследования и использование научных достижений в ходе пресечения, выявления и расследования преступлений позволят своевременно установить лицо, совершившее преступление, и привлечь его к уголовной ответственности. Неизбежность наказания обеспечит не только сокращение преступлений, но и поможет защитить высшую ценность государства — права и законные интересы человека.

Таким образом, способы противодействия киберпреступлениям состоят из профилактики, своевременного выявления и расследования данных преступлений, а также своевременного и неотвратимого наказания виновных. Цифровая экономика (экономическая деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровой форме), несмотря на ее широкое распространение в различных сферах, в России не имеет должного правового регулирования. Существующие за-

коны, программы развития, стратегии помогают лишь определить некоторые направления первоначального пути. К существенным проблемам относятся защита персональных данных, имущества, надлежащее регулирование правил торговли, налоговое регулирование доходов, полученных в результате деятельности в интернет-среде, определение места криптовалюты в национальной валюте.

Сложность законодательного закрепления норм в этой сфере заключается в необходимости обеспечения единообразного понимания основных определений цифровой экономики. Обеспечение безопасности в информационном пространстве требует особого внимания со стороны всех государств, поскольку киберпреступность — глобальная угроза национальным интересам каждой страны. Своевременное изучение методов, причин и условий киберпреступности, разработка методов развития и укрепления материально-технической базы кибербезопасности, качественная подготовка сотрудников правоохранительных органов, готовых и способных обеспечить такую безопасность, могут быть достигнуты следующим образом:

- 1) совершенствовать информационные ресурсы (информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления), позволяющие своевременно выявлять, предупреждать и устранять последствия компьютерных атак;
- 2) обеспечить повышение квалификации сотрудников и должностных лиц, в обязанности которых входит выявление, предупреждение, раскрытие, расследование и ликвидация последствий кибератак;
- 3) разработать на международном уровне единые способы реагирования на выявленные факты кибератак; установить формы взаимодействия для обеспечения своевременного предупреждения.

Итак, анализ действующего законодательства РФ в области цифровой экономики и защиты персональных данных показывает необходимость фундаментальных работ на стыке многих фундаментальных наук: экономики (выделение обязательных условий для должного развития всех систем в условиях цифровой трансформации), гражданского права (изменение подхода к предмету гражданских прав), информационных технологий (формирование единых правил взаимодействия в рамках технологического прогресса), уголовного права (изучение влияния на институты Общей части причинения вреда с использованием искусственного интеллекта, особенностей предмета хищения при признании виртуальных денег в перечне имущества), уголовного процесса (существенное изменение института доказательств и способов доказывания), экономической социологии (изучение готовности общества к трансформации экономики), криминологии (виктимологические особенности, личность преступника и профилактика преступлений в сфере цифровой экономики), криминалистики (технические разработки по выявлению, пресечению и расследованию преступлений рассматриваемой категории) и др.

Сложности правового регулирования предопределены отсутствием единого подхода к отдельным институтам гражданского права, новых управленческих моделей, а также методов и способов прогнозирования новых цифровых платформ. Скорость технического прогресса и возможности интернет-ресурсов не позволяют своевременно выработать алгоритм защиты и контроля за качеством сделок, соответствием условий к сторонам договора. Все это приводит к новым способам совершения преступлений и отсутствию возможности привлечения виновных к уголовной ответственности. На законодательном уровне должны быть разработаны единые правила противодействия киберпреступлениям, требования к гражданско-правовым сделкам, а также стимулирование мотивации образования населения и повышения уровня правовой, технической грамотности.

Литература

1. О персональных данных [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152 (в ред. 24 апреля 2020 г.) // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 20.08.2020).
2. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 351-1 (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 (дата обращения: 12.08.2020).
3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) [Электронный ресурс]: федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (с изм. и доп. от 20 июля 2020 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 12.08.2020).
4. О национальной платежной системе [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (с изм. и доп. от 20 июля 2020 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 21.08.2020).
5. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 20.07.2020).
6. Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.09.2020).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 г. (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.08.2020).
8. О персональных данных [Электронный ресурс]: модельный закон: принят в г. Санкт-Петербурге 29 ноября 2018 г. постановлением 48-9 на 48-ом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=54461#03396751247025789> (дата обращения: 20.08.2020).
9. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12123778/> (дата обращения: 20.08.2020).
10. Дополнительный протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем ETS № 189 (Страсбург, 28 января 2003 г.) [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/4084840/> (дата обращения: 21.07.2020).
11. В отношении обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторе электронных средств связи [Электронный ресурс]: директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2002/58/ЕС (Директива о конфиденциальности и электронных средствах связи): принята в Брюсселе 12 июля 2002 г. (с изм. и доп. от 25 ноября 2009 г.) // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2570354/> (дата обращения: 24.07.2020).
12. Об атаках на информационные системы и о замене Рамочного решения 2005/222/ПВД Совета Европейского союза [Электронный ресурс]: директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2013/40/ЕС от 12 августа 2013 г. // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70557982/> (дата обращения: 25.07.2020).
13. О противодействии мошенничеству и подделке безналичных платежных средств [Электронный ресурс]: рамочное решение Совета Европейского союза 2001/413/JHA от 28 мая 2001 г. // О J L 149. 2001. 2 июня. С. 1–4.

14. Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019–2021 гг. [Электронный ресурс] // Центральный банк РФ. 2019. 26 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/83253/onrib_2021.pdf (дата обращения: 24.07.2020).
15. Гончар В. В., Захаров Д. Н. Вопросы совершенствования деятельности правоохранительных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию киберпреступлений в финансовой сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 177–180. DOI 10.24411/2073-0454-2019-10160
16. Хрусталева Е. Ю., Костюрин Г. А. Киберугрозы: причины и рекомендации по предотвращению // Национальные интересы и безопасность. 2019. Т. 15. № 6 (375). С. 1185–1194. DOI: 10.24891/ni.15.6.1185
17. Пракаш С. У., Новианди Нур П. Е. Анализ кибершпионажа в международном праве и индонезийском праве // Обзоры гуманитарных и социальных наук. 2019. Т. 7. № 3. С. 38–44.
18. Фурнелл С., Дуулинг С. Киберпреступность: портрет ландшафта // Журнал криминологических исследований, политики и практики. 2019. Т. 5. № 1. С. 13–26.
19. Сухаренко А. Противодействие киберугрозам в России: состояние, динамика и тенденции // Диалог: политика, право, экономика. 2018. № 2 (9). С. 26–35.
20. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) // Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment/> (дата обращения: 21.08.2020).

Аксенова М. С., Черных А. Б.

Актуальные проблемы переселения соотечественников — иностранных граждан на территорию России

*Aksenova M. S., Chernykh A. B. Current Problems of Relocation
of Compatriots-Foreign Citizens to the Territory of Russia*

В статье освещаются правовые вопросы возвращения соотечественников после развала Советского Союза в 1991 г., когда многие граждане бывшего СССР русского происхождения оказались отделены от исторической родины и были лишены возможности вернуться на родную землю. Особое внимание уделено проблеме выявления пробелов законодательства, связанных с возвращением соотечественников — иностранных граждан на территорию Российской Федерации (РФ). Внесены предложения по их устранению.

Ключевые слова: миграция, возвращение соотечественников, соотечественники — иностранные граждане, получение гражданства Российской Федерации (РФ).

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 575-11-24; e-mail: a.chernyh@spbacu.ru.

The article highlights the legal issues of the return of compatriots after the collapse of the Soviet Union in 1991, when many citizens of the former USSR of Russian origin were separated from their historical homeland and were deprived of the opportunity to return to it. Particular attention is paid to identifying legislative gaps regarding the return of compatriots-foreign citizens to the territory of the Russian Federation and making proposals to address them.

Keywords: migration, return of compatriots, compatriots-foreign citizens, obtaining citizenship of the Russian Federation.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 575-11-24; e-mail: a.chernyh@spbacu.ru.

29 декабря 1922 г. образован Союз Советских Социалистических Республик (СССР) путем объединения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), в которую частично входили территории Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Белоруссии, Армении, Грузии, Азербайджана и других стран нынешнего ближнего зарубежья. В преамбуле Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 г. утверждается: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — равноправная республика в составе Союза Советских Социалистических Республик, который олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает все нации и народности для совместного строительства коммунизма» [1]. Это дает нам основания предполагать, что народ, населявший СССР, подвергался ограниченной пределами государства глобализации

Аксенова Мария Сергеевна — студент кафедры конституционного и международного права Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Черных Антонина Борисовна — доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук.

© Аксенова М. С., Черных А. Б., 2020

и смешению культур, что привело к самоопределению народов как одного единого советского народа.

Ряд исследователей отмечают, что весь XX в. для народов СССР был веком интенсивной, жестокой и хаотичной глобализации и индустриализации. Массовая добровольная миграция, а в некоторых случаях — принудительная, на территории СССР была вызвана сначала развитием сельского хозяйства с 1887 по 1916 г. (люди переселялись на Дальний Восток, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан), освоением целинных земель в Казахстане и Западной Сибири в 50-е гг. XX в., Великой Отечественной войной, бегством населения от репрессий после революции и развитием промышленности [2].

С развалом Советского Союза в 1991 г. многие оказались отделены от исторической родины и были лишены возможности вернуться на родную землю. В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 62 от 31 мая 2002 г. «О гражданстве Российской Федерации» гражданство РФ — устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. При этом данное определение можно назвать слишком абстрактным, так как вид на жительство, который в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» является лишь документом, выданным иностранному гражданину или лицу без гражданства в подтверждение их права на постоянное проживание в России, а также их права на свободный выезд из России и въезд в Россию, подтверждает устойчивую правовую связь. При этом оба статуса intersубъективны, то есть лицо считается гражданином России после принесения присяги, а имеющим вид на жительство — после принятия решения о выдаче вида на жительство, но не получения на руки его или паспорта.

С 28 ноября 1991 г., с принятием Закона РФ № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации», законодательство в области приобретения той самой устойчивой связи с государством, порождающей взаимные права и обязанности, и путей ее получения усовершенствовано с учетом особенного культурно-социального положения соотечественников, которые стали гражданами других государств по независящим от них обстоятельствам.

Соотечественниками, согласно современному законодательству, считаются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии. Соотечественниками признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории РФ и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим в России, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Россией. К ним относятся лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории РФ, в том числе:

- лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;
- выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства [3].

Соотечественники — иностранные граждане переселяются на территорию РФ из разных соображений, в том числе ввиду желания повысить уровень жизни, восстановить общение с семьей, раскрыть потенциал и повысить профессиональные навыки, сменить климат. Независимо от причин, побудивших их к пересе-

лению на территорию России, они сталкиваются с рядом дополнительных трудностей при попытках получить гражданство РФ. Для этого им необходимо получить сначала либо разрешение на временное проживание, либо вид на жительство.

Для получения разрешения на временное проживание у гражданина, которому это необходимо, должно быть соответствующее основание. Если говорить о соотечественниках в контексте указанного нами ранее определения данного понятия, то наиболее подходящими для них основаниями могут, например, быть следующие: брак с гражданином РФ, участие в Программе переселения соотечественников, наличие диплома об окончании образовательной программы, имеющей аккредитацию, в государственном образовательном учреждении, а главное условие — наличие гражданства государства, которое ранее входило в состав СССР.

Если говорить о получении разрешения на временное проживание с учетом диплома, то такое основание актуально только для соотечественников. Дополнительно отметим, что данное основание появилось лишь 2 ноября 2019 г. вместе с Федеральным законом № 257 «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части упрощения порядка предоставления некоторым категориям иностранных граждан и лиц без гражданства разрешения на временное проживание и вида на жительство». До вступления этого Федерального закона в силу разрешение на временное проживание могли получить лишь иностранные граждане, которые имели нетрудоспособных родителей — граждан РФ, несовершеннолетних детей — граждан РФ или по браку. Иными словами, если родителям — гражданам России было меньше 55 лет (для женщин) и 60 лет (для мужчин), то получение возможности проживания на территории РФ допускалось лишь на основании получения патента. При получении патента многие до сих пор сталкиваются с трудностями, связанными с его стоимостью (сегодня она составляет 3 993 руб. ежемесячно) либо с подачей заявления на квоту, которая выделяется, например, в Санкт-Петербурге раз в год (в январе). Всего таких квот в указанном городе — 1 500, а иностранных граждан, у которых родители — граждане России, не достигшие пенсионного возраста, значительно больше. Важно учитывать, что квоты распределяются не только среди иностранных граждан по этому основанию и не только среди соотечественников, а также среди иностранных граждан из визовых стран, таких как США, Германия, Канада и других. До недавнего времени отсутствовало такое основание, как получение разрешения на временное проживание гражданами Украины, которые признаны беженцами или получили временное убежище, хотя уже по состоянию на 2014 г. они в этом нуждались.

В связи с вышеуказанными положениями и ввиду несвоевременного обновления законодательства многие соотечественники — иностранные граждане были вынуждены находиться на территории РФ незаконно, что могло повлечь в каждом случае запрет на въезд. Так, например, два административных штрафа могут являться основанием для постановки запрета на въезд в соответствии с ч. 11 ст. 27 Федерального закона № 114 от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». При этом административные штрафы могут быть получены лицом и за незначительное превышение скорости, и в случае если водитель не остановился, когда пешеход наступил на пешеходный переход, что, по мнению автора, в данном аспекте рассмотрения проблемы вспоможения при возвращении соотечественников на родину выступает, скорее, как фактор, мешающий, тормозящий процесс.

В настоящее время с учетом поправок можно получить вид на жительство при наличии родителей/детей (независимо от их возраста) с регистрацией по месту жительства, на основании диплома об окончании образовательного учреж-

дения с отличием, после полугода работы по одной из профессий иностранных граждан — квалифицированных специалистов, имеющих право на прием в гражданство в упрощенном порядке. Но с появлением данных оснований возникает и немало противоречий. Так, предположим, что иностранный (иностранная) гражданин (гражданка) сожительствует с гражданкой (гражданином) РФ и у них рождается второй ребенок — гражданин России. Мать не указывает отца в свидетельстве о рождении и ею не получено свидетельство об установлении отцовства. Отец, в свою очередь, не может получить вид на жительство для легального нахождения с семьей, так как свидетельство о рождении, даже если он там и указан, является лишь документом, подтверждающим родственную связь матери и ребенка, но не отца и ребенка. С нашей точки зрения, данная ситуация трудноразрешима при настоящем состоянии законодательного закрепления.

Полагаем, целесообразно внести предложение о введении третьего состояния семейного положения — сожительства, которое будет регистрироваться нотариусом и подтверждать родственные отношения между лицами, при этом не наделяя их объемом прав и обязанностей, предусмотренным браком. Свидетельство о сожительстве в сочетании со свидетельством о рождении будет подтверждать отцовство, наделять его обязанностями по отношению к ребенку и по отношению к сожительнице, но неимущественного характера. Например, заявление о регистрации сожительства может быть подано за семь дней, в то время как заявление на регистрацию брака можно подать лишь за месяц. Уместно, как нам кажется, провести аналогию с практикой Греции, где люди противоположного пола имеют право заключить договор о сожительстве (*σύμφωνο συμβίωσης*) и зарегистрировать его у нотариуса. Затем данный договор подлежит регистрации в органах записи актов гражданского состояния. Такой документ дает право иностранным гражданам в Греции получить вид на жительство и подтверждает родственную связь между отцом и ребенком со всеми вытекающими правами и обязанностями. Данный вопрос урегулирован Гражданским кодексом Греции и законом 3719/2008 [6].

Если детально рассматривать такую возможность получения разрешения на временное проживание, как образование, полученное в РФ, то поправки о получении разрешения на временное проживание и вида на жительство по окончании государственного образовательного учреждения (в том числе по окончании обучения в учреждении высшего образования по очной форме с дипломом с отличием) при наличии гражданства страны, входившей ранее в состав СССР, на наш взгляд, стоит дополнить существенным положением. В частности, о необходимости высшего или среднего образования, полученного в РСФСР, осуществления трудовой деятельности по данной специальности в течение 5 лет в государстве, входившем в состав СССР, на момент обращения с заявлением (без привязки к Российской Федерации, существующей с 1991 г.). Посредством реализации описанного механизма будет возможность облегчить получение разрешения на временное проживание и вида на жительство для квалифицированных специалистов с опытом работы, связавших свою жизнь с Россией. Это могло бы быть основанием для получения срочного вида на жительство (в то время как сегодня он — бессрочный), привязанного к трудовому договору и существующего по принципу патента на работу, но с меньшей стоимостью. Через полгода работы вид на жительство может стать бессрочным. В этом проекте объединены статус высококвалифицированного специалиста без ограничения в заработной плате и отсутствует конкретная привязка к формулировкам из приказа Минтруда России от 25 ноября 2019 г. № 734н. При этом данный механизм предполагает наличие и сдерживающих факторов в виде срочности и необходимости оплаты, что не по-

зволит государству потерять прибыль от патентов, а иностранным гражданам пользоваться такими льготами, как бесплатная медицина.

Еще один выход для иностранных граждан, оказавшихся в сложной ситуации, — программа носителей русского языка, которая регламентирована ст. 33.1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62 «О гражданстве Российской Федерации». Иностранные граждане могут получить статус носителя русского языка, если они или их родственники по прямой восходящей линии постоянно проживают (ранее постоянно проживали) на территории РФ либо на территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах Государственной границы Российской Федерации [4]. Данные лица должны владеть русским языком и повседневно использовать его в семейно-бытовой и культурной сферах.

Соответствующее основание также может быть подвергнуто критике с точки зрения указанных выше исторических фактов, так как, во-первых, в СССР русский язык был государственным, и им владели почти все. До сих пор соотечественники постсоветского пространства общаются на русском языке и используют его в быту. Бессмысленной кажется привязка к нынешней границе России, поскольку в состав территории РСФСР и Российской империи частично входили территории некоторых государств, например, Узбекистана.

Правила проведения комиссии по признанию носителем русского языка установлены Приказом МВД России от 28 сентября 2017 г. № 738, где установлено, что именно должна подтвердить комиссия: понимать и уметь интерпретировать любые тексты на любую тематику (художественные, технические и т. д.), понимать содержание радио- и телепередач, кинофильмов, свободно воспринимая эмоциональные и социально-культурные особенности речи говорящих, демонстрировать знание языковой системы [5]. Вместе с тем порядок установления этих фактов не регламентирован, что не только ставит иностранных граждан в безвыходное положение, но и может оказаться коррупционной составляющей, учитывая, что все неурегулированные сферы могут быть почвой для коррупции [7].

Список документов для признания иностранного гражданина-носителя русского языка четко регламентирован. В частности, требуются документы, подтверждающие родственную связь с родственниками по прямой восходящей линии, проживавшими на территории России на момент существования РСФСР или Российской Империи, и документы, подтверждающие факт проживания (архивные справки, военные билеты и т. д.). Данную систему, по мнению авторов, возможно и необходимо упрощать, например, позволив предоставлять оригинал документа, подтверждающего национальность родственников по прямой восходящей линии, как это делают сегодня, например, в Израиле.

Подводя итоги, можно утверждать, что добровольная, иногда вынужденная миграция внутри СССР и объединение народов с одной идеологией привели к общему самоопределению — советскому [8]. Это породило единую культурную и языковую базу, что отражается в действующем законодательстве и проявляется в определении понятия «соотечественники». В связи с несвоевременным обновлением законодательства многие иностранные граждане были вынуждены находиться на территории России незаконно, не могли получить разрешение на временное проживание и вид на жительство. Выход из этого положения для них затруднителен. Решением для иностранных граждан-соотечественников, имеющих близких родственников — граждан России, но не зарегистрировавших свои отношения, может быть введение в действующее законодательство по аналогии с Грецией третьей формы семейного положения — сожительства.

Для решения вопросов, связанных с пробелами в законодательстве в отношении иностранных граждан с высокой квалификацией [9], также вносится решение в виде

введения временного платного вида на жительство, требующего высшего или среднего специального образования, полученного в РСФСР, и стажа работы по специальности. Данное предложение учитывает как интересы иностранного гражданина-соотечественника, так и государства. Одним из способов получения документов, позволяющих жить и работать на территории РФ, является получение статуса носителя русского языка. Однако порядок его получения не регламентирован, что является, с нашей точки зрения, возможной коррупционной составляющей.

С учетом вышеизложенного целесообразно, на наш взгляд, внести предложение о регламентировании процедуры проведения собеседования комиссией и дополнении в форме такого основания, как национальная принадлежность родственников по прямой восходящей линии в оригиналах документов, по аналогии с порядком приобретения гражданства в Израиле. Данные изменения позволят расширить права иностранных граждан на самоопределение и неприкосновенность частной и семейной жизни.

Литература

1. Конституция (Основной закон) РСФСР: принята ВС РСФСР 12 апреля 1978 г. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Зайончковская Ж. А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 1–15.
3. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федер. закон № 99 от 24 мая 1999 г. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
4. О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 26.07.2019). Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Порядка формирования и работы комиссий по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка, требований к специалистам, входящим в состав комиссии по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка, Правил проведения комиссией по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка собеседования с иностранным гражданином или лицом без гражданства, требований к форме заявления о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка и к форме решения комиссии по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка: приказ МВД России от 28 сентября 2017 г. № 738. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Ухова Е. Договор сожительства // Афинский курьер. 2015. 26 февраля.
7. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Якобсон А. Я., Черных А. Б., Ивановский А. В. Мигранты на рынке труда: социологические и управленческие аспекты // Вестник Уфимского государственного университета экономики и сервиса. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2016. № 2 (16). С. 144–150.
9. Черных А. Б. Влияние миграции на социокультурное развитие региона // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Гилем, 2015. С. 301–304.

Краснова Н. Е.

Правовая характеристика нормативных актов и исторические аспекты развития процесса привлечения несовершеннолетних к административной ответственности в СССР

***Krasnova N. E. Legal Characteristics of Regulatory Acts and Historical Aspects
of the Development of Attracting Minors to Administrative Liability in the USSR***

В статье рассмотрены основные аспекты становления и развития государственной системы борьбы с административными преступлениями несовершеннолетних в СССР. Проанализированы положения первостепенного значения в ювенальном праве, изучены последовательные действия предотвращения халатности и административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, и защиты их прав. В заключение сделан вывод о том, что такие административные правонарушения наносят вред и несовершеннолетним, и обществу, затрагивают социальные, моральные и идеологические аспекты.

Ключевые слова: административные правонарушения, совершенные несовершеннолетними; историческое становление системы профилактики административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними; этапы развития законодательства о несовершеннолетних, комиссии для несовершеннолетних, детские комнаты милиции.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-15; e-mail: krasnova-natasha@mail.ru.

This research study examines the key aspects of the formation and development of the state system to combat administrative offenses of minors in the USSR. The main provisions of juvenile law were also studied, the links in the chain of prevention of neglect and administrative offenses of minors and the protection of their rights were reflected. As a result, we come to the conclusion that administrative offenses by minors bring harm both to the minors themselves and to society. Administrative offenses affect the social, moral and ideological aspects.

Keywords: administrative offenses of minors; historical development of the system for the prevention of administrative offenses of minors; stages of development of legislation on minors; commissions for minors; children's rooms of the police.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 451-19-15; e-mail: krasnova-natasha@mail.ru.

Уголовная политика в административном и уголовно-правовом ведомстве определялась идеологической составляющей государства. Программа Коммунистической партии, действовавшая в 1919 г., провозгласила, что систему наказания несовершеннолетних необходимо заменить системой воспитательных мероприятий. Было объявлено, что такая мера усилит воспитательное воздействие на несовершеннолетних, заменит наказание с применением тюремного заключения.

Социальной инспекцией детская милиция по делам несовершеннолетних стала называться после первого Всероссийского съезда по борьбе с беспризорностью несовершеннолетних. Постановлением Совнаркома были созданы детские соци-

Краснова Наталья Евгеньевна — аспирант кафедры административного права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Краснова Н. Е., 2020

альные инспекции, что стало отправной точкой для возникновения системы специализированных органов по профилактике административных правонарушений среди несовершеннолетних. Инспекторы по социальной работе проводили методы по задержанию таких правонарушителей и передавали их в центры приема и распределения. Несовершеннолетние попадали в приемники и распределители с целью удаления их из неблагополучной среды, и дальнейшая судьба решалась после исследования их личности [1, с. 12].

Таким образом, на первом этапе деятельности советской власти, в период восстановления после Гражданской войны, создана специальная система органов по предупреждению административных правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних. Данный подход, на наш взгляд, наиболее эффективен в системе перевоспитания несовершеннолетних с учетом возрастных особенностей личности. Вместе с тем сегодня образовательные цели могут использоваться вместо заключения несовершеннолетних, что следует рассматривать в единой связке с традиционными (постсоветскими) технологиями, которые в значительной степени подавляются в отношении преступности несовершеннолетних и предотвращения карательного уголовного производства. Для оценки эффективности административной системы правосудия целесообразно сравнить рост преступности среди несовершеннолетних, которому присущ рост (повторяющихся) преступлений и увеличение количества несовершеннолетних, неоднократно отбывающих наказание в колониях, чтобы быть уверенным в полной неэффективности используемых процедур для несовершеннолетних с девиантным поведением.

Комиссии по делам несовершеннолетних долгое время были важным звеном в системе предупреждения преступности несовершеннолетних. На время работы комиссионных групп предоставляли штат педагогов-обследователей. Ядром работы этих специалистов было детальное и тщательное обследование подростков, совершивших административные правонарушения и преступления. По результатам опроса предоставляли подробные и правильные рекомендации по работе с несовершеннолетними правонарушителями.

Детей до 16 лет отправляли в детские приемные отделения. Для педагогического перевоспитания с несовершеннолетними правонарушителями работали социальные инспекторы, врачи и педагоги. Людям, работающим с данной категорией правонарушителей, запрещалось иметь знаки различия на одежде и оружие. Сотрудники данного центра проходили специальную педагогическую подготовку [2].

Освободившиеся из мест лишения свободы жили в специальных общежитиях, где их социализировали, оказывали помощь в поиске работы и в отправке домой. Они получали питание и выполняли общественно полезную работу [3].

На наш взгляд, распределение и контроль за трудоустройством несовершеннолетних после заключения — грамотный подход к перевоспитанию молодежи того времени. Сегодня этот метод принес бы большую отдачу с точки зрения повышения благосостояния общества в целом. Бывшие заключенные подростки были бы заинтересованы в сохранении своих рабочих мест и зарабатывании средств к существованию при условии строгого контроля со стороны работодателей в отношении сотрудников.

В 1920 г. вышло постановление «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» [4]. В этом постановлении отражены основы системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. В регламенте прописаны полномочия комиссий и судов, их значение и контролирующая роль комиссий, которая регламентировала пределы их полномочий. Значение регламента заключается в том, что улучшается воздействие на правовом уровне на

ситуацию, которая создает тревожное поведение. В то время все комиссии по социальной защите, помощи и социального образования детей относились к одному отделу — Народному комиссариату просвещения [5].

Основные принципы борьбы с преступностью несовершеннолетних в конце 1920-х гг. находились на пути к изменению. Кроме того, противоречива ситуация в области социальной и правовой защиты несовершеннолетних и социальной профилактики административных правонарушений среди них. Одновременно с положительными изменениями, зафиксированными в деятельности такого звена в системе, как нарушение и защита прав несовершеннолетних, накопился ряд организационно-правовых проблем: дефицит кадров, низкий профессиональный уровень, плохое материальное обеспечение, трудности в единообразном применении законодательства и т. д. Сочетание этих недостатков не позволяло контролировать и адекватно реагировать на все негативные события в подростковой среде, создавало предпосылки для постепенного установления негативной общественной оценки деятельности комиссии.

К сожалению, в середине 1930-х гг. несовместимость социализма с преступностью несовершеннолетних объявлена деструктивным фактором. Меры по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних начинают подрывать образовательный уровень, а наказания становятся все жестче. Предприняты в этот период усилия по ускорению искоренения преступности среди несовершеннолетних, реорганизована правовая система по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних: упразднены судебный процесс по делам несовершеннолетних и Комиссия социальной помощи детям (17 июля 1929 г. Совет народных комиссаров РСФСР возложил только инспекционные функции на полицию) [6]; исправительные учреждения переданы в Народный комиссариат внутренних дел СССР; расширена сеть рабочих колоний, изоляторов и приемников для несовершеннолетних.

С 1931 по 1933 г. созданы кабинеты для приема детей, в которые доставляли бездомных несовершеннолетних органы полиции. Эти кабинеты образованы органами НКВД СССР. Они стали прообразом современных инспекций. Детей больше не перевоспитывали, по сути, данные приемники представляли собой карцер. Практическое применение в отмене приговора к лишению свободы несовершеннолетних общими судами зафиксировать не удалось. К сожалению, после закрытия комиссий никаких органов по решению проблем с безнадзорностью и преступностью среди несовершеннолетних не создано. Исключение составляли отделения трудного детства в государственных образовательных учреждениях, в которых не было профессиональных сотрудников по решению соответствующих проблем.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. совершила переворот в мыслях органов власти, занимавшихся вопросами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Во время войны появилось большое количество детей, оставшихся без родителей, и на фоне замены уголовного наказания воспитательными мерами были вновь организованы комиссии, которые размещали детей в детские дома и семьи рабочих, трудоустраивали их и материально помогали [7, с. 37].

1960-е гг. считаются началом создания комиссий по делам несовершеннолетних. Процесс издания законодательных актов на основе уголовного закона и основ уголовно-процессуального права СССР внес значительные коррективы в правовое положение несовершеннолетних: повышение предельного возраста уголовной ответственности подростков; расширение перечня мер, не связанных с тюремным заключением; гуманизация назначения и исполнения приговоров [8].

Цель суда заключалась в создании таких контролирующих органов, которые давали бы право суду не применять уголовное наказание, а только воспитательно-принудительные меры для детей, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности. Комиссии, созданные до начала 60-х гг. были не в полной мере функциональны в работе с несовершеннолетними детьми. Существенная проблема того времени — недоработка законодательно-правовой базы, а также ограничение их прав.

Поэтому на основании Указа Верховного Совета СССР от 26 августа 1967 г. внесли коррективы в уголовный закон, расширили ряд функций комиссий по делам несовершеннолетних, которые дополнялись организацией, координацией и мониторингом. 17 декабря 1968 г. Коллегия МВД СССР совместно с Бюро ЦК ВЛКСМ приняли постановление «О совместной работе комсомольских организаций и органов МВД СССР в целях предупреждения безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних». В 1974 г. постановлением ЦК ВЛКСМ от 5 ноября разработано и утверждено Положение о действующих комсомольских отрядах дружинников, которые сотрудничали с органами внутренних дел, прокуратурой, судами, комиссиями по делам несовершеннолетних и юстициями. Их работа целиком была направлена на борьбу с преступностью [5].

В 1970 г. разработано и утверждено положение о педагоге-организаторе, регламентирующее организацию воспитательной работы по месту жительства педагогами-организаторами в молодежных клубах для детей и подростков. Для них были организованы спортивные секции, клубы по интересам. Борьбу с безнадзорностью несовершеннолетних и административных правонарушений и преступлений по-прежнему осуществляли созданные в 1940 г. центральными органами власти детские комнаты милиции, которые в Советское время были изменены. Среди принятых нормативных документов того периода, регламентирующих деятельность по этому вопросу, следующие: Приказ МВД РСФСР № 285 от 5 июля 1961 г. [9] «Об изменении организации работы по борьбе с преступностью несовершеннолетних и безнадзорностью детей», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 г. «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Для улучшения работы по предупреждению преступлений и правонарушений, работы уголовного розыска горрайлинорганов в каждом отделе милиции с 1973 г. стали организовывать детские комнаты, а в 1974 г. — создавать отделы по управлению этими комнатами, чтобы улучшить их деятельность [10].

Итак, в советскую эпоху работа ведомств, направленная на решение проблем профилактики и предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних, носила системный характер. Главное, что профилактические мероприятия были публичными и некоммерческими. В целях социализации несовершеннолетних были охвачены многочисленные сферы, такие как культурные, воспитательные, этические, спортивные, патриотические и многие другие. Их задача — полное перевоспитание детей, вставших на преступный путь. Работа была направлена как на группы, так и индивидуально [11].

Итак, можно сделать вывод о том, что государственная политика по предупреждению безнадзорности и административных правонарушений выделила эту категорию правонарушителей в отдельную систему государственных органов [12]. Исходя из исторического анализа, пик развития работы с несовершеннолетними беспризорниками и преступниками пришелся на советский период, когда идеология борьбы с преступностью приняла особое значение. Репрессии администра-

тивного и уголовного характера являлись основными средствами борьбы с преступлениями и правонарушениями несовершеннолетних. В этот период одними из основных мер по предупреждению преступности стало воспитание детей [13]. Во время формирования рыночной системы и новой экономики государственная система по профилактике преступности несовершеннолетних практически полностью исчезла [14].

Социально-профилактическую работу в 1990-е гг. возложили на отделы органов внутренних дел по делам несовершеннолетних. Невольно возникает вопрос о том, обладают ли сегодня такие отделы в полной мере возможностями для работы в современных условиях и предусмотрены ли все резервы в законодательстве для предупреждения, пресечения правонарушений несовершеннолетних.

Литература

1. Миньковский Г. М., Тузов А. П. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетия. Киев: Политиздат Украины, 1987. 213 с.
2. О детской социальной инспекции: декрет Совнаркома от 23 сентября 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 66. Ст. 506.
3. Куфаев В. М. Учреждение социально-правовой охраны несовершеннолетних. М.: Новая Москва, 1925. 95 с.
4. О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях: декрет Совнаркома от 4 марта 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 13. Ст. 83.
5. О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности: постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. // Собрание законов СССР. 1935. № 32. Ст. 252.
6. Об изменении ст. 6 утвержденного Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров РСФСР 18 июля 1927 г. Положения о порядке привлечения населения к трудовой и транспортной повинности: постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 19 августа 1929 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1929. № 65. Ст. 636.
7. Миньковский Г. М. Основные этапы развития советской системы мер борьбы с преступностью несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. 1967. № 6. С. 37–74.
8. Андрюхина Н. Г. Становление и развитие органов предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского городского юридического института. 2006. № 1. С. 78–81.
9. Куфаев В. И. Из опыта работы комиссий по делам несовершеннолетних в период 1918–1935 гг. // Вопросы криминалистики. 1964. № 11. С. 89–109.
10. Ведерникова О. Ювенальная юстиция: исторический опыт и перспективы // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 51–52.
11. Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних (теоретическое введение в изучение спецкурса): учеб. пособие. М.: Изд-во Высшей школы МВД СССР, 1970. 125 с.
12. Бабаев М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1968. 120 с.
13. Лубоносова А. Э. Роль государства в профилактике преступлений несовершеннолетних: исторический аспект // Адвокатская практика. 2005. № 6. С. 6–8.
14. Галкин А. Возвращение ювенальной юстиции в Россию // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 15–16.

Левин В. В.

Суды присяжных заседателей в российской судебной системе: правовые особенности и проблемы

Levin V. V. Jury Trials in the Russian Judicial System, Legal Features and Problems

Статья посвящена вопросам толкования понятия «суд присяжных» в Российской Федерации (РФ) как неотъемлемой части судебной системы, связанного с процессом осуществления правосудия. Кроме того, автором рассмотрены особенности категорий зависимости и независимости судебных заседателей при осуществлении правосудия.

Ключевые слова: присяжные заседатели, практика деятельности суда присяжных заседателей, суд, судья, законодательство.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (965) 009-15-08; e-mail: zxy.2014@mail.ru.

The article is devoted to the concept of jury trial in the Russian Federation as an integral part of the judicial system, which is associated with the process of justice. In addition, the article discusses the features of dependence and independence of court assessors in the process of justice.

Keywords: jurors, practice of jurors ' court, court, judge, legislation.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44a, St. Petersburg, 190103, Russia; (965) 009-15-08; e-mail: zxy.2014@mail.ru.

Демократические преобразования, происходящие в Российской Федерации (РФ), неотвратимо вызывают глубокие изменения в ее правовой системе. Значимым направлением в данной области преобразований стала судебная реформа, которая включает в себя и пересмотр уголовно-процессуального законодательства, а также судебной системы РФ. Важной составляющей судебной реформы однозначно является возвращение в Россию суда с участием присяжных заседателей [2; 9].

Особенность института присяжных заседателей как неотъемлемой части судебной системы в России заключается в том, что для проведения судебного заседания по конкретному делу методом случайного подбора назначаются граждане, которые приобретают статус судебных присяжных заседателей для участия в разбирательстве. Вместе с тем особенность судебного разбирательства при участии присяжных заседателей состоит в том, что функциональные обязанности во время заседания суда строго подразделяются между судьей и заседателями. Все, что касается норм права и его толкования, относится к юрисдикции профессионального судьи, вопросы факта относят к юрисдикции заседателей [4]. Как правило, присяжные заседатели призваны рассматривать дела о совершении тяжких преступлений в суде первой инстанции. И в соответствии с отечественным законодательством работа судов присяжных заседателей осуществляется исключительно по делам уголовной направленности [6].

Характеризуя порядок вынесения решений судом присяжных заседателей, необходимо указать на тот факт, что принятые решения становятся легитимны-

Левин Владимир Владимирович — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Левин В. В., 2020

ми в случае большинства голосов. Если говорить о численной составляющей дел, по которым в России к судебному разбирательству привлекаются присяжные заседатели, то показатели не такие и высокие. К примеру, в 2017 г. с участием присяжных заседателей рассмотрено лишь 224 дела. Если сравнивать показатель рассмотрения дел с судами профессиональной направленности, то дифференциация будет в тысячу раз разительнее [5]. Однако если проанализировать решения по итогам судебных заседаний, то процентное соотношение по приговорам оправдательного характера в судах с участием присяжных заседателей будет намного выше, чем при производстве с участием профессиональных судей. Исходя из статистических данных, можно наблюдать, что, к примеру, показатели оправдательных приговоров варьируются от 13,6 % в 2014 г. и до 20,79 % в 2008 г.

Приведенные показатели намного выше показателей оправдательных приговоров, вынесенных профессиональными судьями. Общие данные в России по оправдательным приговорам по делам уголовной направленности составили лишь от 0,69 % в 2012 г. и до 1,09 % в 2011 г. После изменения законодательства в июле 2018 г., когда присяжные заседатели стали принимать участие в судебных заседаниях районного уровня, за первое полугодие их работы рассмотрено 59 уголовных дел, по которым в 22 случаях вынесен оправдательный приговор, что составляет около 40 %. Характеризуя показатели общей статистики деятельности судов присяжных, можно заметить, что изначально при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей в России число оправдательных приговоров на тот момент было более 30 %. Конечно, нельзя не обратить внимание, анализируя этот период, что большое влияние оказывали адвокаты на сознание судебных присяжных заседателей. Со временем прокуроры научились работать с присяжными. Среди них появились специалисты, обладающие огромным опытом [2].

Вместе с тем судьи чаще стали ограничивать адвокатов в процессе: их чаще останавливают, когда они задают вопросы участникам процесса и выступают в прениях. Все это привело к тому, что процент оправдательных приговоров значительно стал снижаться. Несмотря на то, что наблюдается высокая тенденция к оправдательным приговорам в судах с участием присяжных заседателей, с учетом ст. 389.25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) оправдательный приговор, вынесенный с участием коллегии присяжных заседателей, может быть отменен ввиду существенных процессуальных нарушений, на основании чего в российском государстве немало оправдательных приговоров отменяется судами высшей инстанции [5]. К примеру, в 2016 г. отменено около 60 % оправдательных приговоров. Возникает вопрос о том, каковы причины такой статистики.

Анализируя особенности деятельности присяжных заседателей, важно с критической точки зрения осмыслить ряд аспектов. Итак, вынесение вердикта коллегией присяжных заседателей осуществляется в специально отведенной совещательной комнате, в которую, кроме заседателей, никого не допускают, согласно требованиям ч. 2. ст. 341 УПК РФ, тем самым позволяя последним избежать какого-либо влияния извне [4].

В такие моменты, когда заседатели остаются, чтобы вынести вердикт в соответствии с принципом тайны совещания, некоторые из числа присяжных, а иногда и большинство из них, осознавая факт отсутствия ситуации публичности, допускают в своей речи ненормативную лексику, абсолютно не опасаясь каких-либо мер воздействия по отношению к ним со стороны государства. Единственной нормой регулятивного характера в данной ситуации могут быть нормы морали и личного мнения других заседателей, которые, к сожалению, не всегда эффективны в подобных ситуациях. В итоге складывается ситуация безнаказанного

употребления ненормативной лексики в помещениях судебных государственно-властных учреждений, что подрывает авторитет как судебной системы, так и государства в целом. Говоря о фактах такого рода, В. М. Баранов указывает в своих исследованиях на то, что «одним из социально вредных и болезненно масштабных проявлений свидетельств теневого (и не только преступного) права выступает распространение в российском обществе бранной, ненормативной, инвективной лексики» [1, с. 104].

Уместно акцентировать внимание на качественном составе суда присяжных заседателей. Несмотря на то, что в законодательстве о порядке судоустройства предусмотрены меры, ограждающие суд присяжных от участия в нем криминального элемента [10], и в списки заседателей не могут быть включены лица, у которых имеется неснятая или непогашенная судимость, если судимость будет снята или погашена, человек вполне может попасть в ряды судебных заседателей. В ситуации такого плана мы видим четко обозначенную возможность для того, чтобы преступники (хотя и в прошлом) проникали в ряды «народных» судей.

И хотя в определенной мере нами осуждается конституционный принцип равенства всех перед законом, недопустимости преследовать человека за то, за что он уже ответил и понес соответствующую кару, учитывая, что речь идет об ограничениях дисквалификационного плана, что также является своего рода наказанием, важно обратить особое внимание на какие-то иные механизмы составления списков присяжных заседателей. В данном случае становится возможным вспомнить исторические аспекты суда присяжных заседателей. По регламенту Судебных уставов 1864 г., в ряды присяжных заседателей могли попасть только те граждане, которые были известны своим «степенным образом жизни» и которые в обществе значились как люди, «имеющие добрую нравственность», а значит, по утверждению Н. П. Ерошкина, обладали «известным цензом благонадежности» [3]. Исходя из этого, в настоящее время вышеуказанный ценз благонадежности может быть эффективным инструментарием для ограждения судебной системы от неблагожелательных лиц, которые могли бы принимать участие в судебных заседаниях в качестве присяжных.

Важность и потребность в таком отборе для судебных заседаний в современной России, как показывает судебная практика, продиктована теми обстоятельствами, что сегодня для судебных заседаний подбираются не совсем благонадежные граждане в плане их правосознания. В списки присяжных заседателей могут попасть граждане без определенных занятий, т. е. безработные, граждане, склонные к аддиктивному поведению, употреблению алкоголя, граждане без определенного места жительства. И даже если в конкретных случаях таких заседателям стараются дать отвод, судебные заседания очень часто срываются. Соответственно, напрашивается вывод о том, что нежелательных присяжных заседателей целесообразно отстранять еще на стадии формирования списков.

Альтернативным, менее желательным критерием по сравнению с цензом благонадежности для отбора в ряды присяжных заседателей может быть рассмотрен ценз имущественного характера. Данный критерий не совсем отвечает принципам демократических начал. Однако, как показывает судебная практика в области деятельности присяжных заседателей, в составе суда присяжных в России часто оказываются лица, воспринимающие свой статус как возможность дополнительного получения определенного дохода, несмотря на то, что законом закрепляется порядок материального обеспечения присяжных заседателей [10]. Подобные лица совершенно не заинтересованы в объективности судебного разбирательства [4]. В данном случае уместно вести речь об отборе кандидатов, имеющих официальное место работы, за которую получают заработную плату.

Ее размер оговаривается в законе, регламентирующем порядок материального обеспечения присяжных. Одним из положительных моментов критерия отбора по имущественному цензу, на наш взгляд, будет предположение о снижении уровня коррупции в рядах присяжных заседателей.

В настоящее время проблема коррупции во многих сферах нашей жизни, в том числе в сфере судебной системы, в рядах «судей общественной совести», не является вымыслом. Рассматривая проблему коррумпированности присяжных заседателей с субъективной стороны, можно привести пример социологических исследований, где речь идет о том, что 40 % респондентов, которые не желали, чтобы их дела в суде рассматривались с участием присяжных заседателей, в качестве причин таких решений высказали мнение о возможном влиянии на судебных заседателей в процессе судебного разбирательства и давлении на них со стороны заинтересованных лиц. Другая, менее значительная часть респондентов заявила о бессмысленности института суда присяжных ввиду высокой вероятности коррумпированности таких заседателей [4].

С объективной точки зрения, исходя из исторических данных, начиная с середины XIX столетия, после судебной реформы 1864 г., законодатели того времени, которые вводили в судебную систему институт присяжных заседателей, предполагали возможность коррупции в рядах «судей общественной совести» и заблаговременно в целях профилактики вводили в Судебные уставы положения о порядке рассмотрения преступлений в суде с присяжными заседателями. Например, ст. 1073 Устава о порядке уголовного судопроизводства 1864 г. предусматривала ответственность судебных присяжных заседателей перед Судебной палатой в случаях нарушения своих обязанностей [4].

Исходя из анализа трудов Н. Н. Розина, известного процессуалиста конца XIX — начала XX в., выявлено, что в течение пятнадцати лет, с 1879 по 1892 г., судами с участием присяжных заседателей рассмотрено 208.000 дел. В результате за «мздоимство» осуждены 29 присяжных, т. е. лишь 0,0012 % от общей их численности за указанный период [8]. И хотя, на первый взгляд, показатели кажутся незначительными (всего лишь тысячные доли), очень важно учитывать, что статистические данные касаются осужденных заседателей, а не тех, кто осужден не был. Поскольку чью-то виновность не смогли доказать, кого-то оправдали для поддержания авторитета статуса суда присяжных, а в отношении кого-то не стали проводить разбирательство. В большинстве случаев дела не были доведены до судебного разбирательства. Кроме того, значимая часть фактов коррупционных проявлений не была известна следствию.

Помимо всего прочего, в своих трудах Н. Н. Розин указывал на тот факт, что из 208.000 составов заседателей [4] за десять–двадцать дней, в течение которых продолжалась сессия, каждый из участвовавших в судебном заседании присяжных был допущен к рассмотрению порядка десяти, пятнадцати дел [8]. Исходя из этого, становится очевидным, что осужденные за мздоимство присяжные заседатели участвовали по меньшей мере в рассмотрении более 400 дел, что не так уж и мало. В настоящее время фактически не состоялось еще ни одного уголовного процесса по обвинению присяжных заседателей в коррупции. Это, однако, не означает, что данной проблемы сегодня не существует.

Участники юридической практики отмечают важность и необходимость изолирования присяжных заседателей в ходе процесса, так как на последних может оказываться большое воздействие [4]. Ведь в реальности, исходя из практики, необходимо воздействовать либо подкупить всего лишь трех или даже двух заседателей, и они смогут повлиять на остальных, чтобы было принято нужное решение. В состав суда присяжных заседателей включаются безработные пенси-

онеры, но повлиять на таких заседателей или подкупить их не так уж и сложно [4].

Помимо других негативных моментов в деятельности судов присяжных заседателей, опаснейшим явлением воздействия на сознание, с которым нередко сталкиваются присяжные заседатели, следует признать правовую демагогию. Это явление можно охарактеризовать как особый вид социального взаимодействия, который заключается в преднамеренном искажении информации с целью воздействия на эмоциональные состояния личностей присяжных заседателей, для получения вследствие такого воздействия результата, который выгоден манипулятору. Искажение представляемой информации может варьироваться под видом благих намерений, которые принесут пользу обществу и государству в дальнейшем [1, с. 133].

Часто адвокат сознательно утаивает от заседателей важную часть информации, которая совсем не выгодна для его клиента. Конечно, для стороны защиты это — нормальная практика, связанная с адвокатской этикой по отношению к клиенту, при которой защитник не вправе разглашать информацию о клиенте. Однако отрицательный момент данной этики состоит в следующем: каким образом адвокат в такой ситуации может убеждать присяжных в том, что его клиент невиновен, заведомо зная о его причастности к деянию.

Кроме того, сегодня большое число пособий и практических рекомендаций в юридической психологии, связанной с вопросами защиты в уголовном судопроизводстве, кроме необходимых рекомендаций, описывают и техники коммуникативных технологий, направленных на психологическое воздействие, эмоционально-волевую сферу личности. Данные рекомендации и пытается в процессе использовать сторона защиты для воздействия на психику присяжных с целью достижения запрограммированного результата. Именно на такие особенности указывают противники института суда присяжных, которые говорят о том, что в данном случае присяжные вводятся в трансовое состояние и принимают неадекватные решения, в связи с которыми и выносится общий вердикт. Соответствующие решения вызывают и негативную реакцию общественности. Во избежание подобного рода воздействий необходим качественный отбор присяжных, обладающих сформированным уровнем личностного правосознания, для умения в ходе судебного заседания контролировать свои эмоциональные состояния и исходить в своей деятельности исключительно из правовых фактов, как это обязаны делать профессиональные судьи.

Итак, освещая проблематику, с которой сталкиваются суды присяжных заседателей, необходимо подчеркнуть, что, на наш взгляд, устранение вышеперечисленных недостатков будет возможным при соблюдении следующих условий.

1. Если в процессе составления списков присяжных заседателей будет обращать более пристальное внимание на критерии благонадежности и имущественное состояние граждан.

2. Если в процессе отбора присяжных заседателей в большей мере будет сделан акцент на уровень правосознания выбираемых граждан, которые должны будут понимать основы права и свой правовой статус присяжного заседателя.

Однако такая практика требует значимых временных и финансовых затрат и фактически трудна с позиции ее реализации. Но ей может способствовать практика правовой пропаганды в виде пособий, брошюр, буклетов, правовых рекомендаций, в которых в доступной форме до сведения присяжных заседателей будут доведены объяснения и комментарии правовых основ, особенностей института присяжных заседателей, а также будет дано толкование их прав и обязанностей [11; 12]. Просветительно-правовая работа среди присяжных заседателей

позволит избежать правового нигилизма и упредить правовой дилетантизм. Несмотря на протесты со стороны приверженцев суда присяжных, заключающиеся в требованиях отсутствия у заседателей специального юридического образования, дабы не мешать идеям суда присяжных, которые основываются на стратегии решения вопросов «факта» непрофессионалами, элементарная правовая просветительская работа о правах и обязанностях, роли в уголовном судопроизводстве не будет являться фактом специальной юридической подготовки.

3. Если приемлемы достаточное финансовое обеспечение присяжных заседателей, которое позволит последним избежать соблазна взятки, и, конечно, реальные гарантии безопасности со стороны государства.

4. При условии детализации норм права в отношении присяжных заседателей, нарушивших закон. Сегодня заседатели являются должностными лицами, которые наделены специальными функциональными полномочиями [7]. Значит, в случаях получения вознаграждения с целью вынесения соответствующего решения в чью-то пользу заседатели будут осуждены в соответствии со ст. 290 «Взятка, полученная должностным лицом» Уголовного кодекса (УК) РФ. Допустимо полагать, что законодательство в данном случае необходимо скорректировать и дополнить УК РФ статьей об ответственности именно присяжных заседателей, которые получили какие-либо блага материального, иного характера для вынесения решения в пользу взяткодателя.

Исходя из изложенного, вопреки существующим мнениям, институт суда присяжных пока не может быть гарантом личностных прав и свобод. В настоящее время законодательство требует определенной доработки в этой сфере, хотя в данном направлении сделано уже немало.

Возможно, по причине недоверия со стороны общества и судебной системы мы видим то, что несмотря на увеличение в исследуемый период числа дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей, эта цифра остается ничтожно малой [2]. Если провести анализ статистических данных о среднем количестве дел, которые сегодня рассматриваются с участием присяжных заседателей в России, можно увидеть, что в каждом субъекте за год присяжными заседателями рассмотрено всего по три–четыре дела [2]. Возможно, из-за недоверия со стороны судебной системы к институту присяжных заседателей в нашей стране, к сожалению, оправдательный приговор по-прежнему рассматривается как нечто чуждое судебной системе. Иначе как объяснить, почему оправдательные приговоры в суде первой инстанции в большинстве случаев отменяются судами второй инстанции (в отдельных случаях даже по надуманным основаниям) [2; 5].

Представляется, что с учетом описанных недостатков и при их исправлении распространение института присяжных заседателей вызовет в недалеком будущем большее доверие в нашем обществе и судебной системе. Профессиональные же участники уголовного процесса начнут доверять суду присяжных и понимать, ценить его преимущества и достоинства.

Литература

1. Баранов В. М. Теневое право. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. 165 с.
2. Ергалиев К. А. Анализ деятельности суда присяжных за 2016–2018 гг. // Молодой ученый. 2019. № 25 (263). С. 285–287.
3. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
4. Демичев А. А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 481 с.

5. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел в 2018 году // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/27651/> (дата обращения: 12.03.2020).
6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=37&text=%F1%F2> (дата обращения: 12.03.2020).
7. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 (в ред. от 22 мая 2012 г.). Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Розин Н. Н. О суде присяжных: публ. лекция. Томск: паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1901. 35 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
10. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (в ред. от 1 октября 2019 г.). Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
11. Квачевский А. А. Суд присяжных по русским законам. Руководство для присяжных заседателей. СПб.: тип. Ф. С. Сущинского, 1873. 566 с.
12. Фармаковский В. Книжка для присяжных заседателей о суде присяжных. 2-е изд. Вятка: скороп. А. А. Красовского, 1876. 49 с.

Чангли И. Д.

Идеологические и исторические предпосылки возникновения советской государственно-правовой системы, ее основные черты и принципы

***Changli I. D. Ideological and Historical Prerequisites for the Establishment
of the Soviet State-Legal System, Its Essence and Principles***

В статье рассмотрены основные теоретические и идеологические положения марксизма-ленинизма о государстве и праве, исторические предпосылки возникновения Советского государства в 1917 г. и факторы, которые обусловили конкретные формы государственно-правового строительства в первые годы существования Советского государства.

Ключевые слова: советская государственно-правовая система, диктатура пролетариата, советы депутатов трудящихся, общественно-экономическая формация, социалистическое общество, государственно-правовое строительство.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-10; e-mail: i_changli@mail.ru.

The article examines the main theoretical and ideological provisions of Marxism-Leninism about the state and law, the historical prerequisites for the emergence of the Soviet state in 1917 and the factors that determined specific forms of state and legal construction in the first years of the existence of the Soviet state.

Keywords: Soviet state-legal system, dictatorship of the proletariat, councils of workers' deputies, socio-economic formation, socialist society, state-legal construction.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44a, St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 451-19-10; e-mail: i_changli@mail.ru.

Согласно марксистской идеологии, советское государство и советское право — это промежуточные, но важные звенья, которые должны опосредовать движение общества к коммунизму.

В свете марксистско-ленинской парадигмы государство и право для социалистического общества являются атрибутами, которые впоследствии, по мере перехода в коммунистическую социально-экономическую формацию, должны будут отойти на задний план и в конечном итоге отмереть [1, с. 70], словно рудиментарные органы в процессе эволюции живого существа. Государство и право, по марксизму, должны пройти эволюционный путь к коммунистическому самоуправлению и правилам коммунистического общежития [2, с. 82]. Некоторые нормы права и вовсе не перерастут в правила коммунистического общежития, так как с приходом коммунизма совершенно утратят свое историческое значение: например, нормы правосудия [3, с. 138]. Высокое значение регулирования общественных отношений при коммунизме будет обеспечено за счет полного отмирания государственной и политической форм руководства [3]. Судьбу права и государства описывал советский исследователь Д. Дембский: «Каково будущее права в бесклассовом, социалистическом обществе...? Право умрет на пороге социалистического общества, ибо в этом обществе не будет господствующего класса и не

Чангли Иван Дмитриевич — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Чангли И. Д., 2020

будет государственной власти, ибо в нем не будет принуждения с его судами, тюрьмами, полицией и армией» [4, с. 87].

Суть коммунистической общественно-экономической формации В. И. Ленин понимал следующим образом: «Коммунизм, если брать это слово в строгом значении, есть безвозмездная работа на общественную пользу, не учитывающая индивидуальных различий, стирающая всякое воспоминание о бытовых предрассудках, стирающая косность, привычки, разницу между отдельными отраслями работы, разницу в размере вознаграждения за труд и т. п. [5, с. 164]. Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу» [5, с. 180].

Из приведенных общих понятий коммунистической общественно-экономической формации явно следует, что прежде чем она будет достигнута, социалистическое государство и право должны подвести под нее высокий уровень общественного самоуправления и общественного самосознания каждого человека, которое будет неразрывно с интересами общества. Таким образом, выдвигается тезис о необходимости воспитания человека, для которого необходимость трудиться на общественное благо, дисциплина труда будут обеспечиваться не государственным принуждением (которым в целом обеспечивается право как государственная воля в любом современном государстве), а внутренним самосознанием, пониманием своего долга перед обществом [6, с. 8].

Но прежде чем указанные точки общественного развития будут достигнуты, государство и право должны будут выполнить иные, специфичные функции, связанные первоначально с усилением роли государства в общественном развитии. И история Советской России это продемонстрирует.

Вопрос о государственном строительстве тесно связан с вопросом о формировании правовой системы. Задача права в новом, Советском государстве — возведение в закон воли пролетариата, утвердившего свою диктатуру [2, с. 7]. Право было призвано стать своеобразным орудием классового господства и воспитания трудящихся [2, с. 8]. Итак, прослеживается классовая сущность правовой системы нового, Советского государства. При этом именно пролетариат, как наиболее прогрессивный, по мнению большевиков, класс, призван выступить доминирующим классом, воля которого должна стать абсолютном для всех прочих классов, существующих в государстве.

У советского права был совершенно иной дух, нежели у права буржуазных государств. И этот дух права в советской правовой системе на самых первоначальных этапах существования нового, Советского государства реализовывался непосредственно, поскольку еще не существовало ни основного закона (конституции), ни основных отраслевых законодательных актов: уголовного кодекса, гражданского кодекса, кодексов, регулирующих процессуальные процедуры, земельного, водного, лесного кодексов и др. Таким образом, при правотворчестве на первое место выходили классовая и революционная целесообразность, основанные на теоретических трудах авторов марксистской идеологии Ф. Энгельса, К. Маркса, В. И. Ленина. Это четко прослеживается в Декретах, изданных новой властью: Декрете о мире, Декрете о земле, декретах о национализации промышленных предприятий, железных дорог, банков и других.

Очевидно, что революционная целесообразность и классовое сознание — понятия абстрактные, пространные, сильно отличающиеся от строго формально определенных правовых норм. Данный факт в ряде случаев вел к произволу со стороны тех, кто был призван эту целесообразность вершить на практике. Причина такого произвола находится на поверхности: вопрос о волевых действиях сообразно революционной целесообразности и классовому сознанию выступает

как вопрос о волевых действиях сообразно понятиям о морали, о добре и зле, но только вкупе с теоретическими марксистскими положениями. Уровень же морального сознания, уровень нравственной зрелости у каждого человека может быть разным, не говоря об индивидуальных психологических особенностях каждого.

В деле государственно-правового строительства ведущую роль, разумеется, играла большевистская партия. Манифест Коммунистической партии К. Маркса и Ф. Энгельса содержит прямое указание на то, что «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса...». При этом коммунисты в целом являются представителями пролетарского движения в борьбе за свои права независимо от национальных различий. Цель партии очевидна: завоевание власти. Однако на первый план выдвигается революционный метод ее завоевания, т. е. силовое ниспровержение власти имущих классов. После достижения поставленной цели (завоевания политической власти) Коммунистическая партия должна обеспечить дальнейшее исполнение целей и интересов рабочего класса, в том числе посредством формирования государственного аппарата.

Из вышеизложенного следует, что в социалистическом государстве партийное и государственное управление представляют собой своего рода симбиоз: срастаясь, они образуют одну сообщающуюся и взаимодополняемую систему. История РСФСР и СССР со всей очевидностью продемонстрировала на практике единство партии и государства.

Если политическую форму выражения воли рабочего класса, диктатуры пролетариата представляла Коммунистическая партия, РКП (б), то государственной формой выражения интересов рабочего класса являлись Советы депутатов трудящихся [7], образцом для которых стал Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов — орган управления, возникший едва ли не стихийно на основе группы рабочих сразу после Февральской революции. Теоретическое обоснование создания советов В. И. Ленин дал в 1917 г. в своих знаменитых Апрельских тезисах, утверждая, что именно эта форма диктатуры пролетариата в противовес парламентско-демократической форме будет наиболее полно отвечать классовым интересам пролетариата и других трудящихся классов [7]. Причем советы были призваны соединить в себе как законодательные и представительные функции, так и исполнительные. Строиться советы должны были на основе выборности. Однако ввиду классового характера этих органов доступ в них «эксплуататорских классов» был закрыт, а руководство советами должно было осуществляться именно Коммунистической партией [7].

Будучи порожденной социально-экономическими процессами, разворачивавшимися в XIX — начале XX в., марксистско-ленинская идеология смоделировала теоретические пути перехода от капиталистического общества к социалистическому. Но реальные исторические условия в каждом государстве всегда имели специфику. К примеру, в Финляндии, получившей независимость в 1918 г., предпосылками к революционному движению, нацеленному на то, чтобы совершить переход к советской, социалистической государственно-правовой системе, стали такие факторы, как прекращение ввоза хлеба в Финляндию из России и, как следствие, усугубление разгоравшегося продовольственного кризиса, остро стоявший вопрос о «тропарях» — арендаторах земли, которые несли тяжелое бремя в пользу арендодателя, а также разногласия относительно формирования армии [8, с. 49–50]. В России же комплекс исторических факторов и предпосылок более внушителен и противоречив.

Ленин называл вопрос о государстве на начальных этапах существования советской власти «самым большим вопросом» [9, с. 80]. Данный факт обусловлен

тем, что, во-первых, пришедшей к власти партии большевиков нужно было строить государственно-правовую систему и налаживать государственно-правовой механизм практически с нуля, на обломках старой системы, а опыта подобного строительства в мировой истории не имелось. Во-вторых, вопросы государственно-правового строительства в Советском государстве должны были протекать на фоне колоссальнейших трудностей, с которыми столкнулась к 1917 г. наша страна: продолжалась Первая мировая война, и новому руководству требовалось найти пути для выхода из нее на наиболее выгодных условиях. Кроме того, в стране царил глубокий экономический, политический и социальный кризис, который не закончился вместе со случившейся революцией. Оставались неразрешенными вопросы о том, каким будет государственно-территориальное устройство Советской России, каковы будут пределы права наций и народов на самоопределение, какие следует выработать методы противодействия сепаратистским и националистическим настроениям. После прихода к власти большевиков началось и противодействие антибольшевистских сил, что неизбежно привело в дальнейшем к Гражданской войне и повышению градуса насилия со стороны противников советской власти и со стороны ее самой, что, в свою очередь, существенно повлияло на государственно-правовое строительство, проводимое большевиками. В условиях Гражданской войны началась и иностранная интервенция ряда государств на территорию России, их вмешательство во внутривнутриполитические процессы в России.

Все эти факторы неминуемо влияли на выбор особой политической тактики большевиков и, как следствие, на формирование государственно-правовой системы. Такое положение четко прослеживалось на примере периода Гражданской войны, экономической разрухи и голода. К примеру, с целью мобилизации необходимых сил и средств на борьбу с противниками в РСФСР 30 ноября 1918 г. создан государственный орган — Совет рабочей и крестьянской обороны (СРКО). Создание указанного органа оформлено соответствующим постановлением ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 г.: СРКО передавались все полномочия, связанные с мобилизацией сил и средств в военных целях, указания СРКО носили императивный, обязательный характер. Упомянутым постановлением в РСФСР был провозглашен военный режим, «т. е. режим суровой трудовой дисциплины, отвечающий положению страны, которую бандиты империализма вынудили превратить в военный лагерь» [10, с. 1279–1280]. Очевидно, что военный режим распространялся на все сферы общественной жизни в Советской России и диктовал свои правила социально приемлемого поведения. Формирование такого органа, как Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, уже названии несет указание на факторы, обусловившие необходимость формирования этого органа.

Итак, история Советской России дает нам яркую демонстрацию того, как претворялись на практике теоретические догмы о праве и государстве, с реальными историческими факторами, событиями и предпосылками: ставившее своей целью утверждение диктатуры пролетариата советское правительство нового типа, имевшее теснейшую связь с партийной организацией большевиков, было вынуждено действовать в сложных исторических условиях, которые детерминировали особые формы и пути государственно-правового строительства. Действия советской власти в указанных условиях носили двойственный, порой противоречивый характер: вслед за принятием первой официальной Конституции, изданием актов, расширяющих права и свободы трудящихся классов, был издан Декрет «О красном терроре». В этом документе провозглашалось лишение базового права на жизнь всех, кто был противником советской власти. Однако вопрос последствий таких политических решений станет предметом отдельного исследования.

Литература

1. *Боровиков А. П.* Начала марксизма-ленинизма: учеб. пособие. М.: Татмедиа, 2011. 264 с.
2. *Явич Л. С.* Право и коммунизм. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. 101 с.
3. Право и коммунизм: сб. ст. / под ред. Д. А. Керимова. М.: Юридическая литература, 1965. 143 с.
4. *Дембский Д.* Нравственность и право с точки зрения исторического материализма: научно-общедоступный очерк. Харьков: Пролетарий, 1925. 92 с.
5. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 30. М.: Госполитиздат, 1958–1965. 561 с.
6. *Лесной В. М.* Государство, право и коммунизм. М.: Изд-во Московского госуд. ун-та, 1964. 72 с.
7. *Уманский Я. Н.* Советское государственное право. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. 40 с.
8. *Попов Д. А.* Финский излом. Революционная ситуация и революционные органы власти в Финляндии. 1917–1918. М.: Спутник +, 2018. 105 с.
9. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Госполитиздат, 1970. 623 с.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indentation — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

**Журнал «Социология и право» включен
в перечень российских рецензируемых научных журналов,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки РФ
для публикации основных научных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

**Подписка во всех отделениях связи.
Индекс в каталоге агентства «Роспечать» — 80406**

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ
(812) 448–82–50, izdat-ime@yandex.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Социология и право» обязательна

Сведения, касающиеся изданий и публикаций,
включены в международную справочную систему по периодическим
и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodical Directory"

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный в сети Интернет по адресу <http://www.elibrary.ru> (научная электронная
библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию,
извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ *Ярцева О. В.*
Выпускающий редактор *Салина В. В.*
Корректор *Чулкова Е. С.*
Компьютерная верстка *Шмелёв М. Ю.*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67818 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Журнал издается с 2009 г.
Выходит раз в квартал.

Подписано в печать 30.09.2020.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 8,8. Усл. печ. л. 13,95.
Тираж 500 экз. Заказ № 200.

Цена свободная

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики